

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 4/2009

Учредитель издания:

Государственное
образовательное учреждение
высшего профессионального
образования
«Российская правовая академия
Министерства юстиции
Российской Федерации»

Главный редактор:

С. И. Герасимов, д-р юрид. наук

Заместитель главного редактора:

Б. В. Яценко, д-р юрид. наук, проф.

Ответственный секретарь:

Г. А. Насимов, канд. юрид. наук, доц.

Редакционная коллегия:

В. Н. Бабенко, д-р ист. наук, проф.;
Е. В. Богданов, д-р юрид. наук, проф.;
В. А. Виноградов, д-р юрид. наук, проф.;
В. А. Гейхман, канд. юрид. наук, проф.;
Н. Г. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
М. Н. Илюшина, канд. юрид. наук, доц.;
А. А. Лебедева, д-р филол. наук;
Б. Н. Мальков, д-р филол. наук, проф.;
О. В. Медведев, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Морозов, д-р юрид. наук, проф.;
М. М. Рассолов, д-р юрид. наук, проф.;
Б. В. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
Е. В. Шибанова, канд. юрид. наук, доц.

© Вестник Российской правовой академии,
2009.

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации № 77-15470 от 20 мая 2003 г.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК), публикация в которых обязательна при защите докторских и кандидатских диссертаций.

Адрес редакции:

117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.

Тел./факс: 8-499-613-4754,
8-499-613-7218.

E-mail: vestnik-rpa@mail.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Над номером работали:

В. А. Виноградова, Е. Б. Елисеева, Е. В. Зайцева, Ю. С. Петрова, И. Е. Яковлева.

Дизайн: Ю. С. Петрова.

Верстка: Е. Б. Елисеева.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Формат 60×90 1/8. Печ. л. 12,25.

Подписано к печати 16.12.2009

Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история государства и права

Батова С. А.

Николай Львович Дювернуа 3

Ерофеева Д. В.

Юридическое лицо как субъект права
в Древнем Риме 6

Карлагин О. Н.

Особенности правовой психологии
муниципальных служащих 10

Прок М. А.

Политические партии в российской
политической системе 13

Протасов В. Н.

Ноу-хау в защите диссертаций 17

Сиваченко А. Н.

Развитие избирательного законодательства
Российской Федерации на современном этапе 19

Цыганаш В. Н.

К вопросу о концепте судебной власти 23

Гражданское право

Азаров М. С.

Функции доменных имен в гражданском праве 27

Айнуллина Э. И.

Актуальность осуществления страхового надзора
при выработке стратегии развития страхования
в Российской Федерации 31

Кирпичев А. Е.
Запрос котировок
в системе способов
заключения договоров 37

Тютерева Н. Н.
Соотношений понятий
«крестьянское хозяйство»
и «фермерское хозяйство» 43

Цветкова М. В.
Соотношение
недобросовестной конкуренции
и злоупотребления правом 47

Скобликова Е. Л.
Сделки как основания
возникновения, изменения
и прекращения
семейных прав и обязанностей 51

Финансовое право

Рябова Е. В.
Развитие бюджетного
законодательства России в рамках
правового регулирования стадии
становления проекта бюджета 57

Уголовное, уголовно-процессуальное право, криминология и криминалистика

Александров А. Н.
Проблемы квалификации
неуважения к суду и смежных
преступлений: оскорбления,
оскорбления представителя власти
и оскорбления военнослужащего 62

Архипов И. Ю.
Экономические и правовые аспекты
реформирования производственного
сектора уголовно-исполнительной
системы России 67

Букалерева Л. А., Устьяев Л. Г.
Информационные
коррупционные преступления 72

Ринчинов Б. А.
Нарушения требований закона
судом, постановившим судебное решение,
препятствующие рассмотрению дела
судом кассационной инстанции 76

Трудовое право

Зубенко О. М.
Особенности рассмотрения судами споров,
обусловленных увольнением работников
в связи с их несоответствием
занимаемой должности 81

Циткульский В. Ф.
К 90-летию Кодекса законов
о труде Российской Советской
Федеративной Социалистической
Республики 1918 года 85

Сокращения, принятые в издании 89

Наши авторы 90

Вышли из печати 94

Правила приема и требования,
предъявляемые к рукописям,
направляемым в редакцию
журнала «Вестник
Российской правовой академии» 95

Николай Львович Дювернуа

Nikolay Lvovich Djuvernua

В статье освещаются основные вехи творческого и жизненного пути видного российского цивилиста Н. Л. Дювернуа (1836—1906). Дается краткая характеристика его монографических работ.

Дювернуа; профессор; лекции; право; цивилист; диссертация

In article the basic marks creative and a course of life visible Russian цивилиста with N. L. Djuvernua (1836—1906) are shined. The short characteristic of its monographic works is given.

Djuvernua; the professor; lectures; the right; the dissertation

Николай Львович родился в Москве в октябре 1836 г. Непривычную для русского слуха фамилию он унаследовал от отца — француза, принявшего русское подданство и преподававшего в Александринском сиротском институте французский язык.

Весной 1853 г. Дювернуа окончил 4-ю Московскую гимназию с правом поступления в университет без экзаменов и в том же году был зачислен студентом юридического факультета Императорского Московского университета.

В те годы учебная программа факультета предусматривала углубленное изучение многих исторических дисциплин. Лекционные курсы по ним читали такие известные ученые, как Т. Н. Грановский (всеобщая история), П. Н. Кудрявцев (история Востока и Древней Греции), С. М. Соловьев (русская история) и др.

Из юридических дисциплин более других студента Н. Л. Дювернуа интересовали лекции профессора Н. И. Крылова (история и догма римского права) и И. Д. Беляева (история русского права).

Не исключено, что дальнейшая научная деятельность Николая Львовича, в особенности на ее первоначальном этапе, во многом предопределилась тем интересом к истории права, который был заложен еще в университетские годы.

После окончания в 1857 г. университета Дювернуа некоторое время продолжает служить там в качестве помощника инспектора, а затем переходит в одну из московских гимназий преподавателем законоведения. После того как в 1865 г. эта должность в гимназии была упразднена, Николай Львович решает продолжить образование за свой счет за границей и в том же году уезжает в Германию. Там, в Гейдельбергском университете, под руководством известного в то время романиста профессора Адольфа Вангерова он занялся углубленным изучением римского частного права.

В те годы среди европейских правоведов все более широкое распространение получают идеи основателя «реалистической школы права» Р. Иеринга, призывавшего рассматривать право

исключительно в контексте социальной жизни. Р. Иеринг преподавал в то время в Гейдельбергском университете, и Дювернуа, слушавший его лекции, на долгие годы стал его единомышленником, тем более что идеи реалистической школы права были во многом созвучны его собственному правопониманию. Поэтому хотя он и оставался в основном на позициях исторической школы, однако, изучая римское право, воспринимал его уже не как застывшую статичную систему, дошедшую до нас через толщу веков, не в качестве хорошо сохранившегося «археологического» феномена, а пытался проследить процесс развития этой системы в динамике, в сопряжении с социальными силами и условиями, влияющими на ее развитие, выявить их возможные корреляционные связи. Кроме того, считая, что одним из условий успешного развития римского права являлись его многообразные связи с правом других народов, Н. Л. Дювернуа значительное внимание уделял сопоставлению особенностей исторического становления других правовых систем, в особенности германской и славянской.

Вернувшись в Москву, Николай Львович сдает магистерский экзамен и приступает к работе над темой, посвященной истории древнерусского права.

В 1869 г. типография Московского университета издает итог этого исследования — объемную монографию под названием «Источники права и суд в Древней России. Опыт по истории русского гражданского права» [1] — текст магистерской диссертации, успешно защищенной Н. Л. Дювернуа в том же году.

Исследование начинающего ученого, в котором он осветил ряд явлений правовой жизни Древней Руси, не замеченных другими правоведами, сразу же привлекло к себе внимание научной общественности [2].

Много лет спустя, уже после смерти Н. Л. Дювернуа, его ученик профессор А. Э. Нольде дал такую характеристику этой работе: «Написанная с большим блеском и талантом, эта книга принадлежит к числу наиболее ценных произведений Николая Львовича. Благодаря широте замысла и успешному применению результатов изучения родственных правовых систем, Николаю Львовичу удалось достигнуть той цели, которую он имел перед глазами — дать яркое изображение картины древнего права. Его книга сохраняет и до сих пор свою ценность для историка права...» [3].

Другой известный российский цивилист того времени Ю. С. Гамбаров также видит основную заслугу автора в том, что тот в формах древнерусского права «хочет дать характеристику древнего права вообще и обосновать эту характери-

стику не какими-либо отвлеченными соображениями, а обширными историческими изысканиями в области источников древне-русского права, постоянно пополняемыми историческими параллелями из областей древне-римского и средневекового германского права» [4].

Еще до защиты диссертации Н. Л. Дювернуа практически одновременно получил приглашения Варшавского и Харьковского университетов, а также Демидовского юридического лицея (г. Ярославль) преподавать там гражданское право. Николай Львович принял приглашение последнего, и руководством лицея был в конце 1869 г. командирован на два года за границу для подготовки к преподавательской деятельности.

В Германию он прибыл к началу франко-прусской войны. Оставаться в этой пропитанной милитаристическим угаром стране он не желал. Кроме того, и политические симпатии его были отнюдь не на стороне немцев. Поэтому вскоре он переехал в Вену и большую часть командировки провел в местном университете, где преподавали многие известнейшие правоведы того времени. В их числе был Р. Иеринг, с которым у Н. Л. Дювернуа установились дружеские отношения. Творчество Р. Иеринга, его оригинальные построения в области теории права оказывали в то время значительное влияние на многих русских юристов (С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов и др.). Не стал исключением и Н. Л. Дювернуа, сохранивший до последних дней жизни чувство глубочайшего уважения к этому великому ученому и мыслителю. Однако это не мешало Николаю Львовичу расходиться во взглядах со знаменитым немецким юристом, в особенности по общим вопросам права, подвергая их резкой, а порой уничтожающей критике.

Вернувшись в Ярославль в конце 1871 г., Николай Львович приступил к чтению курса римского права. Его вступительная лекция под названием «Значение римского права для русских юристов» вскоре была издана в виде небольшой брошюры [5]. По мнению автора, важнейшей и насущной задачей российской юридической жизни должно явиться глубокое историческое изучение римского права, а также научная рецепция результатов его развития.

Преподавательскую деятельность в лицее Дювернуа совмещает с работой над докторской диссертацией, которую в 1874 г. он защищает на юридическом факультете Новороссийского университета [6]. Однако эта работа в отличие от его первой монографии получила неоднозначную оценку. Так, профессор А. Нольде посчитал контрпродуктивной саму попытку автора объяснить сущность и особенности корреалитета ис-

торическими условиями и общим характером римского права: «Этот широкий взгляд, с которым Николай Львович приступил к разрешению проблемы, для данного вопроса оказался непригодным. Историческое объяснение, предлагаемое им слишком обще; прямую связь между общей исторической эволюцией и разбираемым честным явлением установить ему не удалось. И даже более того — не все выводы его можно согласовать с некоторыми прямыми данными источников. Его объяснение, в виду этого не получило общего признания» [7].

Противоположное мнение о диссертации высказал известный цивилист профессор А. Каминка. Безусловным достоинством исследования он считал то, что автор «не замкнулся в тесные рамки учения о корреляльных обязательствах. Само учение о корреляльных обязательствах в значительной степени является для Дювернуа лишь средством продемонстрировать способы конструирования институтов, завещанные нам римским правом» [8]. Высокую оценку книги Н. Л. Дювернуа разделял и профессор Ю. Гамбаров: «Эта работа, как и “Источники права” стоит твердо на исторической почве и отмечена тем же стремлением найти в исследуемом явлении общие начала развития права» [9]. Ю. Гамбаров считал, что возможности догматического метода, применяемые ранее к исследованию корреляльных обязательств, ограничены и с его помощью нельзя понять ни причин возникновения коррелятивности, ни условий развития, т. е. нельзя раскрыть исторический закон его существования.

По признанию самого Николая Львовича, выбор темой исследования коррелятивного обязательства был вызван двумя обстоятельствами: во-первых, это один из центральных вопросов римского права; во-вторых, это один из тех вопросов, на ко-

торых легко и удобно наблюдать существенные законы развития юридических организмов вообще.

Вскоре после успешной защиты диссертации и присуждения (удостоения) докторской степени Н. Л. Дювернуа был избран ординарным профессором по кафедре римского права Новороссийского университета. Он переезжает в Одессу и с 1 января 1875 г. приступает к чтению курса лекций по истории и догме римского права [10].

За семь лет пребывания в университете им были разработаны по этим дисциплинам обширные курсы, которые, к сожалению, остались неизданными.

На исходе 1881 г. Н. Л. Дювернуа принимает приглашение Совета Петербургского университета занять вакантную должность ординарного профессора по кафедре гражданского права. Одновременно с 1885 г. он начинает читать лекции по римскому праву в Александровском (бывшем Царскосельском) лицее.

В Петербурге, наряду с преподавательской деятельностью, а точнее в ее продолжение, Николай Львович был занят подготовкой к изданию своего курса гражданского права, основу которого составили лекции, читаемые им в Петербургском университете. Публиковать эти работы он начал с 1883 г. [11]. Главный труд Н. Л. Дювернуа, над которым он работал много лет, — «Чтения по гражданскому праву» — выдержал до революции четыре издания и был переиздан уже в наши дни [12].

В планах Николая Львовича было продолжить выпуск «Чтений по гражданскому праву», охватив их содержанием весь курс гражданского права.

Скончался Николай Львович Дювернуа после тяжелой болезни 18 апреля 1906 г. в своей петербургской квартире на Васильевском острове и был похоронен согласно его воле на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве.

1. См.: *Источники права и суд в Древней России. Опыт по истории русского гражданского права*. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

2. См., напр.: *Судебный вестник*. 1869. № 186; *Сын Отечества*. 1869. № 204.

3. Нольде А. Памяти Николая Львовича Дювернуа // *Вестник гражданского права*. 1917. № 1. С. 9.

4. Гамбаров Ю. Николай Львович Дювернуа // *Вестник гражданского права*. 1914. № 5. С. 8.

5. См.: Дювернуа Н. Л. *Значение римского права для русских юристов*. Ярославль, 1872.

6. Его же. *Основная форма коррелятивного обязательства: Историко-юридическое и критическое исследование по римскому праву*. Ярославль, 1874.

7. Нольде А. Николай Львович Дювернуа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1906. Июль. Ч. IV. Отд. IV. С. 107.

8. Дювернуа Николай Львович / *Мир словарей*: сайт. URL: <http://mirсловarei.com/content/beo/Djuvernua-Nikolaj-L-vovich-5124.html> (дата обращения: 09.12.2009).

9. Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 10.

10. См.: Маркевич А. И. *Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка*. Одесса, 1890. С. 500.

11. См.: Дювернуа Н. Л. *Особенная часть гражданского права*. СПб., 1883; Его же. *Из курса лекций по русскому гражданскому праву*. СПб., 1889; Его же. *Конспект лекций по гражданскому праву*. СПб., 1894; Его же. *Конспект лекций по русскому гражданскому праву*. СПб., 1897; Его же. *Чтения по гражданскому праву*. 3-е изд. Т. 1: Введение и часть общая. Вып. I—II. СПб., 1898; Вып. III. СПб., 1899; 4-е изд. Т. 1: Введение и часть общая. Вып. 1. СПб., 1902; Вып. II: Лица. Вещи. СПб., 1902; Вып. III: Изменение юридических отношений. Учение о юридической сделке. СПб., 1905.

12. См.: Дювернуа Н. Л. *Чтения по гражданскому праву*. М.: Зерцало, 2004.



УДК 347.19

Д. В. Ерофеева
D. V. Erofeeva

Юридическое лицо как субъект права в Древнем Риме

Legal Entity as a Subject of Law in Ancient Rome

Настоящая статья посвящена процессу возникновения такого фундаментального понятия гражданского права, как юридическое лицо. Данное понятие исследуется в его историческом аспекте посредством изучения его первоначальных форм в Древнем Риме.

Юридическое лицо; субъект права; корпорация; обособленное имущество; частноправовое объединение

The present article is devoted to the process of arising of such fundamental concept in civil law as legal entity. This concept is examined from the historical aspect by means of investigation of its initial forms in ancient Rome.

Legal entity; subject of law; corporation; aggregate property; civil law association

Современное общество невозможно представить без организованных различным образом и для различных целей искусственных объединений людей, действующих в качестве субъектов права наряду с физическими лицами. Однако древнейшие правовые системы достаточно долго шли к идее признания статуса самостоятельного субъекта права за неким объединением физических лиц (либо их обособленных имуществ). Сам термин «юридическое лицо» подразумевает некую искусственность созданной юридической конструкции и говорит о субъекте, которого не существует в объективной действительности, который существует только в правовой сфере. Поэтому разработка такого понятия требует развитого ассоциативного мышления, знакомого с такими терминами, как «фикция», «правоспособность», «правовая природа» и др.

Древнейшими коллективами лиц были принудительные объединения публичного характера: племя, род, община, государство. Однако, как уже отмечалось, нахождение в таком коллекти-

ве не является для индивида добровольным, так как он не может изначально выбирать, находиться ли в нем или выйти. Объединения лиц публичного характера диктуют индивиду меру должного поведения, гарантируя при этом его защиту от других подобных коллективов. Постепенно одни такие коллективы отмирают вследствие собственной примитивности, другие — возникают на базе вновь формирующихся общественных отношений. Дальнейшая история развития публично-правовых объединений направлена на максимальное высвобождение индивида от подобной связанности [1], которое в то же время не нанесет вреда иным членам данного коллектива и самому субъекту в частности.

Однако в частноправовой сфере ситуация несколько иная: потребность в объединении людей для достижения определенных целей, которые не могли быть достигнуты без подобного соединения, диктовала необходимость разработки нормативной базы для нормального существования по-

добного искусственного «индивида» в обществе, для создания объективных условий по достижению целей, для которых такой «индивид» был создан.

Возникновение юридического лица в качестве особой частноправовой юридической конструкции, безусловно, связано с достижениями римской правовой мысли, поскольку до римского права ни одна из правовых систем древности не рассматривала хоть в малейшей мере такого понятия. Единственным прецедентом подобного рода можно назвать размышления Аристотеля о государстве как об объединении лиц с определенной целью, однако, очевидно, что речь опять-таки идет о публично-правовом объединении [2]. Более того, данные идеи Аристотеля не получили детальной теоретической и нормативной обработки. Можно также вспомнить свидетельство римского юриста Гая, который утверждал, что порядок свободного образования коллегий был позаимствован римлянами из законодательства Солона, однако более точных и детальных подтверждений данному факту не имеется. Поэтому пальму первенства в создании данного правового института (как и многих других) следует отдать римским юристам.

Тем не менее следует отметить, что и римская правовая мысль исследовала структуру данного явления достаточно ограниченно, не выделяя таких базовых признаков юридического лица, как наличие у него собственной воли, а также возможности выступать от собственного имени.

Под юридическим лицом понималось объединение нескольких частных лиц с определенной целью. Как уже было сказано выше, римское право не смогло дать общую характеристику всех объединений, действующих на протяжении существования римского государства, однако уже с момента создания Законов XII Таблиц римское право признавало существование индивидуализированного субъекта права, обладающего согласованной волей нескольких физических лиц. В первую очередь, конечно, речь шла о жреческих и профессиональных коллегиях.

Для обозначения объединений, обладавших собственной правоспособностью, в римском праве существовал целый ряд наименований: *collegia*, *societas*, *universitas*, *municipii* и т. п. Архаичное право признавало за римскими гражданами полную свободу объединений (коллегий), не вводя никаких ограничений по данному поводу. Данные объединения были свободны заключать любые соглашения, прямо не запрещенные законом. Однако Юлий Цезарь, воспользовавшись в качестве повода некоторыми злоупотреблениями, имевшими место на почве свободного образования коллегий, ограничил их свободу, разрешив собираться исключительно жреческим коллегиям и муници-

пиям. Позже данное указание Юлия Цезаря было несколько смягчено конституцией Октавиана Августа, который издал специальный закон, по которому ни одна корпорация (кроме религиозных и некоторых привилегированных, например похоронных, товариществ) не могла возникнуть (с юридическим ее признанием) без предварительного разрешения сената и санкции императора (так называемая разрешительная система).

Гай: «Не предоставляется всем вообще учреждение (право учреждать) ни товарищества, ни коллегии, ни союза (*corpus*), ибо и законами, и сенатусконсультами, и конституциями принципсов это дело ограничивается. В силу весьма редких причин разрешаются союзы этого рода. Например, разрешено образовывать союз участникам в сборе государственных налогов или для разработки золотых приисков или серебряных рудников и соляных варниц. Равным образом в Риме существуют некоторые общества, которые утверждены в качестве союзов сенатусконсультами и конституциями принципсов, как-то: пекарей и некоторых других (ремесленников) и союзы корабельщиков, которые существуют и в провинциях. § 1. Те, которым разрешено образовать союз под именем коллегии, товарищества или под другим именем того же рода, приобретают свойство иметь по образцу общины (*res publica*) общие вещи, общую казну и представителя (*actor*) или синдика, посредством которых, как и в общине, делается и совершается то, что должно делаться и совершаться сообща. § 2. Если никто их не защищает», то по указанию проконсула берется во владение то, что является их общим имуществом; и если после напоминания они не примут мер к защите своего, то отдается приказ о продаже имущества. Мы считаем, что нет представителя или синдика и тогда, когда он отсутствует, или ему препятствует болезнь, или он не способен к деятельности. § 3. И если постороннее лицо хочет защищать совокупность, то проконсул это разрешает так же, как это соблюдается при защите (интересов) частных лиц, ибо этим путем положение совокупности улучшается» [3].

Ульпиан: «Если должностные лица муниципии или какая-либо совокупность назначают представителя (*actor*) для предъявления иска, то не следует говорить, что это нужно рассматривать как сделанное несколькими лицами: ибо он выступает в интересах общины (*res publica*) или в интересах совокупности, а не в интересах отдельных лиц. Никому не разрешается предъявлять иск от имени общины (*civitas*) или курии (*curia*), кроме тех, кому это разрешает закон, если нет представителя для защиты их интересов» [4].

Помпоний: «Если наследство досталось тебе совместно с гражданами муниципии, то между

вами должен быть произведен судебный раздел наследственного имущества.

То же следует сказать и о судебных делах, касающихся разграничения участков и не затопления нижележащего участка» [5].

В римском праве различались виды юридических лиц:

1) корпорации — закрытые объединения физических лиц, объединяемых по определенному признаку, ремеслу. Долгое время у корпорации не было собственного имущества, ее имуществом было имущество отдельных лиц. В классический период корпорации приобрели ряд отличительных признаков:

- корпорация рассматривалась в сфере частного права так же, как рассматривается физическое лицо. По мнению Гая, общины рассматриваются как частные лица [6];

- юридическое существование корпорации не прекращается и не нарушается выходом отдельных членов из состава объединения;

- имущество корпорации обособлено от имущества ее членов, как имущество целого и особого субъекта прав, т. е. если существует задолженность в пользу корпорации, то это не долг ее отдельным членам, и наоборот: то, что должна корпорация, не является обязательством ее отдельных членов;

- корпорация как юридическое лицо вступает в правовые отношения с другими лицами при помощи отдельных физических лиц, уполномоченных на то соответствующим законом образом [7];

2) казна (в период республики называлась *aerarium*, а в период империи — *fiscus*) — это объединение имущества и денежных средств, принадлежащих государству. В период империи — императорская казна. У казны были следующие определенные привилегии по отношению к другим юридическим лицам в Древнем Риме (*privilegia fisci*):

- она наследовала выморочное имущество (по общему правилу юридические лица не обладали пассивной завещательной способностью);

- при заключении договора, стороной по которому выступала казна, имущество другой стороны (должника) считалось автоматически, без каких-либо дополнительных соглашений сторон заложенным до момента исполнения обязательства должником;

- если казна выступала в денежном займе в качестве кредитора, она имела право на 6 % годовых от предоставленной суммы;

- если казна брала у кого-либо заем, он был беспроцентным;

- имущество казны нельзя было приобрести по давности владения, т. е. имущество казны обладало иммунитетом от приобретательской давности;

3) городские муниципии — это города в составе римской империи. По мнению некоторых исследователей, муниципии были древнейшими

объединениями лиц, за которыми право признавало обособленную правосубъектность. Важной особенностью правового регулирования статуса муниципии был тот факт, что данные юридические лица могли получать имущество в наследство в отличие от иных юридических лиц рамках завещательных отказов (легатов и фидеикомиссов). Муниципии могли становиться патронами вольноотпущенников, что вело к их значительной имущественной выгоде. Муниципии также были вправе защищать свои интересы в суде через особых представителей (*actores*), которые назначались для каждого иска декретом муниципального совета;

4) учреждения (благотворительные организации, больницы, гостиницы, религиозные организации) появились только в христианский период Римской империи. Церковные учреждения (*ecclesiae*) не только были наделены имущественной правоспособностью, но на них был распространен и ряд *privilegia fisci*;

5) сообщества публиканов (*collegia publicanorum*) — сообщества физических лиц, которые брали в аренду у государства определенный вид деятельности, государственный подряд (например, взимание налогов от имени государства, так как сбором налогов в римском государстве занимались частные лица, которые назывались декурионами). В республиканском Риме публиканы действовали по поручению цензоров. В классическую эпоху публиканы занимались снабжением и обеспечением продовольствия и амуниции римских легионов. Римское государство не могло самостоятельно справиться с решением двух главных задач: продовольственного снабжения (для религиозных обрядов, армии, публичных работ) и сбора налогов. Закупаемое продовольствие оплачивалось за счет получаемых налогов, однако их сбор также требовал немалых затрат. Решение этих задач было связано с деятельностью частных лиц, бравших государственные подряды, — публиканов. Таким образом, только публиканы и никто другой могли решить задачу снабжения армии [8]. Публиканы давали клятву собрать от имени Рима определенную сумму в качестве налогов и отдать ее в казну, однако на деле объем собираемых денежных средств с населения был намного выше необходимой к передаче в казну суммы, что являлось чистой выгодой публиканов. В связи с важностью выполняемого по поручению государства дела в товарищества публиканов могли входить строго определенные лица. Во-первых, они должны были принадлежать к сословию не ниже всаднического; во-вторых, иметь определенный имущественный ценз; в-третьих, не быть признанными виновными в каких-либо публичных правонарушениях, а также быть подвергнутыми инфамирующим искам (о бесчестье). В качестве подтверждения своего членства в обще-

стве публиканы имели золотой перстень. Если общество не добирало положенную сумму, то все его члены отвечали перед государством солидарно.

Юридическим лицам в Древнем Риме присущи следующие особенности:

- наличие обособленного имущества, на которое его члены не имеют права;
- отсутствие деликтоспособности у любого из них;
- обладание правом петиторной защиты, т. е. защиты своих прав посредством исков;
- юридическое лицо не прекращало своего существования при выходе или смерти одного из его членов (в отличие от товарищества);
- юридическое лицо отвечало по собственным долгам своим имуществом, но не имуществом его отдельных членов («если что-либо должны корпорации, то мы не должны ее отдельным членам; того, что должна корпорация, не должны ее отдельные члены» [9]);
- юридическое лицо прекращалось либо с достижением цели, для которой оно было создано, либо если количество членов объединения становилось менее трех, либо если его деятельность приобретала противозаконный характер (принудительное прекращение).

В классическую эпоху (после реформ Юлия Цезаря и Октавиана Августа, которые последовательно сначала запретили свободу объединений, а затем несколько смягчили данный запрет) сформировался особый порядок возникновения юридического лица — через признание объединения лиц после соответствующего разрешения Сената и санкции императора, т. е. так называемое узаконение (*collegia licita*). Исключение, как уже было отмечено выше, составляли только некоторые виды корпораций (например, похоронные объединения, но и они должны были отвечать установленным правилам).

Законодательство Юстиниана выделяло три типа юридических лиц: *universitates personarum*, *universitates rerum* (совокупности личные и совокупности вещные) и так называемые принудительные юридические лица. К первым относились такие объединения, как коллегии, общества (*societas*, *collegia*, *corporata*), и возникали они, как правило, с хозяйственной или религиозной целью, облада-

ли обособленным имуществом и подразумевали членство. Второй тип юридических лиц (фонды, именные фонды) не предусматривал членства. К подобным объединениям относились больницы, дома для престарелых, церкви.

Принудительные юридические лица возникали не вследствие прямого волеизъявления лиц, а опосредованно, благодаря административному принуждению. Необходимость вступления лица в такое принудительное юридическое лицо вытекала из жизненного факта — занятия определенной деятельностью, владения профессией. Иначе говоря, к принудительным объединениям относились профессиональные союзы, корпорации ремесленников, работников, торговцев. Данные юридические лица, очевидно, также предусматривали членство, которое было постоянным и прекращалось после смерти физического лица. Доказательством принадлежности к профессиональному союзу или корпорации (своеобразным «членским билетом») было особое клеймо, которое ставилось на тело человека при его вступлении в корпорацию.

Таким образом, можно сделать вывод, что римское право, обходясь без излишнего теоретизирования, понимало объединения лиц в качестве некоей совокупности имуществ, введенной в экономический оборот и объединенной для достижения определенной цели. Одновременно нельзя не отметить, что римская доктрина не предусматривала института прямого представительства, что закономерно препятствовало пониманию механизма участия юридических лиц в гражданском обороте при посредстве физических лиц. Причиной несколько ограниченных взглядов римских юристов на освещаемый в данной статье правовой институт можно считать прежде всего связанность понятия «лицо» (*persona*) с такими проявлениями человеческой природы, как разумность и волеиспособность отдельного индивида, что автоматически закрывало дорогу для любых «неразумных» и «неволеиспособных» в буквальном понимании субъектов. Соответственно, гражданская правоспособность в ее классическом понимании не могла выйти за рамки правоспособности отдельного физического лица.

1. Об этом см.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Петроград : Юрид. книжный склад «Право», 1917.

2. Об этом см.: История политических и правовых учений : учебник / под ред. О. Э. Лейста. М. : Зерцало, 2000. С. 63.

3. Дигесты Юстиниана : сайт. URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/01.php (дата обращения: 14.08.2009).

4. Там же.

5. Там же.

6. См.: D. 50.16.16.

7. См.: Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского и др. М. : Юриспруденция, 1999. С. 128.

8. См.: Badian E. *Publicans and Sinners: Private Enterprise in the Service of the Roman Republic*. Dunedin, 1972.

9. D. 3.4.7.1.



УДК 35.08

О. Н. Карлагин
O. N. Karlagin

Особенности правовой психологии муниципальных служащих

В статье дается описание компонентов, составляющих правовую культуру муниципальных служащих. Раскрываются особенности правовой психологии муниципальных служащих. Выводы сделаны на основе результатов социологического исследования по данной теме, проводившегося в Москве и Московской области.

Правовая психология; правовая идеология; профессиональная деятельность; муниципальные служащие; правовая культура

In article the description of components of municipal employees making legal culture is given. Features of legal psychology of municipal employees reveal. Inputs are made on the basis of results of sociological research on the given theme in Moscow and Moscow Region.

Legal psychology; legal ideology; professional work; municipal employees; legal culture

Правовая психология формируется в результате повседневной практики муниципальных служащих. Согласно традиционным положениям теории права в эту область правовой культуры включаются правовые чувства, настроения, желания, привычки, характерные для личности, социальной группы или общества в целом. Правовая психология отражает эмоции лиц, являющихся представителями указанной социально-профессиональной группы, возникающие в правовой сфере их деятельности. Для нее свойственна стихийность, связь с личными интересами и ценностями муниципальных служащих. Правовая психология муниципальных служащих, с одной стороны, во многом определяется общественной психологией, с другой — имеет свои специфические черты. К общественной психологии принято относить взгляды, настроения, чувства, переживания, устремления, порожденные общественным

бытием и характеризующие поведение общественных групп. В тех случаях, когда они связаны с правовыми явлениями в жизни общества, речь идет об общественной правовой психологии. Это особая форма отражения общественного бытия, духовной деятельности, которая возникает у определенных социальных групп (больших и малых) на основе общих условий их жизни, окружающей среды и характеризует их стихийно складывающиеся отношения к правовым явлениям общества — праву, законности, судебной деятельности и т. д.

Представляет большой интерес правая психология муниципальных служащих как социальной группы. Для изучения отдельных аспектов правовой психологии были выделены следующие направления анализа:

- выявление мотивов поступления на муниципальную службу;

- реализация выделенных мотивов в настоящее время на рабочем месте;
- анализ самореализации на рабочем месте;
- анализ мотивов, которыми руководствуется в своей профессиональной деятельности большинство муниципальных служащих;
- оценка удовлетворенности работой;
- анализ основных причин неудовлетворенности работой;
- выделение качеств, характеризующих идеального муниципального служащего;
- выделение ключевых факторов для достижения успеха и благополучия в жизни.

Таким образом, результаты исследования психологической компоненты правосознания и правовой культуры муниципальных служащих свидетельствуют о следующем. Анализ мотивации поступления на муниципальную службу показывает, что основным критерием поступления на службу для большинства служащих явилась возможность активной работы на благо общества. Стоит отметить, однако, существующие различия в позициях служащих Москвы и Московской области. Если для большинства муниципальных служащих Московской области возможность активно работать на благо общества является основным критерием выбора муниципальной службы, то для служащих Москвы этот фактор становится менее значимым. В то же время большую роль играют материальные гарантии и появляются независимость и самостоятельность в работе. Результаты исследования также выявляют прямую зависимость между возрастом и факторами, повлиявшими на выбор муниципальной службы: чем старше возраст служащего, тем меньшую роль начинают играть материальный фактор и престижность занимаемой должности, а большую — работа на благо общества и ее творческий характер.

Результаты опроса показывают, что большинство муниципальных служащих подчеркивает реализацию факторов, сыгравших основную роль при выборе муниципальной службы, в условиях их сегодняшней деятельности: работа в настоящее время дает возможность активно трудиться на благо общества, а также гарантирует материальную обеспеченность. Однако дальнейший анализ выявил и некоторые негативные тенденции в оценке муниципальной службы, касающиеся низкой престижности службы и оплаты труда.

Несмотря на позитивную оценку себя на рабочем месте, абсолютное большинство служащих (2/3) считают, что редко поощряются за успешную работу.

Анализ мотивов, которыми руководствуется в своей профессиональной деятельности боль-

шинство муниципальных служащих, показывает, что на первом месте стоит профессиональное чувство ответственности, за ним — необходимость оказания помощи гражданам, профессиональный интерес к работе и чувство долга перед обществом и государством. Результаты опроса также свидетельствуют о том, что мотивы соответствуют критериям выбора муниципальной службы: если муниципальные служащие Московской области основным мотивом называют профессиональное чувство ответственности, то в Москве главным мотивом профессиональной деятельности является необходимость оказания помощи гражданам, защита их прав и интересов.

Опрос показал, что полностью удовлетворены своей работой лишь 12 % служащих. При этом значительная часть из них — это служащие Москвы в возрасте до 30 лет, с профессиональным стажем менее двух лет и юридическим образованием.

Среди основных причин неудовлетворенности работой служащие называют условия труда, низкий уровень заработной платы и слабое материально-техническое и социально-бытового обеспечения. Среди других причин также названы физическое переутомление и отсутствие дальнейшей перспективы.

Результаты опроса позволили выделить три ключевых качества, которыми характеризуется идеальный муниципальный служащий: честность (порядочность), профессионализм и ответственность. При этом эти качества были обозначены как ключевые и в Москве, и в Московской области. Дальнейший анализ позволил выделить еще группу свойств, дополняющих первую тройку, но здесь уже наблюдается разница во взглядах служащих Москвы и Московской области. Так, в Москве к честности, порядочности, профессионализму и ответственности муниципального служащего добавляют коммуникабельность, целеустремленность, выдержанность и толерантность. А в Московской области тройку основных качеств дополняют юридическая грамотность, трудолюбие и культура общения.

Анализ факторов, позволяющих добиться успеха и благополучия в жизни, показывает, что главным в жизни являются трудолюбие, добросовестное отношение к делу и образование. Два главных фактора дополняют также целеустремленность, здоровье, способности и талант. Результаты опроса показывают зависимость роли факторов от возраста служащих: с возрастом снижается роль факторов целеустремленности и образования и повышается значение факторов способностей и таланта, а также фактора здоровья.

Правовая культура муниципальных служащих включает в себя профессиональную деятельность, правовую идеологию и правовую психологию. Правовое регулирование профессиональной деятельности муниципальных служащих представляет собой комплексную систему норм, структура которой включает в себя вертикальную и горизонтальную составляющие. Вертикальное деление структурной иерархии правовых норм образует статус данных субъектов, горизонтальное — указывает на статусные особенности муниципальных служащих различных муниципальных органов, обнаруживаемые в содержании их функций и компетенции. Второй составляющей правовой культуры муниципальных служащих является правовая идеология, представляющая собой совокупность систематизированных, теоретически обоснованных юридических знаний и идей о праве. В правовой идеологии заключаются требования общества и социальных групп, которые предъявляются к личности. В идеологической сфере правовой культуры на базе уже приобретенного конкретного эмоционально-

чувственного материала происходят окончательное становление и оформление идей и представлений о правовой действительности, играющих большую роль в формировании воли людей. Еще одним важным структурным компонентом правовой культуры является правовая психология, которая формируется в результате повседневной практики муниципальных служащих, отражает эмоции лиц, являющихся представителями указанной социально-профессиональной группы, возникающие в правовой сфере их деятельности. Для нее свойственна стихийность, связь с личными интересами и ценностями муниципальных служащих. Правовая психология муниципальных служащих, с одной стороны, во многом определяется общественной психологией, с другой — имеет свои специфические черты, изучение которых обогатит не только общую теорию права, но и муниципальное право. В совокупности профессиональная деятельность, правовая идеология и правовая психология представляют собой комплексное понимание правовой культуры муниципальных служащих.



УДК 329.1

М. А. Прок
M. A. Prok

Политические партии в российской политической системе

Political Parties in the Russian Political System

В статье рассмотрена структура политической системы, показано место политических партий в политической системе современной России, «срастание» их с государством. Рассматриваются вопросы создания оппозиционных партий и закрепления их статуса. Анализируются проблемы влияния политических партий на власть, а также ужесточения партийного законодательства.

Партия; система; государство; законодательство; политика; гражданское общество

In article the structure of political system is considered, the place of political parties in political system of modern Russia is shown "accretion" them with the state. Creation questions are considered the oppositional parties and fastening of their status. Problems of influence of political parties on the power, and also toughenings are analyzed the party legislation.

Party; system; the state; the legislation; a policy; a civil society

Понятие «политическая система» используется для характеристики взаимоотношений между государством и обществом, между различными социальными субъектами на негосударственном уровне. Однако среди российских ученых нет единого мнения относительно структуры политической системы. По мнению В. В. Лазарева, политическую систему образуют четыре компонента: политические отношения, политические объединения, политические нормы и политическая идеология [1]. С. В. Липень выделяет государство, политические партии, общественные объединения (профсоюзы, союзы предпринимателей, иные объединения, массовые общественные движения, церковь), органы местного самоуправления (в том числе и трудовые коллективы), граждан [2]. Заметим, что политические партии в данном случае выносятся в отдельный, самостоятельный элемент,

хотя по своей сути они являются общественными объединениями. Среди элементов политической системы некоторые ученые выделяют также СМИ, группы давления, институты непосредственной демократии и др. [3].

Нам в большей мере близка структура политической системы, предложенная В. В. Лазаревым, но, изучив юридическую и политологическую литературу, в которой исследуются особенности компонентного состава российской политической системы, считаем возможным предложить собственную точку зрения по данному вопросу.

Представляется, что структура российской политической системы состоит из трех элементов:

- политических институтов: государство, граждане, различные общественные объединения, участвующие в политической жизни (к ним, в частности, относятся и политические партии);

- политических отношений в сфере политики, концентрирующиеся в большей степени вокруг вопросов, касающихся государственной власти;
- политических норм.

Обращаясь к положению политических партий в политической системе нашего государства, заметим, что на сегодняшний день в России сложилась ситуация, когда, с одной стороны, имеет место разнообразие многочисленных политических партий, а с другой — явная неспособность существенным образом влиять на политическую ситуацию в стране. Происходит это во многом вследствие того, что авторитет российских партий зачастую держится не столько на их достижениях и программах, сколько на авторитете их лидеров. Кроме того, в российском обществе о партиях в целом как о политическом институте сложилось довольно негативное мнение. Результаты опросов говорят о том, что политические партии в сознании российских граждан теряют свой авторитет и привлекательность как несомненный атрибут демократии. Более того, россияне стали весьма скептически относиться к самой идее многопартийности [4].

В демократическом государстве политические партии — это прежде всего связующее звено между гражданским обществом и государством, основной посредник между народом и властью. В нашей стране политические партии таким звеном не являются. Чтобы быть посредником между государственной властью и обществом, партии должны иметь не только определенное влияние на власть, но и авторитет в народе. А российские партии, к сожалению, имеют либо поддержку власти, либо популярны в народе лидеров, либо не обладают ни одним из этих компонентов. Теоретически политические партии должны представлять собой определенного «третьего судью», который учитывает интересы обеих сторон — общества и государства. Российские же партии представителями общества не являются и интересы его не выражают.

Место политических партий в политической системе обусловлено их двойственностью: с одной стороны, партии являются элементом гражданского общества, а с другой — частью государственного механизма. Однако политические партии нашей страны и гражданское общество не смогли сформировать полноценных партнерских взаимоотношений. Конечно, во многом ответственность за это ложится на партии, но подобное положение вещей показывает и слабость самого гражданского общества. Таким образом, политические партии являются не пред-

ставителями двух сторон, а частью государственного механизма, представителями политической элиты. Власть сосредоточена исключительно в руках Президента РФ и исполнительной власти, при этом совершенно незначительная роль отведена парламенту РФ. Единственным органом, где политические партии играют некоторую роль, является Государственная Дума. Тем не менее даже в законотворческом процессе решающее слово остается все-таки за Президентом РФ. В связи с этим политические партии не имеют возможности (да особо и не желают) существенно влиять на политическую ситуацию в нашем государстве, быть посредниками между «верхами» и «низами», быть «голосом народа», который был бы услышан.

Кроме того, на наш взгляд, политические партии в России недостаточно четко выполняют свою функцию формирования общественного мнения, поскольку, являясь политическими элитами, представляют собой всего лишь «рупор», с помощью которого власть формирует наиболее выгодное общественное мнение. Политические партии становятся все более подконтрольными государству. Не последнюю роль в этом процессе играет и «партийное законодательство», вернее тенденция к его ужесточению. Усложняется порядок регистрации новых политических партий, особенно партий, зарождающихся на основе гражданских инициатив. Подобные выводы находят поддержку и среди отечественных ученых: слабая интегрированность в российскую политическую систему разнородных групп, партий, движений проявляется в том, что политические силы имеют ограниченный доступ к процессу принятия решений [5].

Крупнейшая в России на сегодняшний день политическая партия «Единая Россия» пользуется поддержкой Президента РФ, а свою программу действий называет именем Премьер-министра РФ, в связи с чем именуется большинством политологов партией власти. Партии власти уже неоднократно существовали в постсоветской России: «Выбор России», «Наш Дом — Россия» и т. д. Они создавались ради обеспечения парламентской лояльности и содействия правительству и своим успехом на выборах обязаны прежде всего поддержке Президента РФ и его администрации. Однако, лишившись такой поддержки, они незаметно исчезали с политической арены нашей страны. «Единая Россия» в своей деятельности использует более продуманную стратегию: выгодно эксплуатирует положительный имидж В. В. Путина, говорит о продолжении его реформ и начинаний. Лишь только через несколько лет

после ухода с политического олимпа В. В. Путин и Д. А. Медведева можно будет с уверенностью сказать, была ли «Единая Россия» очередной партией власти либо это действительно уважаемая и поддерживаемая народом политическая партия. А пока в настоящее время видные государственные чиновники становятся партийными функционерами, а партийные лидеры — государственными чиновниками. Очевидно, что такая тенденция «срастания» партии с государством в будущем будет только увеличиваться. Здесь считаем уместным обратить внимание на нормы международного права: на протоколы, которые приняты в рамках Копенгагенской встречи СБСЕ, состоявшейся в 1990 г., и в соответствии с которыми партии не должны сливаться с государством. Несомненно, все эти документы приняты прежде всего для недопущения повторения опытов однопартийных режимов. Однако уже сейчас некоторые оппозиционные партии являются фактически так называемой фиктивной оппозицией.

Создание в нашей стране оппозиционных партий и закрепление их статуса является на сегодняшний день исключительно актуальной темой. Еще в 2003 г. Комитет Государственной Думы по внесению изменений и дополнений в Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» [6] предлагал рассмотреть вопрос о правовом закреплении понятий «правящая партия» или «партия парламентского большинства», «оппозиционная партия» или «партия парламентского меньшинства» [7]. И сегодня в среде политиков и правоведов идет дискуссия о необходимости принятия закона об оппозиции.

Безусловно, в государстве, которое называет себя демократическим, оппозиция нужна. Там, где свобода слова не подавляется, всегда будут люди, чье мнение отлично от мнения руководства страны, и всегда будут партии, чьи программные положения не совпадают с официальным курсом развития государства, — это естественный процесс развития демократического государства. Закон об оппозиции важен там, где она действительно присутствует. Однако оппозиция, по нашему мнению, не может быть создана искусственным путем. Таким образом, считаем принятие закона об оппозиции нецелесообразным. Гораздо важнее ликвидировать те ужесточения, которые внесены в федеральные законы «О политических партиях», от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [8] и в избирательное законодательство.

Кроме того, политические партии в нашей стране не имеют прочного социального фун-

дамента. Во-первых, они слишком молодые (десять-пятнадцать лет деятельности политической партии — это не история, это даже для карьеры политика не так уж много). Во-вторых, большинство крупнейших политических партий возникло в смутные для России времена начала 90-х гг., т. е. в самом начале становления современной российской государственности. Результатом этого процесса явилось то, что формирование политических организаций в этот период не привело к созданию структурированной партийной системы. Иначе говоря, возникновение политических партий можно, на наш взгляд, назвать несколько искусственным процессом, идущим не от народа, а от бывшей советской номенклатуры. Процесс создания политических партий в определенной мере опережал потребность общества в этих объединениях. Если, к примеру, в европейских государствах большинство партий возникало на основе сформированных и громко высказываемых интересов граждан (т. е. их создание шло «снизу»), то в России создание партий происходило (и до сих пор происходит) «сверху».

Формирование социальных слоев в обществе — процесс длительный. После разрушения социалистической социальной системы прошло лишь 18 лет — срок, при котором формирование групп и слоев населения в стране, полярным образом изменившей свой социальный строй, только начинается. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и особенности национального менталитета. Многонациональный российский народ — это в большинстве своем политически аморфная молодежь, не получающая должного политического воспитания и сориентированная на западный образ мышления, а также взрослое население, взращенное на однопартийности советской эпохи. Бедность населения, несформированность среднего класса, отсутствие сплоченного профсоюзного движения — это то, что еще характерно для России. И как результат — низкая политическая активность граждан, которая имеет тенденцию к незначительному повышению только в период очередных выборов, подстегиваемая тотальной агитацией. Предельная политическая дезориентация и крайняя неустойчивость политических предпочтений — вот та действительность, которая характерна для российского избирателя.

Все это, конечно, совершенно не способствует возникновению истинно народных политических партий, способных вызвать уважение у большинства граждан России, достойно и эффективно представлять их интересы

в органах власти, заставить считаться со своим мнением государственную и прежде всего исполнительную власть. Создание такой партии — одна из важнейших политических перспектив.

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день наблюдается слабое влияние политических партий на власть и общество, что является одной из особенностей российской политической системы.

-
1. См.: *Общая теория государства и права : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М. : Юрист, 1999. С. 77.*
 2. См.: *Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учебник для вузов / В. В. Лазарев. М. : Спарк, 2000. С. 146.*
 3. См.: *Вишневский А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учебник / под общ. ред. В. А. Кучинского. М. : Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2004. С. 127.*
 4. См.: *Зотова З. М. Политические партии России: организация и деятельность / науч. ред. Ю. А. Веденеев. М. : Рос. центр обучения избирательным технологиям, 2001. С. 68.*
 5. См.: *Теория государства и права / под ред. М. М. Рассолова, В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 145.*
 6. См.: *СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.*
 7. См.: *Законотворческий процесс в Государственной Думе. Предложения профильного Комитета Государственной Думы по внесению изменений и дополнений в Федеральный закон «О политических партиях» / Правозащитный внализ : сайт. URL : <http://www.memo.ru/hr/gosduma/52/07.htm> (дата обращения: 06.11.2009).*
 8. См.: *СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.*



УДК 378.2

В. Н. Протасов
V. N. Protasov

Ноу-хау в защите диссертаций

Know-how in Defense of Dissertation

В статье подвергается критическому анализу тенденция представления в диссертационные советы работ, официально претендующих на присвоение ученой степени одновременно по двум научным специальностям — отраслевой специальности и общенаучной специальности «12.00.01». Указывается, что написание и защита диссертаций по двум (и более) научным специальностям могут иметь место лишь на отраслевом уровне. Методологическое использование общей теории права в отраслевых юридических исследованиях не дает оснований официально соединять в диссертациях общенаучную специальность с отраслевой.

Наука; диссертация; специальность; право; теория

In this article is severely criticized tendency of presentation in dissertation council researches which are formally pretending to award a degree in two scientific specialities at the same time: branch-wise speciality and common speciality "12.00.01". Indicates that defense of thesis in two (and more) scientific specialities can take place on branch-wise level only. Methodological use of common law theory in branch-wise juridical researches is baseless to join common and branch-wise specialities in dissertation together.

Science; dissertation; speciality; law; theory

В последнее время в диссертационные советы стали представляться труды, авторы которых претендуют на присвоение им ученой степени по какой-либо отраслевой специальности и одновременно по общенаучной специальности «12.00.01». Намерения и помыслы авторов этого изобретательного хода понятны и имеют вполне материальный характер: в результате получается «универсальный солдат», который может занимать должности с учетом наличия у него ученой степени по двум специальностям и реализовывать свои универсальные возможности в диссертационных советах.

Защиты диссертаций на стыке отраслевой специальности с общенаучной (и это касается

не только юриспруденции) невозможны в силу самой научно-теоретической природы этого процесса. Написание и защита диссертаций по двум (и более) научным специальностям могут иметь место лишь на отраслевом уровне, и основаны они на объективной закономерности дифференциации научного знания, формирования новых предметов научного поиска и становления новых наук. Общетеоретическое же знание (знание более высокого научного уровня) должно присутствовать в любом научном исследовании в качестве его методологической основы. Диссертация по любой отраслевой научно-юридической специальности должна опираться на общеправовые положения и в этой связи их содержать.

Методологическое использование общего знания не исключает некоей фрагментарной новизны во взглядах автора на общетеоретические проблемы, не лишает его права высказаться по тем или иным, скажем, общеправовым вопросам. Однако если автор, например, в диссертации под названием «Нормы гражданского права» половину работы посвятил теории юридических норм, то это означает, что он нарушил закономерности становления научного знания и в итоге не решил ни проблем общей теории права, ни своей специально-научной задачи. Считаем, что за такие результаты присваивать ученую степень по двум научным специальностям нельзя.

Следует иметь в виду, что с точки зрения технологии написания, а также оценки в диссертационных советах диссертаций, представленных на соискание ученой степени по нескольким научным специальностям, традиционные для диссертационных работ характеристики актуальности, новизны, практической значимости должны излагаться для каждой специальности отдельно. Особое значение этот момент имеет тогда, когда диссертант пытается официально обозначить свое отраслевое исследование как написанное и по общенаучной специальности в том числе. Автор в этом случае должен четко показать в отдельной рубрике, что нового он создал именно для общей теории права. Безуспешность такой попытки в отраслевом диссертационном исследовании очевидна, но ее необходимость закономерно вытекает из официально заявленных претензий диссертанта.

Обобщение данных, полученных в результате отраслевых, специально-научных исследований, является одним из каналов становления системы общетеоретического знания, и автор отраслевого исследования в дальнейшем может переqualificироваться в теоретика права, обобщить результаты как своего исследования, так и других специальных изысканий и сделать общеправовые выводы. Однако это уже следующий с точки зрения логики становления научного знания этап исследовательской работы.

Существование в одном лице специалистов и по общей теории права, и по тем или иным отраслевым юридическим наукам возможно, но лишь как итог их научной деятельности, как некий результат развития их научной биографии. Хотя и это в определенной мере противоречит законам разделения труда, что напрямую связано с эффективностью любого рода деятельности. Задача одновременно решать общетеоретические и специальные проблемы в таком специфическом труде, как диссертация, лишена смысла и не имеет под собой научной основы. Методологическое же использование общей теории права в отраслевых юридических исследованиях не дает оснований официально «пристегивать» в диссертациях общенаучную специальность к отраслевой.

Таким образом, считаем, что охарактеризованную здесь тенденцию в защите диссертаций и присвоение ученых степеней следует пресечь, так как ничего хорошего для юридической науки и становления профессионального сообщества она не несет.



УДК 342.8

А. Н. Сиваченко
A. N. Sivachenko

Развитие избирательного законодательства Российской Федерации на современном этапе

The Development of Russian Electoral Legislation in Recent Times

Данная работа посвящена анализу развития избирательной системы РФ за последние два года. Автор описывает все основные изменения избирательного законодательства и дает их характеристику с точки зрения равной реализации избирательных прав граждан.

Избирательное право; выборы; политические партии; ЦИК России; представительство граждан

The article contains the analysis of development of the Russian electoral system in the past two years. The author describes basic changes of the electoral legislation and gives their characteristic from the point of view of equal realisation of citizens' rights.

Electoral law; election; political parties; Central election commission of the Russian Federation; representation of citizens

Глубокие преобразования и изменения, которые сейчас происходят в нашей стране и обществе, порождают многочисленные споры о возможных путях развития страны, о ее политическом и правовом устройстве, о сохранении целостности такого государства, как Россия. В этой связи особое значение приобретают вопросы, связанные с политической стабильностью, развитием институтов правового государства, в том числе и становлением, поступательным развитием и совершенствованием демократической избирательной системы, гарантиями избирательных прав граждан. Важность вышеуказанных вопросов обусловлена, с одной стороны, теоретической и практической значимостью конституционно-правового анализа проблем, касающихся определения места и роли выборов в системе ценностей правового государства, а с другой — отсутствием в правовой науке и государственной

практике единых подходов к пониманию сущности избирательного права как юридического феномена. Между тем такое положение дел способно вызвать целый комплекс проблем, которые требуют доктринальных ответов и практических решений.

В современных государствах избирательные права, установленный порядок выборов представляют собой необходимый набор эффективных инструментов достижения баланса между внутренним многообразием и потребностью сохранения государственного единства, установления единых принципов и рамок. Чрезвычайная многоликость и изменчивость политических систем мира, противоречивость их электорального опыта свидетельствуют о том, что каждое государство создает в итоге свою избирательную модель, а значит, объективно вынуждено опираться на свои традиции и менталитет своего народа.

Для России, как и для любой другой страны, исключительно важно в процессе совершенствования избирательной системы исходить из особенностей своей общественной системы и государства, учитывая при этом международные избирательные стандарты, подтвержденные опытом других государств. В этой связи принципиальным представляется не только теоретическое и практическое разрешение спорных вопросов избирательного права, но также оценка реальных перспектив необратимости перехода нашей страны к мировым демократическим ценностям. Следовательно, особое значение для истории и практики государственного строительства имеет анализ рассмотрения электорального опыта страны, который способен непосредственно влиять на масштаб, темпы и качество воплощения в действительность конституционных основ избирательных прав граждан.

Рассмотрение различных проблем, связанных с реализацией избирательных прав граждан, приобретает сегодня особую актуальность и в связи с теми процессами, которые происходят в нашей стране. Реформирование избирательной системы предполагает новые концептуальные подходы к анализу как модели формирования представительных органов власти, так и самой системы избирательного права, состоянию избирательного законодательства, что имеет самое непосредственное отношение к демократизации общества, характеризует природу государственной власти.

Вместе с тем стоит отметить нестабильность российского избирательного законодательства. В течение десятилетия мы успели внести в него сотни поправок, кардинально переработать базовые законы о выборах. В связи с этим требуют тщательного анализа измененные за последние годы положения различных федеральных законов и соответствующих им подзаконных актов.

Главным изменением в российском избирательном законодательстве за 2008 г. стало увеличение сроков полномочий Президента РФ с четырех до шести лет, а также депутатов Государственной Думы с четырех до пяти лет [1].

Президент РФ Д. А. Медведев в своем первом ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ впервые озвучил данное предложение. В рекордно короткие сроки поправки были подготовлены, вынесены на обсуждение и приняты еще до 2009 г.

Данные нововведения оцениваются экспертами как позитивные, ни в коей мере не влияющие на сохранность и стабильность Основного закона страны, с чем нельзя не согласиться. Лейт-

мотив увеличения сроков полномочий Президента РФ и депутатов Государственной Думы — сохранение стабильности выбранного курса государственной политики — чрезвычайно важен, по нашему мнению, для эффективного продолжения осуществления экономических и политических преобразований в стране.

С начала 2009 г. также были запланированы важные преобразования избирательного законодательства. Многие из озвученных Президентом РФ еще в конце 2008 г. мер по реформированию избирательной системы нашли свое отражение в нормативных правовых актах текущего года, некоторые же из них еще только предстоит принять в самое ближайшее время. При этом стоит отметить целенаправленный, последовательный характер вносимых изменений, который обусловлен четко поставленными властью задачами и их своевременным исполнением.

За последний год существенно доработаны механизмы назначения глав субъектов РФ, формирования Совета Федерации, введены в действие нормы, на практике обеспечивающие равенство политических партий и защиту интересов даже тех из них, которые не преодолели заградительный барьер на парламентских выборах. Кроме того, были введены в действие дополнительные механизмы, способствующие повышению качества работы глав муниципальных образований.

Предлагаем подробнее рассмотреть вышеперечисленные нововведения.

Во-первых, политическая партия, список кандидатов которой получил наибольшее число голосов избирателей и был допущен к распределению депутатских мандатов по итогам региональных выборов, теперь имеет возможность напрямую вносить Президенту РФ предложения о кандидатурах на должность высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) [2]. Ранее такая партия была лишь вправе инициировать рассмотрение законодательным органом субъекта РФ предложения Президенту РФ о кандидатуре высшего должностного лица субъекта РФ. Также утвержден и конкретный порядок внесения указанных предложений [3].

Фактически принятие данного федерального закона означает, что отныне Президент РФ не сможет назначить главой региона лицо, чья кандидатура не одобрена ведущей партией, и, в крайнем случае, ограничившись лишь назначением исполняющего обязанности губернатора, обязан будет вернуться к обсуждению этого вопроса с партией, имеющей большинство в законодательном органе субъекта РФ.

Во-вторых, расширен список лиц, которые в скором будущем смогут представлять субъект РФ в Совете Федерации от законодательного (представительного) органа власти данного субъекта [4]. Эта норма (начнет действовать с 1 января 2011 г.) дает право законодательному органу государственной власти субъекта РФ избирать своего представителя в Совет Федерации не только из числа самого органа, но и из депутатов представительного органа муниципального образования, расположенного на территории данного субъекта РФ. В свою очередь, представитель от высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) назначается указом этого должностного лица и не требует одобрения в законодательном органе власти субъекта РФ.

Данная новелла является, по своей сути, компромиссом между выборами и прежним порядком — формированием из числа лиц, избранных в органы власти субъектов РФ.

В-третьих, 7 мая 2009 г. принят федеральный закон, регламентирующий процедуру отставки главы муниципального образования (обозначенную как «удаление главы муниципального образования в отставку») [5].

Необходимо понимать, что данное изменение законодательства не является желанием предоставить губернаторам дополнительные полномочия. Это можно расценивать как попытку дать возможность населению обращаться в органы власти и влиять на ситуацию в случаях, когда деятельность глав муниципальных образований нарушает их права или наносит им явный ущерб. Однако при этом, чтобы избежать привычных всплесков конфликтов между мэрами крупных городов и губернаторами и сделать процедуру прозрачной и объективной, главе муниципального образования гарантируется возможность выступления перед депутатами представительного органа и в СМИ с изложением своей позиции.

Наконец, приняты многочисленные поправки к нормативным правовым актам, регулирующим деятельность политических партий.

Так, партии, не преодолевшие заградительный барьер в 7 % на выборах в Государственную Думу, но набравшие на выборах не менее 5 % голосов избирателей по федеральным спискам кандидатов в депутаты, получают возможность участвовать в распределении депутатских мандатов.

Федеральному списку кандидатов, получившему менее 6 %, но не менее 5 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании,

и не допущенному к распределению депутатских мандатов, передается один депутатский мандат.

В свою очередь, федеральному списку кандидатов, получившему менее 7 %, но не менее 6 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании, и не допущенному к распределению депутатских мандатов, передаются два депутатских мандата [6].

Данное нововведение обусловлено тем, что, несмотря на доказанную эффективность семипроцентного барьера, интересы почти миллиона активных избирателей никем не были представлены в Государственной Думе. В настоящее время данный недочет устранен на федеральном уровне.

В целях увеличения конкуренции между существующими партиями и для облегчения процесса регистрации новых партий законодательно закреплено поэтапное снижение минимального количества членов политической партии, необходимого для ее регистрации, до 40 тыс. человек к 2012 г. [7], отменен избирательный залог в качестве поддержки выдвижения кандидатов (списков кандидатов) на выборах в органы государственной власти и местного самоуправления [8] и сокращено количество подписей избирателей в поддержку выдвижения федеральных списков кандидатов на выборах депутатов Государственной Думы (с 200 тыс. подписей до 150 тыс. во время избирательной кампании 2011 г. и до 120 тыс. во все последующие избирательные кампании) [9].

Для соблюдения равноправного доступа к электорату и информированию избирателей о своих программах и деятельности политическим партиям были предоставлены гарантии равенства таковых при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами [10]. Причем, если политическая партия, которая использовала бесплатное эфирное время и печатную площадь, предоставленную ей для привлечения голосов избирателей на предстоящих выборах, наберет на выборах менее 3 % голосов избирателей, ей не придется оплачивать выделенные государством вышеперечисленные информационные ресурсы [11].

Следить за тем, чтобы все партии получали равную порцию телерадиоэфира, будет ЦИК России. На нее возложена обязанность по компенсации недостающего объема эфирного времени той парламентской партии, чьи интересы ущемлены. Центральная избирательная комиссия РФ уже создала рабочую группу для учета партийного телерадиоэфира, однако на настоящий момент сложно судить о ее эффективности, поскольку процесс подсчета упоминаний партий

в эфире и многие другие технические тонкости еще предстоит доработать.

Столь значительные изменения избирательного законодательства имеют в основном позитивное значение. Однако велика вероятность появления к следующим федеральным выборам (2011—2012 гг.) еще одной редакции названных законов, приспособленных под конкретную политическую ситуацию, но уже не реализующих принципы народовластия на практике. Между тем избирательные права не могут так часто, в зависимости от грядущих выборов, менять свойственное им конституционное содержание.

Рассмотрение проблем избирательного права позволяет уточнить немаловажные факты: насколько в нем воплощены конституционные начала, имеющие в своей основе принципы законности, демократизма, справедливости, гуманности; в какой степени оно соответствует правовым позициям Конституционного Суда РФ, имеет конституционную генеалогию; насколько в них проявляются характер и специфика важнейших конституционных институтов, тем более что отношения, регулируемые нормами избирательного права, относятся к проблематике права конституционного.

Вместе с тем стоит отметить, что и среди ученых-конституционалистов нет единого мнения относительно рассматриваемых изменений, внесенных в законодательство; их позиции в значительной части обусловлены политической составляющей, не устоявшейся моделью формирования органов власти и органов местного самоуправления, довлеющими стереотипами как прошлых понятий и штампов, так и относительностью, неоднозначностью категорий избирательного права на основе современной выборной практики. В то же время современные избирательные технологии не только способствуют совершенствованию избирательной системы, но и, к сожалению, приводят к тому, что в условиях формальной свободы волеизъявления избирателей вновь ставят в тиски реальной безальтернативности выбора.

Однако несомненным положительным явлением в последние годы стало принятие норм, сущность и порядок действия которых позволяют говорить о том, что они обладают безусловной способностью быть успешно реализованными на практике и развивать действующее законодательство в сторону наиболее полного обеспечения реализации избирательных прав граждан.

1. См.: Федеральный закон от 30.12.2008 № 6-ФЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 1.

2. См.: Федеральный закон от 05.04.2009 № 41-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «О политических партиях» // СЗ РФ. 2009. № 14. Ст. 1576.

3. См.: Указ Президента РФ от 23.04.2009 № 441 «Об утверждении Положения о порядке внесения и рассмотрения предложений о кандидатурах на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 17. Ст. 2053.

4. См.: Федеральный закон от 14.02.2009 № 21-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 789.

5. См.: Федеральный закон от 07.05.2009 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 19. Ст. 2280.

6. См.: Федеральный закон от 12.05.2009 № 94-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с повышением представительства избирателей в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2391.

7. См.: Федеральный закон от 28.04.2009 № 75-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» в связи с поэтапным снижением минимальной численности членов политических партий» // СЗ РФ. 2009. № 18 (Ч. 1). Ст. 2155.

8. См.: Федеральный закон от 09.02.2009 № 3-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой избирательного залога при проведении выборов» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 771.

9. См.: Федеральный Закон от 03.06.2009 № 108-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с сокращением количества подписей избирателей в поддержку выдвижения федеральных списков кандидатов на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и уточнением оснований для регистрации кандидатов, списков кандидатов на выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 23. Ст. 2763.

10. См.: Федеральный закон от 12.05.2009 № 95-ФЗ «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельностью государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2392.

11. См.: Федеральный закон от 19.06.2009 № 203-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах в части предоставления эфирного времени и печатной площади для проведения предвыборной агитации» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3640.



УДК 342.56

В. Н. Цыганаш
V. N. Tsyganash

К вопросу о концепте судебной власти

About a Judicial Authority Explanation

В настоящей статье к обсуждению предлагается теоретический концепт понятия «судебная власть», отражающий современные теоретико-правовые представления о государственной власти и указывающий на отличительные особенности судебной власти.

Судебная власть; государственная власть; применение права; легитимность власти; система власти; право; правосудие; суд

In this article «the judicial authority», reflecting modern teoretiko-legal representations about the government and specifying in distinctive features of judicial authority is offered to discuss theoretical concepts.

Judicial authority; the government; law application; legitimacy of the power; power system; the law; justice; court

Вопрос о концепте судебной власти до настоящего времени является открытым в отечественной теоретической юриспруденции. Рассмотрим концепт понятия «судебная власть», основанный на теоретико-правовом анализе понятия «право» и системы государственной власти.

Судебная власть, будучи социально-правовым явлением, в теории обретает статус понятия. В силу этого его необходимо вписать в теоретико-правовую модель, так как обоснованность модели является непременным условием обоснованности понятия [1]. Следовательно, с методологической точки зрения правильно будет описать теоретико-правовые условия возникновения ситуации власти прежде, чем предлагать концепт судебной власти.

Понятие всегда требует определения субъекта и предиката. Необходимость определения судебной власти (субъекта) и ее свойств (пре-

диката) означает неизбежность концептуального рассмотрения понятия вне какой бы то ни было конкретики содержания ее проявлений.

Таким образом, считаем верным сначала рассмотреть теоретико-правовую модель власти.

Концептуально понятие власть базируется на двух основных положениях. Во-первых, власть есть причинно-следственное отношение, где действия одного лица закономерно приводят к изменению статуса и роли другого [1]. В актуализированной причинно-следственной связи отграничение властного отношения от любого другого отношения осуществляется по признакам одновременного наличия самой причинно-следственной связи и асимметричной конфликтности в отношении [2].

Откуда же берется асимметрия в отношениях? В самом общем виде — из неравномерного распределения ресурсов. В этой связи основной интерес связан с обладанием ресурсом, позволя-

юшим осуществлять власть. Понятие ресурсов власти подробно рассмотрено в работах М. Вебера, Б. Рассела, Ч. Мерриам, Х. Лассуэлла, Т. Парсонса, Х. Арндт, Р. Даля, Р. Арона, М. Фуко, Э. Гидденса, Б. Бэрри, С. Льюкса и других, а стремление к власти анализируется в работах Ф. Ницше, М. Хайдеггера и др.

Во-вторых, ситуация власти предполагает, что каждый имеет то или иное место и роль в системе отношений. Т. Парсонс, например, рассматривает общество как глобальную систему, совокупность социальных действий всех людей, элементы которой обладают специфическими функциями и статусами [3].

Право как элемент социального порядка, как идеал и как позитивная норма есть одновременно и продукт событий социального порядка, и продукт воли, комплекс внутренних волевых актов и актов подчинения внешнему, актов свободы и актов принуждения [4]. Будучи рациональным феноменом, право упорядочивает антагонизм и кооперацию в отношениях, осуществляет конвергенцию интересов.

Последнее представляет собой процесс определения иерархии субъективных интересов в связи с конечной целью права и формализацию интересов в системе источников права. Поскольку особенности права таковы, что его содержание, момент и длительность, равно как и территориальный характер, всеобщи (т. е. нельзя сказать, что права вчера не было или право есть только здесь, но не там), то сама по себе формализация есть процесс и ситуация власти, причем власти верховной в связи со всеобщим характером права.

Такое понимание определяет власть законодателя как обеспечиваемую суверенитетом государства возможность и обязанность выбрать из множества вариантов и нормативно определить цель и проект общественного развития, ситуацию и характер власти, систему прав и обязанностей, насилие и его легитимацию, утвердить вопросы коллективной самоидентификации и т. д.

Почему мы обозначаем деятельность законодателя как властную? Определение иерархии интересов устанавливается законодателем не только в связи с абстрактными целями права, но и в зависимости от состояния ресурсов, необходимых для власти. Их значение зависит от социальной ситуации в целом и является переменной величиной. Поэтому право находится в развитии и соответствует социальной ситуации. Таким образом, высказанная законодателем государственная воля не есть константа. Легитимность законодательской деятельности определяется, в том

числе, возможностью высказать повторное суждение по данному вопросу в связи с изменением общественной ситуации.

Право в этой связи само становится фундаментальным ресурсом власти, зависящим от суждения законодателя о должном в текущем моменте. Принципиально, что возможность обладать ресурсом образует правоспособность власти, а распоряжаться им — дееспособность власти. Это влечет за собой несколько последствий:

1) необходимость сосредоточения государственной власти в руках законодателя в момент определения того, что есть право и его формализации;

2) определение легитимности деятельности органов исполнительной власти в связи с точностью исполнения ими нормы, установленной законодателем;

3) признание права формулой власти и основанием изменения и защиты прав и обязанностей.

Используемое здесь в связи с правом понятие «формула власти» есть не что иное, как правовые условия, определяющие причинность в отношении, обязательность последствий, характеристики субъекта и объекта власти, направленность властного воздействия и асимметричность статусов субъекта и объекта власти, т. е. все то, что характеризует формальную и материальную стороны права.

Итак, мы определили, что право как формальная система, как модель должного возникает в связи с тем, что законодатель ранжирует и нормативно формализует интересы субъектов власти. Законодатель определяет нормативные модели в связи с их востребованностью, наличием и состоянием тех или иных ресурсов, необходимых ему для поддержания ситуации власти из ряда возможных комбинаций. Поэтому в этот момент вся полнота государственной власти сосредоточена в его руках, а сам процесс определения иерархии интересов и их формализация есть процесс и ситуация верховной власти. Мы установили, что в этот момент законодатель суверенен в той степени, в какой суверенна государственная (или верховная, надгосударственная) власть в целом, и в этой же степени субъективен.

Породив норму, законодатель утрачивает в отношении нее верховную власть до тех пор, пока не придет время ее изменять или отменять. Реализация нормы — дело органов исполнительной власти, но граничным условием легитимации их деятельности является строгое и безусловное исполнение воли законодателя, изложенное в норме. Органы исполнительной власти не могут определять, что есть должное и каким образом долж-

на быть выражена здесь и в этих условиях государственная воля. В противном случае нивелируется разница между исполнительной и законодательной властями. Однако органы исполнительной власти (и только они) уполномочены применять норму, определять необходимые им силы и средства, комбинировать их любым образом для того, чтобы достигнуть целей, заложенных законодателем в норме.

Таким образом, в рассмотренной нами модели право играет роль формулы государственной власти. Законодатель обретает государственную власть в связи с выбором одного варианта из множества формул власти, а исполнитель — в связи с возможностью выбора объекта ее применения, определения сроков, сил и средств для реализации формул государственной власти. Такова, с нашей точки зрения, общая теоретико-правовая модель, в которой существует судебная власть.

В чем же тогда сущность судебной власти? Будучи моделью желаемого поведения, право существует не только как система требований, но и как критерий, соотнося с которым фактические отношения, от имени государства применяется легальное насилие. Мы совершенно согласны с мнением Л. С. Явича о том, что «право ничто, если его положения не находят своей реализации в деятельности людей и их организаций, в общественных отношениях. Нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества» [5], а также с позицией В. В. Лазарева о том, что право выступает в виде высшей социальной ценности лишь тогда, когда его принципы и нормы воплощаются в жизни, реализуются в действиях субъектов социального общения [6].

Насилие, понимаемое нами как принудительное изменение соотношения прав и обязанностей, легализуется в связи с тем, что основывается на высказанной законодателем в норме государственной воле, которая одновременно выступает в двух качествах:

1) является методической основой для принятия правового решения, поскольку указывает через систему норм на интерес государства относительно объекта регулирования;

2) является источником государственной власти органа, должностного лица.

Правоприменительные действия состоят из трех основных групп:

1) действий по установлению фактических обстоятельств дела;

2) действий, выражающих выбор и анализ юридических норм;

3) действий, из которых складывается решение юридического дела.

Однако власть органа исполнительной власти ограничена государственной волей законодателя. Отметим, что законодатель осуществляет только индукцию, отыскивая общеупотребительные правила, т. е. право вообще, на все случаи жизни. П. В. Алексеев, А. В. Панин указывают, что индукция сама по себе не дает достоверного знания [7]. Следовательно, одно лишь законодательство не способно решить задачу адекватного правового регулирования. Законодатель не обладает неограниченной способностью предвидения и не в состоянии определить то, что беспредельно [8]. Очевидно, что всегда могут быть противоречия между правом, каким оно сформулировано для общего случая, каким оно отражает закономерность, и правом, каким оно должно быть в случае индивидуального применения. Основание возникновения таких противоречий — бесконечно разнообразная человеческая деятельность. Создавая норму, законодатель указывает ее гипотезу — условия применения. Однако все разнообразие человеческой деятельности не может быть формализовано в гипотезе. В противном случае норма должна стать настолько абстрактно-всеобщей, что утратится ее смысл. Значит, возможны ситуации, когда деятельность не описывается гипотезой или описывается не полностью, что требует определения права для частного случая правоприменения, т. е. определения того, какова государственная воля с учетом конкретных, юридически значимых фактов и событий.

Орган исполнительной власти всегда связан теми юридическими обстоятельствами и фактами, которые присутствуют в конкретном отношении, к которому применяется норма. Он не может их избегать, как не может сам определить государственную волю в процессе настоящего правоприменения, если она не полностью или неточно определена законодателем.

В этой связи схема правоприменения у органа исполнительной власти может быть только абсолютно-определенной, т. е. такой, когда существующие в конкретном отношении юридические факты и обстоятельства совпадают с их описанием в норме. Правовые вопросы, находящиеся в компетенции органов исполнительной власти, — это вопросы о мере субъективных прав и юридических обязанностей и (или) вопросы определения момента или факта возникновения или прекращения прав или обязанностей [9].

Как только в процессе правоприменения возникают споры о юридически значимых призна-

ках (споры о факте), споры о соответствии нормы рассматриваемому общественному отношению (споры о праве) и споры о мере в связи с юридически значимыми и общественно важными фактами или событиями, схема правоприменения начинает требовать их разрешения. Из абсолютно определенной схемы правоприменения она становится абсолютно неопределенной, в которой возникает стадия рассмотрение спора о праве, о факте или о мере.

Иначе говоря, в связи с возникновением этих споров объективная природа правоприменения приходит в противоречие с субъективным характером нормы, которая отражает субъективность законодателя в определении должного. В процессе индивидуального правоприменения возникает требование о механизме государственно-властного, публичного контроля за справедливостью содержания и правовым характером правоприменения, за действиями и решениями органов исполнительной власти и должностных лиц, а в отдельных случаях — за характером законодательства применительно к конкретному регулируемому отношению.

Таким образом, в ситуации правоприменения, если право как должное не совпадает с нормой закона как обязанностью, появляется необходимость в органе государственной власти, который бы взял на себя функцию выразителя государственной воли в определенном случае, поскольку ее (государственной воли) правовая объективация в том виде, в каком она выражена законодателем, фактически дефектна для рассматриваемого спора (действительная государ-

ственная воля и система интересов не выражается, а определяется искаженно в норме применительно к конкретному случаю).

Таким органом не может быть ни законодатель, ни исполнитель закона по причинам, указанным выше. Выразителем государственной воли в ситуации, когда позиция законодателя, выражающего государственную волю, в общем случае противоречит самой государственной воле, какой она понимается в частном случае, как субъектом, так и объектом права может быть только орган судебной власти.

Государственная власть в процессе судебного правоприменения возникает у судебных органов в силу того, что они единственный вид государственных органов, у которых возникает обязанность трактовать государственную волю в том случае, когда нормативная трактовка, предложенная законодателем для общего случая и выраженная в норме закона, вступает в противоречие с нормативной трактовкой государственной воли в процессе индивидуального регулирования.

С точки зрения субъектности власти это означает, что в данный момент определения того, что право есть государственная власть в ее правовом аспекте, она переходит от законодателя к судебному органу и целиком сосредотачивается в руках суда (судьи). Суд применительно к данному правовому спору становится единственным источником государственной власти. В то же время из практики правоприменения следует, что судебная власть объективирует государственную волю и тем самым устраняет препятствие в правоприменении.

1. См.: Ледаев В. Г. *Власть: концептуальный анализ*. М., 2001.

2. См.: Гоббс Т. *Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского* // *Избранные произведения* : в 2 т. М., 1991. Т. 2; Меньшиков В. В. *Власть и властные отношения. Теоретико-методологический анализ*. Краснодар, 2005; Швец Л. Г. *Власть: доминирование, влияние: концепции и политическая практика в России*. Ростов н/Д, 2007; Benton T. «Objective» Interests and the Sociology of Power // *Power: Critical Concepts* / ed. by J. Scott. Vol. 2. London : Routledge, 1994; Mokken R. J., Stokman F. N. *Power and Influence as Political Phenomena* // *Power and Political Theory: Some European Perspectives* / ed. by B. Barry. London : Wiley, 1976; Simon H. A. *Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behaviour in Social Setting*. N. Y. : Wiley, 1957; Oppenheim F. *Power and Causation* // *Power and Political Theory: Some European Perspectives* / ed. by B. Barry. London : Wiley, 1976.

3. См.: *Современный политический словарь* / под ред. В. И. Даниленко. М., 2002.

4. См.: Бержель Ж. Л. *Общая теория права* / под общ. ред. В. И. Даниленко. М., 2000.

5. Явич Л. С. *Общая теория права*. Л., 1971. С. 201.

6. *Общая теория права* / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 355.

7. См.: Алексеев П. В., Панин А. В. *Философия*. М., 1996.

8. См.: Годвин В. *О собственности*. М., 1958.

9. См.: *Общая теория права* / под ред. В. К. Бабаева.

Функции доменных имен в гражданском праве

Domain Names Functions in Russian Civil Law

Настоящая статья посвящена рассмотрению функций доменных имен в гражданском праве, через призму их соотношения с традиционными средствами индивидуализации, предусмотренными ГК.

Доменное имя; функции; идентификационный номер компьютера; индивидуализация; товарный знак

This article about functions of domain names in civil law over their correlation without traditional individualization means (such as trade marks), included by Civil Law.

Domain name; functions; IP; individualization; trade marks

По своей правовой природе доменное имя является объектом гражданского права. Правовое значение категории объекта гражданских правоотношений состоит в установлении для него определенного гражданско-правового режима, который проявляется в возможности или невозможности совершения с ним определенных сделок, влекущих за собой гражданско-правовой результат. Гражданско-правовой режим устанавливается не для различных благ, а для людей, которые совершают по поводу этих благ значимые юридические действия. Первоначально Регламент РосНИИРОС по регистрации доменов второго уровня в зоне «.ru» (далее — Регламент РосНИИРОС) устанавливал, что домен и право на его администрирование не являются объектами купли-продажи. Однако затем данное положение (п. 1.8 Регламента РосНИИРОС) было исключено в силу его противоречия нормам российского законодательства, т. е. нормам ГК [1].

В соответствии с п. 2. ст. 129 ГК виды объектов гражданских прав, нахождение которых в обороте не допускается (объекты, изъятые из оборота), должны быть прямо указаны в законе. В отношении доменных имен такого закона нет, а поскольку Регламент РосНИИРОС не является законом, то его положения вряд ли можно было бы принимать в расчет [2]. Практика показывает, что в настоящее время в отношении доменных имен осуществляются многочисленные гражданско-правовые сделки. Особый интерес представляет аукцион доменов, организованный компанией *RU-CENTER*, которая является первой и единственной российской компанией, ставшей официальным регистратором не только в доменах «.ru» и «.su», но и уполномоченной *ICANN* российским регистратором в доменах общего пользования. Согласно п. 1 Регламента проведения аукциона за право администрирования доменного имени от 1 июня 2006 г.

продажей доменного имени является передача прав администрирования доменного имени. Таким образом, доменное имя является объектом гражданского права, а следовательно, отношения, складывающиеся между субъектами гражданского права по поводу доменного имени, также регулируются нормами ГК.

В настоящее время не существует законодательного определения доменного имени. Это порождает многочисленные споры среди юристов о том, к какому виду объектов гражданских прав относятся доменные имена. Полагаем, что ответ на этот вопрос не может быть дан без рассмотрения тех функций, которые доменные имена выполняют в гражданском праве. Функциональные особенности того или иного объекта гражданского права помогают понять его правовую сущность, отграничить его от других объектов гражданского права и тем самым определить место данного объекта в системе объектов гражданских прав [3].

В связи с тем что рассмотрение природы доменных имен вне глобальной сети Интернет не имеет какого-либо смысла, считаем нужным обратиться к технической природе доменного имени. Система *DNS (Domain Name System)*, создававшаяся в середине 80-х гг. XX в., была основой для функционирования Интернета. На сегодняшний день любой компьютер, подключенный к Сети, обладает уникальным *IP*-адресом. Он необходим для поиска и взаимодействия компьютеров между собой по всему миру. Однако использование системы *IP*-адресов для рядового пользователя Сети крайне неудобно: при поиске какого-либо сайта пользователь был бы вынужден в строке браузера набирать сложную для запоминания и громоздкую комбинацию из четырех чисел, разделенных точками, что сильно затрудняло бы работу с Сетью. Поэтому была создана система *DNS (Domain Name System)*, где любому *IP*-адресу в Интернете присваивается доменное имя. Поскольку доменное имя является единственным способом адресации к информационному ресурсу в Сети, то первоочередность адресной функции доменного имени не вызывает сомнений. Еще одной функцией, которая непосредственно связана с адресацией, является функция идентификации. Указание на эту функцию содержится в Регламенте и тарифах на услуги по регистрации доменов второго уровня в зоне «.ru», утвержденного директором РосНИИРОС от 24 февраля 2005 г., где сказано, что домен идентифицируется именем домена. В нем разделяются понятия «домен» и «имя домена». Под именем

домена подразумевается само доменное имя, т. е. наименование домена (часть между *www* и доменом первого уровня или доменом общего пользования). Под доменом понимается собственнo информационный ресурс, к которому прикреплено соответствующее имя домена. Однако в этой части нормы Регламента и тарифов на услуги по регистрации доменов второго уровня в зоне «.ru» сформулированы крайне неудачно. Сам домен не может быть информационным ресурсом, он отсылает к *IP*-адресу, который указывает, по какому адресу можно найти в Сети ту или иную информацию, которая хранится на соответствующих серверах.

И. Невзоров предлагает сделать вывод о том, что доменное имя с точки зрения российского законодательства является реквизитом, призванным идентифицировать зафиксированную на материальном носителе информацию (документированная информация) [4]. С этим сложно согласиться, учитывая положения основного закона в сфере информационного права. Ведь в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [5] документированная информация признается зафиксированной на материальном носителе путем документирования информации с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством РФ случаях ее материальный носитель.

Таким образом, в связи с функцией адресации доменных имен в сети Интернет вне сети Интернет доменные имена не существуют. Сам Интернет является виртуальной средой, ни полностью, ни частично она не может существовать на материальном носителе, а подобное качество документированной информации, как существование на материальном носителе, считается определяющим в вопросе о том, что является реквизитом подобной информации. Следовательно, доменное имя не может быть реквизитом документированной информации, поскольку информация, которую оно представляет (индивидуализирует), не находится на материальном носителе.

Итак, доменное имя очевидно нельзя считать информацией, хотя оно и носит некоторый информационный характер. Доменные имена нельзя также причислить и к вещам, поскольку они не являются материальными объектами и результатами труда. Однако следует заметить, что доменные имена сходны со всеми вещами в том, что они имеют материальную (экономическую) ценность, денежный характер [6], хотя так было

не всегда. Следующей основной функцией доменного имени является функция индивидуализации.

Доменное имя индивидуализирует содержание информационного ресурса и таким образом становится средством индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет. Предметом индивидуализации (не идентификации, ибо она осуществляется через *IP*-адрес) доменного имени является содержание информационного ресурса, который находится на соответствующем сервере и к которому имеет доступ любой пользователь Сети через соответствующее доменное имя. Кроме того, доменное имя как средство индивидуализации носит сетевой характер, поскольку оно идентифицирует самостоятельный объект, существование которого обусловлено имеющейся системой адресации в адресном пространстве сети Интернет. И хотя само по себе доменное имя выполняет функции, схожие с функциями других средств индивидуализации (товарных знаков, фирменных наименований), оно индивидуализирует не продукцию, выполняемые работы или услуги, а информационный ресурс. В свою очередь, сам информационный ресурс, который пользователь Сети имеет возможность найти по соответствующему доменному имени, может содержать информацию о товарах и услугах компании или индивидуального предпринимателя. Конфликт между владельцами традиционных средств индивидуализации и администраторами доменных имен был порожден данной функцией доменного имени: правовое регулирование традиционных средств индивидуализации невозможно в полной мере отнести к области коммерческого использования доменных имен [7]. Функция индивидуализации доменного имени является приобретенной под влиянием массового развития электронной коммерции. Наиболее удобных и запоминающихся доменных имен не так много, поэтому конкуренция за обладание самыми удачными из них продолжается по сей день, а в российском законодательстве до сих пор не решен вопрос о том, чьи права защищать в случае, если на одно доменное имя претендуют владельцы сходных, но зарегистрированных на разных территориях товарных знаков. Особенностью функции индивидуализации доменного имени является также и ее масштаб, который носит всемирный характер: двух идентичных доменов не существует, но стоит помнить и том, что различные доменные имена могут в принципе указывать на один *IP*-адрес.

Нельзя согласиться и с точкой зрения о том, что доменное имя фактически трансформировалось в средство, выполняющее функцию товар-

ного знака в Сети, как это было указано в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.01.2001 № 1192/00 по делу № А40-25314/99-15-271 [8]. Если бы это было так, то вряд ли пользователи сети Интернет могли бы размещать (указывать) в доменных именах свои имена, географические названия, названия международных межправительственных организаций и т. д. Помимо этого, конструкция «доменное имя — товарный знак» становится особенно уязвимой в случае рассмотрения того, какие обозначения могут быть зарегистрированы в качестве доменного имени и товарного знака. В соответствии со ст. 1483 ГК не допускается регистрация в качестве товарных знаков обозначений, не обладающих различительной способностью, являющихся общепринятыми символами или терминами и противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали. В то же время существуют сайты, в названии которых употребляются, например, нецензурные выражения. Кроме того, ст. 1482 ГК указывает на то, что в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы не только словесные, но и изобразительные, объемные и другие обозначения. В доменных именах могут использоваться только буквенные и цифровые обозначения и само доменное имя должно быть не короче двух символов в длину. Кроме того, прекращение правовой охраны товарного знака (ст. 1486 ГК), например вследствие неиспользования, не будет вести к потере права лица на наименование домена, схожего с товарным знаком. Известно огромное количество недеlegerированных доменов (т. е. они не отсылают к определенному ресурсу), владельцы которых в целях сохранения за собой права администрирования данным доменом ежегодно продлевают его регистрацию, не создавая какой-либо информационный ресурс на данном домене [9].

Еще одна функция доменного имени — рекламная. Она вытекает из функции индивидуализации и наиболее ярко проявляется в случае совпадения, например, доменного имени и средства индивидуализации юридического лица.

И, наконец, существует функция географической привязки. В ряде стран домен второго уровня может указывать на то, что доменное имя зарегистрировано резидентом данной страны.

В заключение следует отметить, что рассмотренные основные функции доменного имени позволяют делать вывод о самостоятельности данного средства индивидуализации, которое является сетевым средством индивидуали-

зации информационных ресурсов в Интернете. В этом проявляется гражданско-правовая сущность доменных имен. Полагаем, что необходимо включить доменные имена в качестве охраняемых законом средств индивидуализации в ст. 1225 ГК. Нет какого-либо практического смысла подробно регулировать сферу доменных

имен в праве ГК, достаточно лишь нескольких статей. В них должно быть отражено понятие доменного имени, указание на индивидуализацию доменным именем информационных ресурсов и предусмотрена возможность совершения с доменными именами различных гражданско-правовых сделок.

1. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

2. См.: Серго А. Доменное имя и объекты интеллектуальной собственности // ИС. Авторское право и смежные права. 2006. № 11. С. 41.

3. См.: Серго А. Защита доменных имен // Право и экономика. 2002. № 10. С. 79.

4. Невзоров И. О соотношении доменного имени с объектами интеллектуальной собственности // Хозяйство и право. 2005. № 6.

5. См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448.

6. См.: Вацковский Ю. Судебное разрешение конфликтов между правами на доменное имя // Коллегия. 2007. № 3. С. 58.

7. См.: Ананьев Д. В. Товарные знаки и доменные имена: как достичь гармонии? // Патенты и лицензии. 2003. № 1. С. 37.

8. См.: ВВАС РФ. 2001. № 5.

9. См.: Нагорный Р. С. Доменное имя как объект гражданского права // Журнал рос. права. 2008. № 2. С. 34.



УДК 349.3

Э. И. Айнуллина
E. I. Ainullina

Актуальность осуществления страхового надзора при выработке стратегии развития страхования в Российской Федерации

Urgency of Realization of Insurance Supervision at Development of Strategy of Progress of Insurance in the Russian Federation

В настоящей статье рассматриваются вопросы осуществления страхового надзора в рамках принятия мер по совершенствованию страхового рынка в Российской Федерации. Автор раскрывает особенности обеспечения защиты прав и законных интересов страхователей (потерпевших). В статье отражены проблемы правовой организации страхового надзора. При этом в статье представлены предложения, связанные с реализацией полномочий Росстрахнадзора. Особое внимание уделено практическим значимым мерам по защите интересов страхователей, являющихся главным источником существования и развития всей системы страховых отношений. В статье отражены конкретные методы реализации стратегии развития российского страхования путем анализа и всестороннего изучения проблем, возникающих при урегулировании взаимоотношений всех участников страхового рынка РФ.

Страховой надзор; страхование; нормативно-правовое регулирование; страховой рынок; экономика страны; стратегия развития; функции государства; защита страхователей; интересы участников страховых правоотношений; Росстрахнадзор; применение санкций; совершенствование законодательства; механизм страхового надзора

This present article considers the questions of existing insurance supervision within the limits of acceptance of measures on perfection the insurance market in the Russian Federation. The author opens the features of maintenance of protection of the rights and legitimate interests of insureds (victims). This article shows the problems of the legal organization of insurance supervision are reflected. Thus, in this article offers connected with realization of powers of Federal service of insurance supervision of the Ministry of Finance of the Russian Federation are presented. The special attention is given to practical significant measures on protection of interests of the insureds, being by the main source of existence and development of all system of insurance attitudes. The author reflects concrete methods of realization of strategy of development of the Russian insurance by the analysis and all-round studying of the problems arising at settlement of mutual relations of all participants of the insurance market of the Russian Federation.

Insurance supervision; insurance; normative-legal regulation; the insurance market; national economy; strategy of development; functions of the state; protection of insureds; interests of participants of insurance legal relations; Federal service of insurance supervision; application of sanctions; perfection of the legislation; the mechanism of insurance supervision

В современном мире страхование играет существенную роль, поскольку именно оно является одним из показателей защищенности страхователей от различных рисков. Немаловажной является и роль государства, которое должно обеспечивать контроль и надзор за осуществлением страховой деятельности. Развитие современного страхо-

вого рынка невозможно представить без осуществления страхового надзора. Формирование и развитие страхового надзора свидетельствуют о том, что существуют нарушения страховщиками страхового законодательства. В лице Росстрахнадзора государство определяет главные функции для регулирования страховой деятельности

с целью обеспечения основной задачи — защиты прав страхователей, а также полноты предоставляемых страховыми организациями гарантий. В новейшей истории отечественного страхового рынка в течение ряда лет на нем исправно появляются «рецепты счастья», не имеющие практического значения для повышения общественной востребованности страхования [1]. В этой связи следует отметить, что заинтересованную публику приятно удивил проект Стратегии развития страхования в Российской Федерации на 2008—2012 гг. В нем чувствуется научная обоснованность, которой не всегда хватало концептуальным разработкам последнего времени. Думается, что если в ходе дальнейшей доработки проекта удастся сохранить принципиальную направленность на приоритетное развитие добровольного страхования, то это принесет большую пользу отечественному страховому рынку в частности и обществу в целом. Помимо этого, прослеживается неопределенный характер условий развития страхового рынка. Это связано с нестабильностью финансового состояния страховщиков, а также с отсутствием конкретности в части нормативно-правового регулирования страховой деятельности. Современный ход обсуждения концептуальных основ развития отечественного страхования показывает, что по-прежнему принципиальным вопросом остается определение актуальной парадигмы такого развития.

История российского страхового рынка после 1990 г. доказывает, что для подлинного развития отечественного страхования одного настойчивого желания страховщиков реализовывать свои собственные цели оказывается недостаточно. Сегодня очевидно, что проблема российского страхового сообщества — ошибочное понимание поставщиками страховых услуг места страхования в сложившейся в отечественной экономике системе экономических интересов, которое оказывает тормозящее влияние на их деятельность. От этого снижается и уровень адекватности мер, предлагаемых сегодня страховщиками для развития страхового рынка, которое они частенько путают с ростом финансовых показателей своей деятельности. Вследствие этого падает доверие потребителей в частности и общества в целом к поставщикам страховых услуг [2].

Орган страхового надзора, осуществляя свои полномочия, считает, что страховщики в первую очередь должны заниматься страхованием, а не оказывать финансовые услуги различного свойства и содержания своим клиентам. Они должны защищать от всяческих невзгод судьбы людей, а не заниматься схемами налоговой опти-

мизации. Страховые компании должны быть надежными и финансово устойчивыми. Таким образом, можно сказать, что после того, как страхование станет надежным, целесообразно было бы поднять вопрос об упорядочивании всего российского страхового законодательства. В условиях современного страхования как отраслевого рынка, представляющего собой не совокупность страховщиков и обслуживающих их структур, а систему отношений между потребителями, поставщиками и государством, необходимо умение понимать и реализовывать на практике интересы всех его участников. При этом должно быть понятно, что в функционировании и развитии отраслевого рынка ключевую роль играют потребители. В современных условиях положительные с точки зрения отечественного страхования (а не только страховщиков) перспективы есть лишь у такого отраслевого рыночного механизма, который основан на сочетании интересов всех участников рынка при обеспечении приоритета интересов страхователей, являющихся главным источником существования и развития всей системы страховых отношений. Поэтому важным является обеспечение необходимой для жизнеспособности Стратегии развития страхования взаимосвязи между развитием страхования и потребностями экономики и общества. В проекте указанной стратегии содержатся указания на ее соответствие ряду прогнозных и программных документов, принятых на правительственном уровне. Однако содержащиеся в них подходы требуют сегодня (в свете нового трехлетнего бюджета РФ на 2007—2010 гг.), серьезной конкретизации. После принятия трехлетнего бюджета в экономике страны формируется новая ситуация, создаются предпосылки для структурных сдвигов в реальном секторе российской отечественной экономики [3]. В целом сегодня можно констатировать стремление государства внести серьезные изменения в проводимую социально-экономическую политику и, в частности, активизировать инвестиционный процесс в реальном секторе отечественной экономики. Страхование как важный инструмент защиты инвестиций должно быть органично встроено в процессы диверсификации экономики и обеспечения нового качества экономического роста. Без активного участия в данных процессах российское страхование рискует остаться внесистемным, обреченным на стагнацию приложением к экономике. Такое качество роста не может рассматриваться как серьезная основа для устойчивого развития страховых отношений, что, собственно, и подтверждается снижением показателя доли страховых взносов в ВВП.

Федеральной службой страхового надзора был создан экспертный совет, который занимается анализом проблем применения законодательства, регулирующего отношения в сфере страхового надзора, а также подготовкой предложений по совершенствованию страхового надзора. Также в целях всестороннего и объективного рассмотрения и коллегиальной выработки рекомендаций по вопросам, затрагивающим права и обязанности участников страховых правоотношений, создана административная комиссия, которая способствует наиболее конкретному и полноценному осуществлению надзора за соблюдением требований страхового законодательства, в том числе за применением санкций к субъектам страхового дела в форме ограничения, приостановления, возобновления действия лицензий и отзыва лицензий. Однако необходимо также учесть, что в целях эффективной защиты прав и законных интересов страхователей (или выгодоприобретателей) при выработке стратегии развития страховой деятельности должно быть достигнуто следующее:

- уточнение норм гл. 48 ГК [4], допускающих неоднозначное толкование;
- устранение недостаточности правового регулирования договорных отношений в сфере страхования.

Указанные меры должны быть направлены на исключение возможности использования страховщиками права сильной стороны и заключения договоров страхования на условиях, невыгодных для страхователей.

Также необходим постепенный переход к опыту западных стран. Для этого надо вводить международные стандарты финансовой отчетности, принципы мотивированного суждения, обязательное актуарное заключение, научиться оценивать риск страховых компаний в целом. Роль законодательных органов при этом важна, ведь если будет четче отражен порядок норм в законе, т. е. уровень детализации норм в ГК и Законе РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [5] будет высок, будут существенно пересмотрены взаимоотношения между страховщиками и их клиентами на основании закона. В указанном проекте предусматриваются необходимые процедуры и механизмы реализации Стратегии развития страхования, предполагается определенная последовательность и этапность конкретных действий по достижению поставленных задач. В Стратегии развития страхования обозначены перспективы и приоритеты в развитии страхования. Таким образом, на наш взгляд, любой координальный подход к экономической реформе развития

рыночных отношений всегда вызывает резкую активизацию в создании правовой и страховой защиты граждан и юридических лиц в случае причинения вреда их имуществу, здоровью или жизни. Именно в рамках общеэкономических процессов создаются основные предпосылки развития страхования и формируются экономические основы функционирования предпринимателей и домашних хозяйств, а также осуществляются инвестиции, определяющие динамику платежеспособного спроса на страховые услуги, изменение рисков ситуации на страхуемых объектах. Таким образом, главной задачей российской системы страхования на среднесрочную перспективу должно стать активное участие в процессах диверсификации отечественной экономики. Однако следует подчеркнуть, что практически значимые меры по защите интересов отечественного страхового капитала и отечественных страхователей можно будет разработать только после обнародования всех обязательств, принятых на себя государством, и сохраняемых за ним прав в сфере регулирования народного хозяйства. Неоднократные комментарии к основным положениям подписанного с США 19 ноября 2006 г. двустороннего соглашения выделяют «резервирование» за отечественными страховщиками 50 % рынка [6] и введение девятилетней отсрочки на открытие иностранными страховыми организациями филиалов на территории РФ. Последнее обстоятельство побудило российских страховщиков в лице ВСС начать работу над законопроектом, который, по их мнению, должен как минимум «уравнять» (как максимум — сделать экономически невыгодными) филиалы зарубежных компаний с созданными в соответствии с российским законодательством страховыми обществами. Как следует из распространенной Офисом торгового представителя США (*Office of the United States Trade Representative*) информации о ключевых положениях заключенного договора, Россия обязуется в течение пяти лет оценить вводимый 50 % лимит иностранного капитала на российском страховом рынке и принять решение о необходимости его сохранения. Таким образом, в течение следующих пяти лет условия функционирования российского страхового рынка в мировой страховой архитектуре могут быть пересмотрены: во-первых, вследствие решения российских органов государственного регулирования о дальнейшей либерализации отечественного рынка страхования; во-вторых, в результате трансформации всей системы мирохозяйственных связей, ключевым институтом которой является ВТО. Зарубежный страховой капитал имеет своей стратегической

целью не развитие отечественного страхования, а передел сложившейся платежеспособной клиентской базы рынка. Следовательно, выбранный сценарий развития отечественного страхового рынка может привести к окончательной его фрагментации, сужению пределов страхуемости рисков и ухудшению положения не только российских страховщиков, но и страхователей.

С превращением части страхового рынка России в одно из звеньев глобального рынка страхования российские потребители подчинятся той системе отношений в мировой страховой индустрии, при которой интересы страховщиков и стоящих за ними собственников капитала преобладают над интересами страхователей. Для предотвращения негативных последствий необходимо, чтобы процесс интеграции осуществлялся на базе оптимального сочетания интересов участников российского рынка страхования, прежде всего страхователей, отечественных поставщиков страховых услуг и международного страхового капитала. Реализация такого подхода потребует либо изменения роли самих страховщиков, либо активизации роли государства и потребителей страховых услуг, формы которой могут быть определены после того, как будут полностью обнародованы условия присоединения России к ВТО [7].

Современное страхование — это важный элемент системы управления собственностью, механизм ее защиты от рисков. Отсюда понятно, что страхование должно быть подчинено интересам потребителей страховых услуг, являющимся источником развития страхового рынка, а актуальной является такая модель страховых отношений, которая будет обеспечивать их приоритет. Современное страхование является «одним из эффективных рыночных механизмов управления рисками» страхователей и защиты их интересов. Для государства постулаты, что «страхователь — это главная фигура на страховом рынке» и «интересы потребителей страховых услуг нуждаются в защите» [8], начали наконец активно использоваться в официальной риторике. В настоящее время сложилась практика, при которой законодательством в области страхования занимаются как законодательные, так и исполнительные органы власти, основываясь на позиции отсутствия какого-либо системного подхода к проблеме. Ведь как бы ни выстраивалось решение проблем, на сегодняшний день основные усилия страховые организации направляют именно на извлечение собственной прибыли из оборота капитала. В связи с этим страховой надзор в перспективе планирует выработать меры раннего обнаружения финан-

сового неблагополучия у страховщиков, а также более полного прослеживания обеспечения удовлетворенности их клиентов.

Время функционирования существующей модели отечественного страхового рынка доказало, что так называемый крупный отечественный страховой капитал не устойчив, работает главным образом не на самовозрастание, а на освоение денег клиентов [9]. И это не только следствие системного кризиса и макроэкономической нестабильности конца прошлого века, но и результат чрезмерной ориентации отечественных поставщиков на реализацию своих сиюминутных фискальных интересов. В этих условиях представляется необходимым разработать и реализовать комплекс мер, направленных на стимулирование развивающейся рынок конкуренции между поставщиками страховых услуг. Эта задача может быть решена путем государственной поддержки распространения пока еще широко не представленных на российском страховом рынке обществ взаимного страхования, развития новых форм организации страхового фонда — микрострахования, развития инициатив ФАС России по ограничению существующей практики аккредитации страховщиков в банках в прямой законодательный запрет подобных форм партнерства [10]. Преимущественное развитие добровольного страхования предполагает активизацию работы участников рынка по совершенствованию взаимодействия между потребителями и поставщиками страховых услуг, достижение качественно более высокого уровня таких отношений. Доверие как форма проявления заинтересованности является результатом практического учета интересов потребителей и страховщиков в страховой сделке. Поэтому воздействовать на уровень доверия необходимо профессионально организованной работой по выявлению и учету их интересов в страховых отношениях. Суть актуальной идеологии развития страхования — в профессионально организованной работе субъектов страхового рынка по формированию заинтересованности у потребителей в страховании и создании у поставщиков, которые в реальности учитывают интересы потребителей, дополнительной опоры в виде этой заинтересованности. Это предполагает акцент на оптимальное сочетание интересов поставщиков и интересов потребителей при обеспечении приоритета последних. При этом никто не должен забывать, что страховой надзор должен конкретно обеспечивать прозрачность страхового рынка, не допускать использование страховых операций для реализации различных схем. Также необходимо отметить совершенствование механизма регулирования и пути стимулирования

деятельности страховых посредников. Правовое регулирование и договорное обеспечение посреднической деятельности должны соответствовать потребностям решения страховыми посредниками актуальных задач развития реального страхования в нашей стране и тем бизнес-процессам, с помощью которых эти задачи могут быть решены. Анализ современных рыночных отношений показал, что рынку необходимы и страховые посредники, которые являются только представителями страховщиков, и независимые страховые посредники, которые обладают возможностью представлять в страховых сделках и страхователей, и страховщиков:

1) связанный страховой посредник (агент) обеспечивает организацию страховой защиты интересов потребителей страховых услуг, представляя одного или нескольких страховщиков, которые несут полную ответственность за его действия;

2) независимый страховой посредник (брокер) действует в интересах страховщиков и (или) других лиц, осуществляя разработку программ защиты от рисков, подбор потребителей и поставщиков страховых услуг, заключение, исполнение, расторжение и возобновление соответствующих договоров между ними.

Согласно европейскому опыту независимые посредники обычно подлежат обязательной регистрации, и их деятельность контролируется государством или уполномоченными им структурами. К связанным посредникам в странах ЕС обычно применяется упрощенный порядок регистрации. Он реализуется, например, в форме уведомления, направляемого страховой компанией-принципалом в государственный надзорный орган или иную уполномоченную структуру, о том, что связанный страховой посредник отвечает всем предъявляемым к нему требованиям и что данная страховая компания несет полную ответственность за действия связанного страхового посредника от ее имени. Такая конфигурация форм осуществления страховой посреднической деятельности соответствует и актуальным задачам развития массовых видов страхования (в том числе в обязательной форме), преодоления кризиса доверия на отечественном страховом рынке. В российских условиях наиболее целесообразной представляется политика поэтапного введения норм регулирования, в принципе соответствующих требованиям Директивы ЕС по страховым посредникам [11]. Порядок допуска страховых посредников для работы на рынке может совершенствоваться на основе специальной программы развития современных форм посреднической деятельности. В дальнейшем российская законодательная и нормативно-правовая

база должна быть приведена в соответствие с современными стандартами регулирования страховой посреднической деятельности, содержащимися в Директиве ЕС о страховой посреднической деятельности от 9 декабря 2002 г., с учетом особенностей отечественного страхового рынка [12]. Это предполагает выделение двух типов страховых посредников (связанных и независимых). Для стимулирования деятельности страховых посредников, расширения и повышения устойчивости ее воспроизводственной базы необходимо принять ряд законодательных мер по совершенствованию налогообложения. В частности, следует исключить деятельность страховых посредников по представлению интересов страхователей и (или) страховщиков из сферы применения (обложения) НДС.

Несмотря на разработку проектов законодательных актов по вопросам развития страхования, достаточно обширный пакет нормативных документов Росстрахнадзора, представленный в виде инструкций, указаний и разъяснений, основанных на действующем законодательстве и имеющих обязательный характер для страховщиков, требует наиболее детализированного подхода к возникающим проблемам во взаимоотношениях участников страховых правоотношений. При этом осуществляется постоянная работа по актуализации издаваемых директив, с тем чтобы система регулирования и контроля соответствовала складывающимся тенденциям в развитии страхования. Исполняя любые свои функции и способствуя реализации стратегии развития страхования, орган страхового надзора оперативно осуществляет освобождение страхового рынка (путем отзыва лицензий) от неработающих компаний, от тех страховщиков, которые давно перестали платить (возмещать убытки) потерпевшим страхователям (застрахованным лицам), перестали осуществлять страховую деятельность, основанную на нормах гражданского и страхового законодательства. Любые пути решения проблем, возникающих при осуществлении страхового надзора, должны быть в полной мере направлены на сокращение количества страховых организаций ввиду повышения качества жизни граждан и темпов экономического роста, ведь только правильное, полноценное и гарантированное страхование может существенно снизить нагрузку на расходную часть бюджетов различных уровней, способствовать социально-экономической стабильности в обществе. Государство должно поддерживать только те страховые организации, которые поступательно развиваются в первую очередь в интересах граждан. Вышеизложенные задачи необходимо решать, опираясь на собственный конкретный практический опыт,

учитывая возможность осуществления поставленных целей. Страховой надзор в целом должен содействовать учреждению на страховом рынке обществ, имеющих прочную финансовую и правовую основу, и вместе с тем не допускать на рынок спекулятивные и фиктивные компании, которые могут нанести ущерб субъектам страховых отношений.

В целом совершенствование страхового, гражданского и налогового законодательства

в вышеуказанном направлении будет способствовать активизации главных производительных сил отечественного страхового рынка, даст возможность органу страхового надзора отслеживать весь процесс осуществления страховой деятельности, исполнять функции надзора за обеспечением гарантированной страховой защиты, а значит, станет важным фактором развития реального страхования в нашей стране.

-
1. См.: Концепция развития страхования в Российской Федерации, одобренная распоряжением Правительства РФ от 25.09.2002 № 1361-р // СЗ РФ. 2002. № 39. Ст. 3852.
 2. См.: Андреев Ю. Н. Имущественное страхование: теория и судебная практика. М. : ОСБ-89, 2002.
 3. См.: Кудрин А. Л. Трехлетний бюджет — бюджет диверсификации экономики // Финансы. 2007. № 4.
 4. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.
 5. См.: РФ. 1993. 12 янв.
 6. См.: Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006—2008 годы), утвержденная распоряжением Правительства РФ от 19.01.2006 № 38-р // СЗ РФ. 2006. № 5. Ст. 589.
 7. См.: Бланд Д. Страхование: принципы и практика. М. : Финансы и статистика, 2000.
 8. ФССН инициирует создание системы гарантирования на случай банкротств страховщиков // Интерфакс — новости для страховых компаний. 2005. № 121 (644).
 9. См.: Кутыгин М. А. Правовое регулирование института страхования в России: эволюция, преемственность и проблемы совершенствования. Ростов н/Д, 2007.
 10. См.: Анализ государственного регулирования в сфере страхового рынка // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 12.
 11. См.: Чернова Г., Белинская Л., Власов П. Страхование : учебник. М. : Проспект, 2008.
 12. См.: Российская юридическая энциклопедия. М., 1999.



УДК 347.133

А. Е. Кирпичев
А. Е. Kirpichyov

Запрос котировок в системе способов заключения договоров

Inquiry of Quotations in System of Ways of the Conclusion of Contracts

В данной статье изучается новый для российского права способ заключения договора — запрос котировок (запрос котировок цен). Исследуется применение данного способа размещения государственных и муниципальных заказов для осуществления закупок коммерческих структур. Запрос котировок рассматривается с научной точки зрения в соотношении с существующей в ГК моделью заключения договора «оферта — акцепт». Делается вывод о том, что в рамках действующих норм ГК запрос котировок может использоваться для заключения не только государственных или муниципальных контрактов, но и иных гражданско-правовых договоров.

Запрос котировок; оферта; акцепт; государственный заказ; муниципальный заказ; прокьюремент; коммерческие закупки

The article is aimed to research a new (for Russian law) method of conclusion of contracts: request for quotations (RFQ). The main questions of the article are the law nature of request for quotations, its correlation with the “offer-acceptance” scheme of the Russian Civil Code, and its applicability not only to the public (state and local) procurement, but also to the commercial procurement. Currently RFQ is named as the method of conclusion of contracts only for public procurement, but the conclusion of the article is that RFQ is a suitable method for commercial procurement according to the Civil Code.

Request for quotations; RFQ; offer; acceptance; local procurement; state procurement; commercial procurement

Принятие Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [1] (далее — Закон о размещении заказов) на законодательном уровне закрепило в отечественной правовой системе такой способ установления договорных отношений, как запрос котировок. Относительная простота процедуры обусловила ее популярность при размещении государственных и муниципальных заказов. Одновременно в России наблюдается устойчивая тенденция к рецепции процедур размещения государственных и муниципальных заказов для осуществления коммер-

ческих закупок, это относится и к запросу котировок, который к тому же является популярным способом коммерческих закупок (прокьюремента) и в других странах. В то же время отсутствие упоминания о таком способе заключения договора в ГК [2], а также единства в оценке правовой природы запроса котировок среди ученых (как и научной разработки запроса котировок) неминуемо порождают целый ряд теоретико-практических проблем, требующих своего разрешения.

Итак, в соответствии с ч. 1 ст. 42 Закона о размещении заказов запрос котировок (также именуемый в некоторых статьях указанного За-

кона «запросом котировок цен») — это «способ размещения заказа, при котором информация о потребностях в товарах, работах, услугах для государственных или муниципальных нужд сообщается неограниченному кругу лиц путем размещения на официальном сайте извещения о проведении запроса котировок и победителем в проведении запроса котировок признается участник размещения заказа, предложивший наиболее низкую цену контракта».

В то же время законодатель определяет условия, при которых государственным и муниципальным заказчикам можно производить размещение заказа путем запроса котировок (ч. 2 и 3 ст. 42 Закона о размещении заказов):

1) производство товаров, выполнение работ или оказание услуг должно осуществляться не по конкретным заявкам заказчика;

2) для данных товаров, работ или услуг существует функционирующий рынок;

3) размещение заказа государственным или муниципальным заказчиком путем запроса котировок на поставку одноименных товаров, выполнение одноименных работ, оказание одноименных услуг осуществляется на сумму не более чем 500 тыс. руб. в течение квартала.

При этом первые два из названных условий иллюстрируют экономическую сущность запроса котировок, а последнее определяет начальную (максимальную) цену государственных или муниципальных контрактов, при превышении которой заказчиком в течении одного квартала необходимо производить размещение заказа иными конкурентными способами: путем проведения открытого конкурса или открытого аукциона.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 10 Закона о размещении заказов запрос котировок признается одним из способов размещения заказа без проведения торгов.

Заказчик размещает на официальном сайте извещение о проведении запроса котировок на поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг и проект государственного или муниципального контракта. Извещение содержит все существенные условия будущего контракта, за исключением цены. При этом предмет контракта определяется в соответствии с указанными характеристиками, заказчик может указать на товарные знаки (обязательно сопроводив их словами «или эквивалент»). Однако, если это товарные знаки товаров, происходящих из иностранного государства или группы иностранных государств, в этом извещении также должно содержаться указание на товарный знак товара российского происхождения (при наличии информации о подобной эквивалентности). Помимо раз-

мещения на сайте, заказчик также вправе направить запрос котировок юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим соответствующую предмету заказа деятельность.

Лица, желающие заключить контракт, в указанный в извещении срок направляют заказчику котировочную заявку. Форма котировочной заявки устанавливается заказчиком в извещении о проведении запроса котировок, а содержание определяется ст. 44 Закона о размещении заказов и включает в себя следующее: наименование, место нахождения (для юридического лица); фамилия, имя, отчество; место жительства (для физического лица); банковские реквизиты участника размещения заказа; идентификационный номер налогоплательщика; наименование и характеристики поставляемых товаров в случае проведения запроса котировок товаров, на поставку которых размещается заказ; согласие участника размещения заказа исполнить условия контракта, указанные в извещении о проведении запроса котировок; цена товара, работы, услуги с указанием сведений о включенных или невключенных в нее расходах.

Котировочная комиссия, созданная заказчиком или уполномоченным органом, рассматривает поступившие котировочные заявки на соответствие их требованиям, установленным в извещении о проведении запроса котировок, и оценивает котировочные заявки.

Победителем в проведении запроса котировок признается участник размещения заказа, подавший котировочную заявку, которая отвечает всем требованиям, установленным в извещении о проведении запроса котировок, и в которой указана наиболее низкая цена товаров, работ, услуг. Если же наиболее низкая цена контракта предложена несколькими участниками размещения заказа, то победителем в проведении запроса котировок признается участник размещения заказа, котировочная заявка которого поступила ранее котировочных заявок других участников размещения заказа.

Результаты рассмотрения и оценки котировочных заявок оформляются протоколом, в котором содержатся сведения о заказчике, о существенных условиях контракта, обо всех участниках размещения заказа, подавших котировочные заявки, об отклоненных котировочных заявках с обоснованием причин отклонения, предложение о наиболее низкой цене товаров, работ, услуг, сведения о победителе в проведении запроса котировок, об участнике размещения заказа, предложившем в котировочной заявке цену, такую же, как и победитель в проведении запроса котиро-

вок, или об участнике размещения заказа, предложение о цене контракта которого содержит лучшие условия по цене контракта, следующие после предложенных победителем в проведении запроса котировок условий. Протокол рассмотрения и оценки котировочных заявок составляется в двух экземплярах, один из которых остается у заказчика, а второй экземпляр в течение двух рабочих дней со дня подписания передается победителю в проведении запроса котировок вместе с проектом контракта, который составляется путем включения в него условий исполнения контракта, предусмотренных извещением о проведении запроса котировок, и цены, предложенной победителем запроса котировок в котировочной заявке.

В случае если победитель в проведении запроса котировок в срок, указанный в извещении о проведении запроса котировок, не представил заказчику подписанный контракт, такой победитель признается уклонившимся от заключения контракта.

При этом законодатель подчеркивает, что контракт заключается на условиях, предусмотренных извещением о проведении запроса котировок, по цене, предложенной в котировочной заявке победителя в проведении запроса котировок или в котировочной заявке участника размещения заказа, с которым заключается контракт (в случае уклонения победителя в проведении запроса котировок от заключения контракта).

Запрос котировок является популярным способом размещения государственных и муниципальных заказов и в зарубежных странах. В частности, такой способ размещения заказа, как запрос котировок (*Request for quotations, RFQ*) применяется в американской федеральной контрактной системе, в системах закупок штатов и многих муниципальных образований США, во многих других странах. Запрос котировок также является популярным способом коммерческих закупок (прокьюремент) в зарубежных странах.

Что касается российских коммерческих закупок, то здесь исследователи по-разному отождествляют запрос котировок с привычными для коммерческой практики способами закупок (например, с запросом прайс-листов от нескольких фирм с целью сравнения их предложений [3] или так называемыми конкурентными листами, в которых каждый из предполагаемых контрагентов заполняет свою таблицу цен и направляет заказчику [4]).

В отечественной науке гражданского права существует два подхода к квалификации способов заключения договоров. Первый из них основан на положениях ГК и состоит в том, что в любом способе заключения договоров усматри-

ваются оферта и акцепт. Подобного подхода придерживается и большинство исследователей заключения договора на торгах — способа заключения договора, наиболее близкого по своей процедуре к запросу котировок, — выделяющих при заключении договора на торгах оферту и акцепт в той или иной форме. Второй подход состоит в том, что оферта и акцепт как стадии заключения договора являются лишь одним из вариантов механизма заключения договора. Как отмечает Б. И. Пугинский, такая схема далека от запросов и реальных взаимоотношений организаций: «Вследствие этого названные процедуры почти не применяются в хозяйственной и судебной практике (за исключением правила о проведении торгов)» [5].

Если согласиться со второй точкой зрения, которая соответствует и логике договорного права некоторых западных стран, то получается, что права и обязанности участников запроса котировок, связанные с установлением договорных отношений, регламентируются исключительно Законом о размещении заказов в случае размещения государственного или муниципального заказа либо одними лишь условиями, указанными в запросе котировок лицом, его направившим, в случае проведения коммерческой закупки. Безусловно, в таком случае необходимо классифицировать запрос котировок и извещение о проведении запроса котировок как сделку или юридический поступок, что будет, очевидно, не менее трудным, чем ответить на вопрос о том, является ли сделкой оферта.

Тем не менее представляется, что запрос котировок в такой ситуации будет выступать односторонней сделкой, однако необходимость доказывать подобное в каждой спорной ситуации вряд ли послужит эффективности данного способа размещения заказов и коммерческих закупок.

Кроме того, как уже было сказано, точка зрения о том, что схема «оферта — акцепт» не является единственным способом установления договорных отношений и почти не встречается в практике, хотя и является в достаточной степени обоснованной, но в то же время не соответствует прямым указаниям норм ГК.

Среди исследователей нет единства относительно того, представляет ли собой запрос котировок упрощенный аукцион или нет. Так, Л. В. Андреева пишет, что «правила Закона о размещении заказов относительно запроса котировок показывают, что особым способом размещения заказов его считать нельзя, поскольку запрос котировок является, по существу, упрощенным видом аукциона» [6]. К. В. Кузнецов, напротив, утверждает, что подход отождествления запроса котировок с аукционом является неверным [7].

Хотя законодатель прямо исключил возможность рассмотрения запроса котировок как вида торгов, представляется разумным предположение о том, что правовая природа извещения о проведении запроса котировок (и котировочной заявки) схожа с правовой природой извещения о проведении торгов (и, соответственно, заявки на участие в торгах). Однако, к сожалению, правовая наука как в России, так и за рубежом [8] не дает однозначного ответа на вопрос о правовой природе извещения о проведении торгов и заявки на участие в торгах. В частности, извещение о проведении торгов рассматривают как одностороннюю сделку, как приглашение делать оферты [9], как публичную оферту [10]. Существует также обобщающая точка зрения, состоящая в том, что извещение о проведении торгов имеет двойную природу и выступает, с одной стороны, как публичная оферта торгов как сделки — договора о проведении торгов, а с другой стороны, извещение представляет собой вызов на оферту, предложение делать оферты по отношению к договору, заключаемому на торгах [11].

Однако отсутствие четкого ответа на вопрос о правовой природе извещения о проведении торгов и заявки на участие в торгах не ставит под сомнение саму возможность использования такого способа заключения договора, как торги. В отношении запроса котировок ситуация иная, отсутствие понимания правовой природы этого явления, во-первых, порождает практические проблемы при размещении государственных или муниципальных заказов; во-вторых, ограничивает возможность применения запроса котировок в коммерческих закупках.

Запрос котировок можно представить как предусмотренное нормами гражданского законодательства приглашение делать оферты. А. Н. Кучер указывает, что приглашение делать оферты является целесообразным в случаях, когда «лицо хочет воспользоваться некоторыми преимуществами процедуры торгов (в частности, сформировать наиболее выгодные условия договора, воспользовавшись конкуренцией между желающими заключить договор)» [12]. Формально содержание извещения о проведении запроса котировок действительно соответствует содержанию приглашения делать оферты в том виде, в каком А. Н. Кучер выводит его из содержания норм ГК. Однако для запроса котировок в той форме, в какой он регламентируется нормами Закона о размещении заказов, неприменимы многие правила о приглашении делать оферты, следующие из норм ГК.

Прежде всего лицо, направившее приглашение делать оферты, не обязано акцептировать оферту, содержащую наиболее выгодные условия,

и вправе вообще не акцептировать ни одну из присланных в ответ на приглашение оферт. В то же время государственный или муниципальный заказчик, осуществляющий запрос котировок, обязан заключить государственный или муниципальный контракт с участником размещения заказа, предложившим наиболее выгодное ценовое предложение (исключения из этой обязанности заключаются в различных несоответствиях участника размещения заказа или поданной им заявки установленным законом или заказчиком требованиям). Таким образом, направление приглашения делать оферты не входит в стадии заключения договора, в отношении направляемых оферт и их акцептов действуют обычные правила, «отношения сторон возникают не в результате сложного юридического состава, как в случае проведения торгов, а в результате обычной процедуры заключения договора» [13]. При этом приглашение делать оферты не является сделкой, не порождает права или обязанности у лица, его направившего, и лица, его получившего. При отождествлении запроса котировок с подобным механизмом единственно возможным объяснением в рамках норм ГК наличия у заказчика обязанности заключить контракт является применение правил о заключении договора в обязательном порядке (ст. 445 ГК). Действительно, если котировочную заявку признать обычной офертой, то в случае, когда она содержит наиболее выгодное ценовое предложение, заключение контракта является обязательным для заказчика в силу Закона о размещении заказов (что соответствует гипотезе нормы п. 1 ст. 445 ГК). Однако следует учитывать, что содержание котировочной заявки, установленное нормами Закона о размещении заказов, не соответствует требованиям, предъявляемым к содержанию оферты, так как не содержит всех существенных условий контракта (хотя до редакции Закона о размещении заказов от 24.07.2007 № 218-ФЗ [14] котировочная заявка должна была содержать все существенные условия контракта). Следовательно, такая интерпретация правовой природы запроса котировок на сегодняшний день невозможна.

Существует также точка зрения о том, что извещение о запросе котировок представляет собой оферту. Подобная позиция призвана решить несколько практических проблем. В частности, отождествление с офертой позволяет предусмотреть в извещении о проведении запроса котировок возможность «отзыва оферты», т. е. отмены запроса котировок [15]. Однако содержание извещения о проведении запроса котировок не может быть отождествлено с офертой на заключение соответствующего контракта, так как не содержит существенного условия — цены.

На наш взгляд, в рамках современного гражданского законодательства РФ возможны два понимания запроса котировок.

Первый предлагаемый вариант понимания правовой природы запроса котировок состоит в следующем. Полученное участником запроса котировок извещение и направленная им в соответствии с ним заявка являются в совокупности офертой. Данная оферта, если в ней содержится наиболее выгодное ценовое предложение, обязательно к акцепту (в роли акцепта выступает протокол) лицом, направившим запрос котировок. Обязанность акцептировать оферту с наиболее выгодным ценовым предложением при этом возникает в случае размещения государственного или муниципального заказа в силу Закона о размещении заказов, а в случае осуществления коммерческих закупок — в силу применяемых по аналогии закона норм Закона о размещении заказов. Последнее обстоятельство является одним из наиболее серьезных практических недостатков данного подхода к правовой сущности запроса котировок. В качестве другого недостатка обозначим следующую проблему. Закон о размещении заказов предусматривает, что вместе с протоколом рассмотрения и оценки котировочных заявок заказчик направляет победителю в проведении запроса котировок подписанный проект контракта, он считается незаключенным и у заказчика появляется право заключить контракт с лицом, предложившим цену, следующую за предложенной победителем. В том случае, если мы рассматриваем протокол как акцепт, то договорные отношения уже возникают, а договор считается заключенным с момента получения лицом, направившим оферту, ее акцепта (ст. 433 ГК).

Однако, учитывая, что обязанность заказчика направить подписанный проект контракта и последствия его не подписания победителем в запросе котировок установлены только для размещения государственного или муниципального заказа, применение описываемой схемы запроса котировок без подписания единого итогового документа представляется вполне приемлемым для практики коммерческих закупок. В любом случае сложная оферта (совокупность извещения и заявки) и акцепт (протокол) содержат все существенные условия договора. Следовательно, исходя из общих правил ГК об оферте и акцепте подписание единого документа — договора — не является обязательным, так как договор уже считается заключенным в надлежащей форме. Кроме того, уклонение от заключения (подписания) государственного или муниципального контракта влечет в силу Закона о размещении заказов специфическую ответственность для побе-

дителя в запросе котировок: внесение в реестр недобросовестных поставщиков. Очевидно, что даже при применении норм Закона о размещении заказов по аналогии для коммерческих закупок подобные последствия неприменимы в случаях использования запроса котировок для заключения договора между коммерческими юридическими лицами.

Второй вариант понимания правовой природы запроса котировок исходит из более сложной правовой природы документов, используемых для осуществления запроса котировок. Извещение о проведении запроса котировок предлагается осознавать как публичную оферту непоименованного договора — договора о запросе котировок, а котировочная заявка рассматривается как акцепт договора о запросе котировок. В силу данного договора одна сторона — заказчик обязуется в случаях, указанных в запросе котировок, направить оферту другой стороне — участнику размещения заказа о заключении договора (в случае государственного или муниципального заказа — контракта) на условиях, указанных в извещении о запросе котировок, и по цене, предложенной участником размещения заказа в котировочной заявке, а участник размещения заказа обязуется акцептировать такую оферту и подписать договор (контракт). При этом в случае размещения государственного или муниципального заказа условия, при которых заказчик обязан направить оферту (предложение участником размещения заказа наименьшей цены, соответствие его установленным требованиям), устанавливаются Законом о размещении заказов (на который ссылается извещение), а в случае коммерческих закупок подобные условия определяются в извещении о запросе котировок.

Протокол рассмотрения и оценки котировочных заявок вместе с подписанным заказчиком договором (контрактом) в такой схеме рассматривается как оферта договора, обязательного для заключения для участника размещения заказа (в полном соответствии со ст. 454 ГК), а подписание договора (контракта) участником размещения заказа является акцептом этой оферты. При этом уклонение от подписания договора (контракта) является уклонением от заключения договора, который сторона обязана заключить, а, следовательно, регулируется нормами ст. 454 ГК либо нормами специального закона.

Безусловно, выделение договора, названного нами «договор о запросе котировок», может вызвать целый ряд вопросов о правовой характеристике данного договора. Однако простой анализ показывает, что данный договор, с одной стороны, соответствует определению договора

ст. 420 ГК, а с другой — позволяет применять к запросу котировок без каких-либо изъятий общие положения о сделках, о договоре, о порядке заключения договора, что, без сомнений, удобно для правоприменительной практики.

Таким образом, из двух предложенных в настоящей статье схем правовой квалификации запроса котировок первая является более простой для использования в коммерческих закупках и не требует подписания итогового единого документа — договора, а вторая в большей степени увязывает нормы Закона о размещении заказов с нормами ГК и позволяет применять в коммерческих закупках данную форму заключения договора без применения по аналогии норм законодательства о размещении заказа. У каждой из них есть свои преимущества и недостатки в размещении государственных и муниципальных

заказов. На сегодняшний день реализуется, по нашему мнению, вторая схема, однако это не может помешать практике пойти по пути применения первой схемы для коммерческих закупок. Данные схемы могут реализовываться и параллельно, тогда каждый конкретный запрос котировок будет интерпретироваться в зависимости от наличия проекта договора и иных конкретных обстоятельств.

В любом случае запрос котировок как способ установления договорных отношений между сторонами представляется допустимым в рамках норм действующего гражданского законодательства и научных представлений о заключении договоров, причем не только для случаев, прямо предусмотренных законом (заключение государственных или муниципальных контрактов), но и для осуществления коммерческих закупок.

1. См.: СЗ РФ. 2005. № 30 (Ч. 1). Ст. 3105.

2. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. См.: Кузнецов К. В. Настольная книга поставщика и закупщика: торги, конкурсы, тендеры. М., 2003.

4. См.: Бурдаева Е. С. Коммерческие закупки: взгляд изнутри. СПб., 2003.

5. Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. М., 2008. С. 131.

6. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование / Л. В. Андреева. М., 2009. С. 137.

7. См.: Кузнецов К. В. Основные проблемы размещения заказа способом запроса котировок // Государственные и муниципальные закупки-2008 : сб. докладов III Всерос. практ. конф.-семинара. М. : ИД «Юриспруденция», 2008.

8. См., напр.: McKendrick E. Contract Law. Oxford, 2005.

9. См., напр.: Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательствах. М., 1996.

10. См.: Кукла М. Е. Заключение договора на торгах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

11. См.: Турсунова Ю. С. Торги как способ заключения договора : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

12. Кучер А. И. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М. : Статут, 2005. С. 303.

13. Там же. С. 304.

14. См.: СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4015.

15. См.: Настольная книга госзаказчика / под ред. А. А. Храпкина. 4-е изд. М., 2008.



УДК 349.422.2

Н. Н. Тютерева
N. N. Tyutereva

Соотношение понятий «крестьянское хозяйство» и «фермерское хозяйство»

Correlation of Concepts “Peasant Household” and “Farming”

В статье исследуются подходы ученых и специалистов к решению данной проблемы, анализируются понятие, признаки, виды фермерского хозяйства в зарубежных странах, понятие и признаки крестьянского хозяйства в России и зарубежных странах.

В статье делается вывод, что правовое регулирование деятельности крестьянских хозяйств должно иметь определенную специфику в сравнении с правовым регулированием иных фермерских хозяйств, а также предлагается внести изменения в название и терминологию законодательства, заменив термины «крестьянское (фермерское) хозяйство», «фермерское хозяйство» на термин «крестьянское хозяйство».

Крестьянское хозяйство; фермерское хозяйство; субъекты аграрного права; признаки крестьянского хозяйства; сущность крестьянского хозяйства; семейные хозяйства; понятие крестьянского хозяйства; аграрная реформа

The article examines the approaches of scientists and specialists to the solving of given problem, analyses concepts, signs, kinds of farming in foreign countries, concepts and signs of peasant household in Russia and foreign countries.

The conclusion is made in the article that legal regulation of peasant household activity should have a certain specific character in comparison with legal regulation of other farming and also it is offered to make some changes into the name and terminology of the law of Russian Federation №74 by changing the terms “peasant (farming) household”, “farming” to the term “peasant household”.

Farm; peasant economy; farm; subjects of agrarian law; farm indication; farm essence; Family farms; Concept of a farm; Agrarian reform

Ключом к анализу сущности крестьянского хозяйства является определение понятий «крестьянское хозяйство» и «фермерское хозяйство», а также уяснение соотношения данных понятий.

Вопрос о содержании понятий «крестьянин», «крестьянское хозяйство», «фермер», «фермерское хозяйство», «крестьянское (фермерское) хозяйство» в науке аграрного права является дискуссионным.

В юридической науке термин «крестьянское хозяйство» понимается в широком и узком смыслах. Первая группа ученых (например, М. Еремеев [1],

О. А. Лаврушина [2]), трактуется «крестьянское хозяйство» в широком смысле, считает таковым всякое хозяйство, для которого земледелие является основным источником деятельности.

А. А. Леонтьев понимал термин «крестьяне» как определенное сословие, объединенное в своих правах и обязанностях и складывающееся вплоть до второй половины XIX в. с учетом проводимой государством политики [3].

Вторая группа ученых занимает некоторую промежуточную позицию. Так, например, Л. П. Чумакова, анализируя термин «крестьян-

ское хозяйство», делает вывод о возможности использования его в узком и широком смысле в зависимости от типа хозяйства. В узком смысле под ним она подразумевает семейно-трудовое единоличное и личное подсобное хозяйство крестьян, т. е. индивидуальную форму организации сельскохозяйственного производства. Крестьянское хозяйство в широком смысле охватывает как индивидуальное, так и коллективное хозяйство, в том числе колхозы [4].

Указанная позиция представляется ошибочной, поскольку крестьянские (семейно-трудовые) хозяйства — это особый субъект аграрного права, отличный от коллективных хозяйств.

Наиболее обоснованной представляется позиция русских экономистов-аграрников, понимающих «крестьянское хозяйство» исключительно в узком смысле как семейно-трудовое объединение граждан. В данном значении крестьянское хозяйство четко выделяется в качестве субъекта аграрного права среди иных форм хозяйствования, например сельскохозяйственных кооперативов.

Отсутствует в науке и единый подход к вопросу о соотношении понятий «крестьянское хозяйство» и «фермерское хозяйство», а также о значении термина «крестьянское (фермерское) хозяйство», закрепленного в действующем законодательстве РФ.

Первая группа ученых понимает указанные термины как синонимы, отстаивает необходимость сохранения единого термина «крестьянское (фермерское) хозяйство» в действующем законодательстве. В частности, В. В. Устюкова отстаивает позицию о том, что термины «крестьянское хозяйство» и «фермерское хозяйство» являются синонимами, данная терминология уже устоялась [5]. Сходную позицию занимают Н. Н. Мельников [6], Г. В. Чубуков [7].

Другая группа ученых разграничивает указанные понятия, противопоставляя трудовое крестьянское хозяйство капиталистическому фермерскому хозяйству. Данную позицию прежде всего занимают экономисты-аграрники. Так, А. В. Чайнов противопоставлял семейное трудовое крестьянское хозяйство фермерскому хозяйству, под которым он понимал хозяйство полутрудовое, капиталистическое, где наряду с рабочей силой используется наемный труд или привлекается как база для получения нетрудовых доходов [8]. С. Каранец разделяет понятия «крестьянское хозяйство» и «фермерское хозяйство», утверждая, что фермерское хозяйство и крестьянское подворье различаются по непосредственным производственным целям, специализациям, способам ведения деятельности (ис-

пользование в фермерских хозяйствах наемного труда), а также правовому режиму на земле [9]. По мнению О. А. Лаврушиной, крестьянское хозяйство — это хозяйство, основной целью которого является удовлетворение потребностей крестьянской семьи, оно имеет относительно невысокий уровень развития производительных сил, небольшие размеры производства и товарности продукции, определенные уровнем потребности семьи, количеством трудоспособных членов семьи, производительностью и интенсивностью их работы. Основной чертой крестьянского хозяйства является его трудопотребительский характер. Фермерское хозяйство — это экономически и юридически самостоятельное хозяйство, созданное отдельным гражданином (семьей, группой лиц), осуществляющее на принципах коммерческого расчета товарное производство, переработку, реализацию и использование продукции сельского хозяйства на основе собственного капитала, земли, производственных фондов, собственности, а также наемной рабочей силы [10].

Отдельно в рамках подхода, разграничивающего «крестьянское хозяйство» и «фермерское хозяйство», следует выделить следующую позицию: фермерство — неизбежный результат внутренней эволюции крестьянства при господстве капиталистических отношений в обществе.

Такую позицию разделяют и экономисты-аграрники [11], и представители юридической науки (например, Е. А. Галиновская, Е. Ш. Рахметов, Г. Г. Файзуллин, Г. В. Чубуков).

Промежуточную позицию занимает Г. А. Волков, который признает различие содержания понятий «крестьянское хозяйство» и «фермерское хозяйство» в социально-экономическом плане, но признает их равенство с правовой точки зрения [12]. Указанная точка зрения представляется весьма спорной, поскольку различие в социально-экономическом плане предопределяет необходимость дифференцированного закрепления правового положения отдельных форм хозяйствования и в нормах законодательства.

Фермерское хозяйство — частное товарное сельскохозяйственное предприятие предпринимательского типа, ведущееся на собственной или арендованной земле. Цель ведения фермерского хозяйства — получение денежного дохода в форме прибыли. Оно возникло с развитием капитализма, с вовлечением сельского хозяйства в систему рыночных отношений. Фермер — предприниматель в земледелии [13]. Следует признать, что в указанном определении основной акцент делается на товарность фермерского хозяйства, на его капиталистическую сущность, вместе с тем

многообразии других существенных характеристик фермерства в не отражено.

Критику вызывают труды некоторых ученых-экономистов, разрабатывающих направления повышения экономической эффективности крестьянских хозяйств при том, что в их трудах отсутствует четкое определение природы крестьянских хозяйств, не прослеживается знание действующего законодательства о крестьянском хозяйстве. Так, например, в работе Е. А. Безверхой при классификации мелкотоварных форм хозяйствования на селе отмечается, что фермерское хозяйство является коммерческим, а крестьянское хозяйство — некоммерческим субъектом, стоимость товарной сельскохозяйственной продукции в фермерских хозяйствах составляет не менее 100 тыс. руб. и не менее 70 % от общей денежной выручки, в крестьянском хозяйстве — от 10 до 100 тыс. руб. в год [14]. Такие выводы ученого не основаны на действующем законодательстве.

Несколько удивительной представляется информация, представленная в книге В. А. Матусевич: «Слово “крестьянин”, которое употребляется у нас применительно как к колхозникам, так и к работникам совхозов, вызывает некоторое недоумение у американских фермеров. Как они считают, по смыслу оно характеризует значительно более низкую социальную ступень, чем слово “фермер”» [15]. Таким образом, получается, что слово «фермерское» в названии «крестьянское (фермерское) хозяйство» — дань моде, что термин «крестьянское хозяйство» звучит уже не современно и непривлекательно, указывает на более низкий социальный статус. Законодатель решил указанную проблему, добавив слово «фермерское» в название «крестьянское (фермерское) хозяйство». Такой подход абсурден, но, как представляется, не лишен практических оснований.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что основной довод ученых, отмечающих различие в понятиях «крестьянское хозяйство» и «фермерское хозяйство», заключается в том, что крестьянское хозяйство — это товарное традиционное хозяйство, фермерское хозяйство — это предпринимательское хозяйство, ориентированное на рынок. Следовательно, включение слова «фермерское» в наименование «крестьянское (фермерское) хозяйство» указывает на тенденцию, на ориентацию такого хозяйства на рынок.

Указанные доводы представляются спорными в связи с тем, что деятельность по ведению крестьянского хозяйства, согласно Федеральному закону от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [16], является пред-

принимательской, крестьянское хозяйство всегда ориентировано на рынок, имеет своей целью привлечение прибыли. В этой характеристике заключается не отличие, а сходство крестьянского и фермерского хозяйств.

Вместе с тем представляется, что рассматриваемые термины не синонимы: термин «фермерское хозяйство» является более широким, а крестьянское хозяйство — одна из разновидностей фермерских хозяйств. Для аргументации указанной позиции проанализируем понятие, признаки, виды ферм в зарубежных странах.

Под фермером в США понимают любого сельскохозяйственного производителя с валовым производством не менее 1 тыс. дол. в год [17]. Сельскохозяйственные предприятия (фермы) в США делятся на индивидуальные, партнерские и корпоративные (семейные и несемейные). Около 80 % фермерских корпораций являются семейными.

Следует обратить внимание на то, что на фермерских хозяйствах США допускается использование наемного труда: удельный вес семейных работников фермерских хозяйств составляет около 70 %, а наемных — примерно 30 %, в том числе работников по обслуживанию сельскохозяйственного производства (торговля и управление) — 9 %. Фермы обладают общей правосубъектностью [18].

В Японии также выделяются фермы, где сельскохозяйственная деятельность преобладает, их называют чисто крестьянскими. Вторую группу составляют фермы, где наряду с фермерской имеется и подсобная деятельность. Наконец, к третьей группе относят фермы, где сельское хозяйство является подсобной деятельностью [19].

В странах ЕС отнесение субъектов к фермерским хозяйствам и классификация ферм осуществляется по объему валовой маржи, под которой понимают стоимость валовой продукции за минусом затрат ресурсов на ее производство. Указанный критерий позволяет нивелировать межстрановые различия, а также различия в условиях ведения производства. Соответственно, по указанному критерию фермы подразделяют на крупные, средние и мелкие [20].

Примерно половину затрат труда в сельском хозяйстве стран ЕЭС обеспечивают сами фермеры, 30—40 % — члены их семьи, а остальную часть — наемные работники.

Таким образом, можно заключить, что «фермерское хозяйство» — весьма широкое и емкое понятие. Оно включает в себя как крупные, так и мелкие, семейные и несемейные, индивидуальные и корпоративные хозяйства, основанные на личном трудовом участии его членов

или использующие исключительно наемный труд, специализирующиеся на сельскохозяйственном производстве или занимающиеся иными видами деятельности.

Анализ истории развития законодательства о крестьянском хозяйстве позволяет выделить следующие отличительные признаки крестьянского хозяйства (крестьянского двора):

- 1) крестьянское хозяйство — это объединение граждан, являющихся членами одной семьи;
- 2) деятельность крестьянского хозяйства осуществляется собственными силами крестьянской семьи.

Указанные признаки крестьянского хозяйства — крестьянского двора — традиционно сложились в результате его исторического развития. Крестьянское хозяйство является сельскохозяйственным товаропроизводителем и всегда обладает специальной правосубъектностью.

Следовательно, фермерские хозяйства могут создаваться как на семейной, так и на не семейной основе, а крестьянское хозяйство создается исключительно на семейной основе. Фермерские хозяйства могут быть основаны и на труде его членов, и на труде наемных работников без каких-либо ограничений; крестьянское хозяйство основывается на труде членов крестьянской семьи. Фермерские хозяйства могут обладать как общей, так и специальной правосубъ-

ектностью; крестьянское хозяйство обладает специальной правосубъектностью. Таким образом, фермерские хозяйства отличаются большим разнообразием. Крестьянское хозяйство — одна из разновидностей фермерских хозяйств, специфика которого заключается именно в том, что это исключительно семейно-трудовое объединение граждан, созданное для ведения сельскохозяйственного производства. При этом можно провести аналогию крестьянского хозяйства с семейными фермами, а также обратить внимание, что именно семейные фермы имеют преимущества при государственной поддержке и преобладают в сельском хозяйстве США. Крестьянским хозяйствам России следует развиваться с учетом достижений и опыта зарубежных стран.

Таким образом, правовое регулирование деятельности крестьянских хозяйств должно иметь определенную специфику в отличие от правового регулирования деятельности иных фермерских хозяйств, употребление термина «крестьянское (фермерское) хозяйство» является юридически некорректным и противоречит сущности крестьянского хозяйства. Предлагаем внести коррективы в название и терминологию Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», заменив термины «крестьянское (фермерское) хозяйство»: заменить термин «фермерское хозяйство» на термин «крестьянское хозяйство».

1. См.: Еремеев М. Определение понятия «трудовое крестьянское хозяйство» // *Еженедельник советской юстиции*. 1927. № 21.
2. См.: Лаврушина О. А. К вопросу об определении понятия «крестьянское фермерское хозяйство» // *Ученые записки*. Волгоград : Изд-во Волгоград. ин-та экон., социол. и права, 2005. Вып. 6.
3. См.: Леонтьев А. А. *Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах*. СПб. : Тип. т-ва «Труд», 1909.
4. См.: Чумакова Л. П. *Основные теоретические проблемы крестьянских (фермерских) хозяйств (цивилистический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук*. Томск, 1993.
5. См.: Устюкова В. В. *Правовое положение крестьянского (фермерского) и личного подсобного хозяйства в условиях аграрной реформы*. М., 2000.
6. См.: Мельников Н. Н. *Правосубъектность крестьянского (фермерского) хозяйства : дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2002.
7. См.: Чубуков Г. В. *Фермерам отвечает юрист*. М., 1994.
8. См.: Чайнов А. В. *Крестьянское хозяйство : избр. тр.* М., 1989; Сазонов С. *Трудовое крестьянское и предпринимательское фермерское хозяйства* // *Международ. сельскохозяйственный журнал*. 1996. № 6.
9. См.: Каранец С. *Фермерское хозяйство как форма частного предпринимательства* // *АПК: экономика и управление*. 1998. № 9.
10. См.: Лаврушина О. А. Указ. соч. С. 315—316.
11. См.: Казакбаев Р. Х. *Развитие фермерского уклада в крестьянском хозяйстве современного села*. Уфа, 2000.
12. См.: Волков Г. А. *Крестьянское хозяйство как субъект земельных правоотношений (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук*. М., 1993.
13. *Большая советская энциклопедия* // *Рубрикон : сайт*. URL: http://www.rubricon.com/bse_1.asp (дата обращения: 29.11.2009).
14. См.: Безверхая Е. А. *Анализ эффективности крестьянских (фермерских) хозяйств : монография*. Омск : Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2005.
15. Матусевич В. А. *Фермерство и сельскохозяйственная кооперация в США*. М. : Знание, 1991.
16. См.: *СЗ РФ*. 2003. № 24. Ст. 2249.
17. См.: Попова О. В., Садков В. Г. *Теоретические основы и методы регулирования АПК: зарубежные модели и их адаптация к условиям России*. М., 2007.
18. См.: Там же.
19. См.: Смирнов В. Д. *Фермерство в России — что это такое?* Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2003.
20. См.: Попова О. В., Садков В. Г. Указ. соч.



УДК 346.546

М. В. Цветкова
M.V. Tsvetkova

Соотношение недобросовестной конкуренции и злоупотребления правом

Correlation of Unfair Competition and Abuse of Rights

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу понятий «недобросовестная конкуренция» и «злоупотребление правом». На основе выявленных различий сделан вывод о самостоятельности указанных правовых феноменов.

An article is dedicated to comparative analysis of legal conceptions of “unfair competition” and “abuse of rights”. On the basis of revealed differences is drawn a conclusion about independence of mentioned legal phenomenons.

Недобросовестный; конкуренция; злоупотребление; право; гражданско-правовой; предел; субъективный; предпринимательский; действие; добросовестность

Unfair; competition; abuse; right; civil law; limit; subjective; enterprising; action; conscientiousness

Конституция гарантирует поддержку конкуренции и устанавливает запрет на осуществление экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 1 ст. 8, ч. 2 ст. 34 Конституции [1]). Реализация данных конституционных норм предполагает применение мер правового регулирования в сфере конкурентных отношений, которые носят комплексный характер.

Конституция определяет публично-правовые начала регулирования конкурентных отношений. Нормы публичного права (административного, уголовного) регулируют отношения властных структур и хозяйствующих субъектов и направлены на защиту интересов государства и общества. Частное право, в том числе гражданско-правовые нормы, является основой регулирования отношений равноправных участников рынка. Конкурентные отношения являются прежде всего сферой гражданско-правового воздействия, та-

кие гражданско-правовые институты, как возмещение убытков, компенсация морального вреда в большей степени, чем административные способы, способствуют восстановлению справедливого равновесия интересов участников рыночных отношений и обеспечивают надлежащее осуществление их прав.

В юридической литературе часто обсуждаются вопросы конкурентного права с позиции как публичного, так и частного права, однако однозначного представления о правовой природе недобросовестной конкуренции с точки зрения гражданского права не сформировано.

Некоторые цивилисты считают, что «недобросовестная конкуренция представляет собой одну из форм злоупотребления правом, выражающуюся в противоправном поведении субъекта рыночных отношений, который посредством недозволенных законом или противоречащих обычаям делового оборота форм реализации своего

субъективного права создает помехи в осуществлении его конкурентами своих предпринимательских прав или наносит ущерб потребителям» [2], либо рассматривают злоупотребление в конкурентных отношениях как случай ненадлежащего осуществления гражданских прав и соотносят понятия «злоупотребление правом» и «защита от недобросовестной конкуренции» как общее и частное в рамках единого правового института [3].

Рассмотрим некоторые аспекты соотношения понятий «недобросовестная конкуренция» и «злоупотребление правом».

Статья 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [4] (далее — Закон о защите конкуренции) определяет недобросовестную конкуренцию как любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству РФ, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причиняют или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо наносят или могут нанести вред их деловой репутации.

Данное определение является основой для описания конкретных форм недобросовестной конкуренции. Статья 14 Закона о защите конкуренции приводит перечень действий хозяйствующих субъектов, квалифицируемых как акты недобросовестной конкуренции. В значительной степени перечисленные законодателем формы недобросовестной конкуренции раскрывают содержание общего определения и устанавливают практику его применения. Также п. 2 ст. 14 Закона о защите конкуренции устанавливается, что не допускается недобросовестная конкуренция, связанная с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, продукции, работ или услуг.

Анализируя положения Закона о защите конкуренции, можно выделить основные черты, присущие недобросовестной конкуренции:

- субъектами недобросовестной конкуренции являются лица, участвующие в предпринимательской деятельности, в частности российские и иностранные коммерческие организации и их объединения, некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, приносящую доход, а также индивидуальные предприниматели;

- объективная сторона недобросовестной конкуренции проявляется в форме действия, активного поведения хозяйствующего субъекта; соответственно, бездействие по российскому зако-

нодательству не относится к недобросовестной конкуренции;

- данные действия противоречат законодательству РФ, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости; более того, нарушаемые нормы не должны в обязательном порядке быть нормами конкурентного права;

- целью недобросовестной конкуренции является получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности путем использования недозволенных и нечестных приемов. Отметим, что само по себе получение преимуществ не запрещено законом и является основой конкуренции;

- наличие убытков или возможность их причинения другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесение или возможность причинения вреда их деловой репутации. Этот признак носит факультативный характер, поскольку для пресечения такой конкуренции фактически причиненный вред не обязателен, он важен только в том случае, когда конкурент требует возмещения убытков. Убытки конкурента могут выражаться, как правило, в потере или уменьшении прибыли за счет недобросовестных действий, направленных на отвлечение клиентуры;

- при установлении недобросовестной конкуренции необходимо учитывать наличие на соответствующем рынке конкуренции, т. е. соперничества хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

Недобросовестная конкуренция представляет собой один из возможных вариантов неправомерных действий, при этом принимается во внимание не только нарушение законодательства, но и норм нравственного характера — добропорядочности, разумности, справедливости, а также обычаев делового оборота. Существует точка зрения, что из правовой конструкции недобросовестной конкуренции необходимо исключить категории добросовестности, разумности и справедливости как неправомерные понятия, относящиеся к нормам морали и нравственности, что не позволяет использовать их в качестве оценочных в праве [5]. С такой позицией трудно согласиться, поскольку именно добросовестность ведения предпринимательской деятельности, а не строгая привязка к закону как единственному регулятору предпринимательских отношений, отвечает потребностям нормальных рыночных отношений.

Примечательно, что Закон о защите конкуренции использует понятие не добросовестности как в ГК, т. е. «требования добропорядочности» — честного поведения, соответствующего принятым правилам поведения и достойного одобрения. Представляется, что в данном случае указанные понятия выступают синонимами, ведущими свое происхождение от римской формулы «*bona fides*» — «добрая совесть». Так, К. Скловский считает, что в наиболее общем смысле понятие «добрая совесть» выражает исходную позицию лица, уважающего своего контрагента, видящего в нем равного себе [6]. Д. В. Дождев отмечает важный аспект концепции добросовестности: «Признание воли другого, уважение к автономии контрагента оказывается одной из форм выражения собственной автономии, заявления о социальной ценности собственной личности. Соблюдая установленные правила поведения, субъект обеспечивает действенность своего волеизъявления, защиту и прочность той или иной связи» [7]. Поэтому включение в состав охраняемых от посягательств недобросовестной конкуренции отношений, регулируемых не только нормами закона, но и предпринимательской этикой, нормами добропорядочности, разумности, справедливости, а также обычаями делового оборота, отвечает потребностям надлежащей защиты отношений в сфере предпринимательской деятельности.

Выделив основные черты недобросовестной конкуренции, обратимся к анализу понятия «злоупотребление правом».

Гражданский кодекс [8] закрепляет принцип недопустимости злоупотребления правом, суть которого заключается в том, что каждый осуществляет гражданские права своей волей и в своем интересе, но при этом не должен нарушать права и интересы других лиц. Статья 10 ГК определяет злоупотребление правом как действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, также не допускается злоупотребление правом в иных формах и использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Принцип недопустимости злоупотребления правом адресован всем участникам гражданских правоотношений — гражданам и юридическим лицам, в то время как недобросовестная конкуренция имеет четко очерченный субъектный состав. Объективная сторона злоупотребления правом может быть выражена не только действием, но и в иных формах.

Правовым последствием злоупотребления правом является право суда отказать лицу в защите принадлежащего ему права. При этом ст. 10 ГК закреплен один из важнейших принципов гражданского права — презумпция разумности действий и добросовестности участников гражданских правоотношений в тех случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно. Добросовестность хозяйствующего субъекта выражается не только в правомерности поведения, поскольку злоупотребление правом имеет место в рамках предоставленного права, а именно в намерении, добросовестной направленности осуществления гражданских прав.

Злоупотребление правом как недобросовестное осуществление субъективного гражданского права представляет собой нарушение управомоченным лицом установленных пределов осуществления права, в то время как недобросовестная конкуренция запрещена как общий тип поведения. Запрет на недобросовестную конкуренцию, установленный государством и поддерживаемый правовыми методами, является прежде всего инструментом поддержания разумного равновесия между интересами отдельного хозяйствующего субъекта и иных участников рыночных отношений.

Существует две диаметрально противоположные точки зрения о том, является ли участие в конкурентных отношениях использованием субъективных прав. Некоторые исследователи полагают, что само по себе участие в рыночной конкуренции не может трактоваться как использование каких-то особых гражданских прав, «в этих случаях речь идет о соблюдении особого правового режима предпринимательской деятельности, установленного государством в интересах ее стимулирования и охраны прав потребителей» [9]. Таким образом, считаем, что «российское право, запрещая недобросовестную конкуренцию, полностью выводит эти действия из сферы субъективного права. На совершение недобросовестной конкуренции никто не имеет даже “формального” права» [10]. С другой стороны, право конкурента может быть рассмотрено прежде всего как субъективное гражданское право на свободу конкуренции, защищаемой от негативных последствий монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции [11].

Ведение предпринимательской деятельности нечестными методами затрагивает целый комплекс субъективных гражданских прав конкурентов, а также нарушает публичные интересы, поэтому круг отношений, связанных с негативными

последствиями недобросовестной конкуренции, выходит за пределы нарушения только лишь субъективного гражданского права.

Отметим также, что ст. 10 ГК не содержит прямого указания на то, что недобросовестная конкуренция является злоупотреблением правом, но при этом говорит об использовании гражданских прав в целях ограничения конкуренции. Таким образом, нет оснований однозначно утверждать, что законодатель в ст. 10 ГК имел в виду недобросовестную конкуренцию. Более того, целью недобросовестной конкуренции является приобретение необоснованных преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности недопустимыми способами и методами, а не ограничение конкуренции.

В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК разновидностью злоупотребления правом является шикана, т. е. действия, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу. В отличие от злоупотребления правом причинение вреда является факультативным признаком для квалификации недобросовестной конкуренции. Недобросовестное поведение конкурента имеет своей целью получение собственных преимуществ, но без намерения причинить кому-либо вред.

Еще одно важное отличие состоит в том, что признание или отсутствие факта злоупотребления правом отнесено к компетенции суда, и единственным правовым последствием, установленным ГК, является отказ в судебной защите пра-

ва, в то время как предупреждение и пресечение недобросовестной конкуренции осуществляется, главным образом, антимонопольным органом, и ведение недобросовестной конкуренции влечет применение мер ответственности. Общие положения гражданского законодательства о возмещении убытков и последствиях причинения вреда позволяют пресечь недобросовестные действия и компенсировать их последствия.

Таким образом, можно сделать вывод, что недобросовестная конкуренция и злоупотребление правом являются самостоятельными правовыми феноменами. Недобросовестная конкуренция квалифицируется на основании специальных норм конкурентного законодательства, и запреты на совершение недобросовестных действий, перечисленных в ст. 14 Закона о защите конкуренции, не следует относить к злоупотреблению правом. Однако недобросовестное поведение участников рыночных отношений не всегда сводится к недобросовестной конкуренции. Так, определение недобросовестной конкуренции не может использоваться для борьбы с недобросовестной предпринимательской практикой в тех случаях, когда невозможно доказать, что создание препятствий конкуренту означает получение преимуществ. Поэтому ст. 10 ГК, являясь общей нормой гражданского права, может применяться в отношении тех недобросовестных действий, которые прямо не указаны в Законе о защите конкуренции.

1. См.: Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

2. Королев А. Н., Плешакова О. В. Комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный). М. : Юстицинформ, 2007.

3. См.: Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М. : Волтерс Клувер, 2007.

4. См.: РФ. 2006. 27 июля.

5. См.: Зарипова Т. Ю. Федеральный закон «О защите конкуренции»: вопросы регламентации рынка финансовых услуг // Современное право. 2007. № 3.

6. См.: Скловский К. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9. С. 79.

7. Дождев Д. В. Добросовестность (*bona fides*) как правовой принцип // Политико-правовые ценности и современность / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 2000. С. 96—97.

8. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

9. Садилов О. Н. Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России // Хозяйство и право. 2002. № 2. С. 43.

10. Бадмаев Б. Г. Правовое содержание недобросовестной конкуренции // Юрист. 2004. № 1. С. 16.

11. См.: Еременко В. И. Теоретические аспекты российского конкурентного права // Государство и право. 2002. № 2. С. 28—35.



УДК 347.133.7

Е. Л. Скобликова
E. L. Skoblikova

Сделки как основания возникновения, изменения и прекращения семейных прав и обязанностей

TransActions as the Bases of Appearance, Modification and Termination of Family Rights and Responsibilities

В правовом регулировании возникновения семейных прав и обязанностей на основе сделок имеются некоторые противоречия и двусмысленности, во избежание которых ст. 4 СК целесообразно было бы дополнить указанием на возможность применения норм гражданского законодательства к семейным отношениям в случаях, предусмотренных законом, а ст. 153 ГК — на возможность порождения сделками не только гражданских, но и семейных прав и обязанностей. Также возможно распространить термин «сделка» на соглашения, которые заключают члены семьи, указав на это в СК, и ввести в правовой оборот понятия «гражданско-правовая сделка» и «семейно-правовая сделка».

Сделки; семейные права и обязанности; семейные отношения; соотношение норм семейного и гражданского права; имущественные правоотношения; супруг-должник; согласие супруга на совершение сделки; брачный договор; соглашение членов семьи об уплате алиментов; совместная собственность супругов; гражданско-правовые сделки; семейно-правовые сделки; соглашение родителей; гражданские права и обязанности; презумпция наличия согласия супруга

In the legal regulation of family rights and responsibilities on the basis of transactions, there are some contradictions and ambiguities, to avoid that article 4 of the Family Code has been useful to supplement the reference to the possibility of applying the rules of civil law to family relationships in the cases stipulated by law, and art. 153 Civil Code — to the possibility of producing the transaction is not only civil, but also family rights and responsibilities. Also, it seems appropriate to extend the term “business” in the agreements concluded by family members, indicating that in the Family Code to enter into legal turnover notion “civil legal transaction” and “family legal transaction”.

Transactions; family rights and responsibilities; family relationships; the ratio of the norms of family and civil law; property relationship; spouse — the debtor; spousal consent to the transaction; marriage contract; the agreement of family members of alimony; joint property of spouses; civil law transactions; family and legal transactions; agreement of parents; civil rights and obligations; presumption of consent by the spouse

Проблематика соотношения сделок и семейных прав и обязанностей является весьма непростой. Представляется, что такая сложность во многом обусловила наличие некоторых пробелов и противоречий в правовом регулировании возникновения семейных прав и обязанностей на основе сделок, которые, в свою очередь, данную проблему обострили. Первое противоречие за-

ключается в том, что легальное определение сделок исключает порождение ими иных, кроме гражданских, прав и обязанностей сторон: в соответствии со ст. 153 ГК [1] сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В российском же правоведении, как уже отмечалось, давно

доминирует точка зрения о том, что семейное право является самостоятельной правовой отраслью. Исходя из этого и руководствуясь элементарными требованиями формальной логики, можно сделать лишь один вывод: сделки не могут порождать семейных прав и обязанностей, как и любых иных отраслевых, кроме гражданских. Между тем и законодательство, и практика свидетельствуют о возможности возникновения семейных прав и обязанностей на основе гражданско-правовых сделок.

Семейный кодекс [2] допускает применение гражданского законодательства лишь к тем семейным отношениям, которые не урегулированы семейным законодательством, поскольку это не противоречит существу семейных отношений (ст. 4 СК). Однако такое применение осуществляется также в случаях, прямо предусмотренных СК. Причем эти конкретные нормы меняют картину соотношения норм семейного и гражданского права кардинальным образом: если приведенные общие нормы ГК и СК создают представление о весьма ограниченном взаимопроникновении норм гражданского и семейного права, то анализ конкретных норм этих двух правовых отраслей позволяет констатировать, что такое взаимопроникновение имеет широчайшие масштабы. Например, можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство сделок, совершаемых одним из супругов, влияет на семейные супружеские имущественные правоотношения. Такое влияние заключается в необходимости согласия второго супруга на совершение сделки по распоряжению общим имуществом; возможности выдела доли имущества супруга-должника в общем имуществе супругов для обращения на нее взыскания; возможности применения солидарной ответственности супругов по обязательствам одного из них их общим имуществом или даже имуществом каждого из них; возможности принудительного изменения или расторжения брачного договора по требованию кредитора одного из супругов.

По этому поводу в современной российской правовой литературе справедливо отмечалось, что действующее законодательство допускает значительно большие возможности применения гражданско-правового инструментария при регулировании семейных отношений, чем прежде социалистическое. Это объясняется несколькими причинами, связанными с изменением в нашей стране модели социальной организации. В частности, в условиях рыночных отношений имущество членов семьи, как правило, стало включать не только предметы потребления, как это преиму-

ущественно имело место в социалистический период развития нашей страны, но и недвижимость, в том числе земельные участки и производственные комплексы, ценные бумаги, доли в капитале и т. д. [3]. Все это потребовало более активного использования в семейном праве принципов и норм гражданского права, главным элементом предмета которого выступают именно имущественные отношения. Кроме того, активизация использования норм гражданского права в праве семейном объясняется расширением сферы характерного опять же прежде всего для гражданского права договорного регулирования семейных отношений в принципе, что, в свою очередь, явилось следствием демократизации общества и уменьшением зависимости человека от государства, повышением степени свободы его усмотрения при решении вопросов его частной жизни по сравнению с той, какой она была в социалистический период. Именно зависимостью личности от государства профессор Е. А. Чевранова убедительно объясняет крайнюю ограниченность договорных начал социалистического семейного права: «Там, где нет частной собственности, а любое проявление самостоятельности и независимости личности от государства подавляется и искореняется, не остается места и режиму раздельности супружеского имущества, как нет места брачному договору — частному проявлению свободы усмотрения и выбора» [4].

С учетом изложенных обстоятельств представляется, что во избежание двусмысленности ст. 4 СК целесообразно было бы дополнить указанием на возможность применения норм гражданского законодательства к семейным отношениям в случаях, предусмотренных законом, а ст. 153 ГК — на возможность порождения сделками не только гражданских, но и семейных прав и обязанностей.

Исследование сделок как оснований семейных правоотношений предполагает, как представляется, поиск ответов на три наиболее важных вопроса. Во-первых, следует определить, являются ли сделками различные соглашения и односторонние волеизъявления, совершаемые физическими лицами как членами семьи. Во-вторых, это вопрос о праве и масштабах совершения гражданско-правовых сделок между членами семьи, а также их односторонних волеизъявлений в рамках семейных правоотношений. Наконец, в-третьих, это вопрос о том, как влияют на семейные права и обязанности классические гражданско-правовые сделки, заключаемые субъектами семейного права с третьими лицами.

Существование первого блока проблем является следствием того, что семейное законода-

тельство не использует термин «сделка». Между тем физические лица в качестве членов семьи ежедневно совершают какие-либо соглашения или выражают волеизъявление односторонне, причем нередко последние имеют юридическое значение. К числу наиболее важных специфических семейно-правовых соглашений относятся: брачный договор (гл. 8 СК); соглашение членов семьи об уплате алиментов (гл. 16 СК); соглашение родителей об имени ребенка (п. 2 ст. 58 СК); соглашение родителей о месте жительства детей при раздельном проживании родителей (п. 3 ст. 65 СК); соглашение родителей о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66 СК); соглашение супругов о разделе имущества (п. 2 ст. 38 СК). Как видно, все перечисленные соглашения заключаются между членами семьи. Однако один из видов соглашений семейно-правового характера заключается потенциальными членами семьи с третьими лицами — договор приемных родителей (супругов или отдельного гражданина) с органом опеки и попечительства о передаче ребенка (детей) на воспитание (ст. 151, 152 СК).

Существуют и односторонние волеизъявления физических лиц в семейном праве. Они осуществляются только в форме дачи согласия на совершение другими членами семьи тех или иных действий. Это согласие супруга на владение, пользование и распоряжение общим имуществом другим супругом, причем на совершение сделок по распоряжению недвижимостью и сделок, требующих нотариального удостоверения и (или) государственной регистрации, — согласие нотариально удостоверенное (ст. 35 СК); согласие ребенка, достигшего десяти лет, на изменение его имени и фамилии (ст. 59 СК), на восстановление в родительских правах его родителей (ст. 72 СК), на усыновление и передачу в приемную семью (ст. 132, 154 СК); согласие родителей и детей, проживающих совместно, на владение и пользование имуществом друг друга (п. 4 ст. 60 СК); согласие супругов по всем вопросам воспитания и образования детей (п. 2 ст. 65 СК); согласие родителей, опекунов (попечителей), приемных родителей, супруга усыновителя на усыновление ребенка (ст. 129, 131 и 133 СК); согласие законных представителей на совершение сделок несовершеннолетними от 14 до 18 лет (ст. 26 ГК).

Представляется, что все перечисленные соглашения и односторонние волеизъявления вполне можно считать сделками [5], так как они имеют волевой характер; налицо их целенаправленность на создание, изменение или прекращение имущественных и личных неимущественных прав

и обязанностей; по большей части к ним, в том числе относительно признания их недействительными, применяются нормы гражданского права; среди них имеются все виды действий (и бездействия), характерные для сделок (устные (в форме словесной договоренности, молчания и конклюдентных действий) и письменные (простой и нотариальной формы)); односторонние, а также двух- и многосторонние; возмездные и безвозмездные; консенсуальные и реальные, каузальные и абстрактные, основные и вспомогательные и т. д. Основания признания их недействительными можно подразделить на те же самые виды, что и основания недействительности классических сделок [6]. Однако у них имеются определенные особенности: субъектный состав таких сделок, их виды, цели, предмет, содержание, ориентация на общие начала семейного законодательства. К некоторым из них (например, к брачному договору), по мнению ряда авторов, не могут применяться нормы гражданского законодательства о понуждении к исполнению договорных обязательств [7]. Они непременно порождают, изменяют и прекращают семейные права и обязанности, хотя также могут обуславливать возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей гражданских, т. е., как и классические гражданско-правовые сделки, порождая, трансформируя и ликвидируя в основном гражданские права и обязанности, могут привести к возникновению, изменению или прекращению прав и обязанностей семейных. Например, дача согласия супругом на распоряжение общим имуществом, осуществляемое другим супругом, может привести к прекращению совместной собственности супругов на часть их общего имущества (область семейных правоотношений) и в то же время может предоставить другому супругу право совершать сделки по отчуждению имущества (например, его куплю-продажу (область гражданских правоотношений)).

С учетом отмеченных реалий и с целью их адекватного отражения в законодательстве, а также наилучшего понимания юридической природы соглашений и односторонних волеизъявлений членов семьи представляется оправданным включить в правовой оборот понятия «гражданско-правовые сделки» и «семейно-правовые сделки», причем с указанием на то, что обе эти разновидности сделок могут порождать, изменять и прекращать как гражданские, так и семейные правоотношения. Естественно, первый из предложенных терминов следует использовать преимущественно в гражданском законодательстве, а второй — в семейном. Есть и другая возможность корректировки законодательства с целью

признания права на существование сделок физических лиц как членов семьи. Она заключается в том, что наряду с предложенным выше изменением редакции ст. 153 ГК целесообразно было бы включить в СК понятие сделки, обозначив им вышеперечисленные соглашения и волеизъявления физических лиц как членов семьи, а также каталог (разумеется, открытый) их важнейших разновидностей. Однако первый подход, разграничивающий гражданско-правовые и семейно-правовые сделки, представляется более предпочтительным, поскольку сделки в рамках семейных правоотношений, как уже отмечалось, обладают (по сравнению с классическими) значительным своеобразием. Поэтому, как справедливо указано в российской правовой доктрине, механический перенос устройств гражданского законодательства о сделках в сферу договорного регулирования супружеских имущественных отношений недопустим [8]. Между тем такая опасность существует, поскольку ряд российских цивилистов не признает самостоятельной семейно-правовой природы договора, считая его гражданско-правовым и предлагая распространять на него все правила, предусмотренные гражданским законодательством [9].

Следует отметить, что в юридической доктрине признание соглашений и односторонних волеизъявлений семейно-правового характера сделками получило широкое распространение [10]. Например, Н. Ф. Звенигородская считает, что возрождение и становление в России института частной собственности, развитие гражданского оборота привели к тому, что проблема заключения супругами сделок, в том числе брачных договоров, и признания их недействительными приобрела в настоящее время особую актуальность [11]. Однако имеются и другие позиции. Так, Е. П. Титаренко обозначил, что соглашения в семейном праве не являются регулятором семейных отношений, потому что они определяют порядок и способы исполнения членом семьи уже существующей обязанности и не выступают в качестве юридического факта [12]. В целом же следует согласиться с Н. Н. Тарусиной в том, что «теория семейно-правового договора находится пока в зародышевом состоянии» [13].

Перечисленные выше семейно-правовые сделки следует отличать от иных оснований возникновения, изменения и прекращения семейных прав и обязанностей. Например, такие права и обязанности могут появиться, трансформироваться или исчезнуть на основании судебных решений (о расторжении брака судом или призна-

нии его недействительным, об усыновлении, о лишении или ограничении родительских прав, об установлении и признании отцовства и т. д.), а также решений иных органов государства, прежде всего — ЗАГС (заключение брака, его расторжение органом ЗАГС, установление им отцовства, а также изменение имени и фамилии ребенка до достижения им 14 лет). Следует отметить, что возникновение и прекращение семейных прав и обязанностей на основе решения органа ЗАГС трудно отличить от договоров. И все же анализ соответствующих положений СК дает основания полагать, что в основе семейных прав и обязанностей во всех только что перечисленных случаях лежит не соглашение (хотя как предварительный факт накопления юридического состава оно имело место), а акт органа государства. Действительно, во всех перечисленных случаях СК говорит не об удостоверении, например, брака органом ЗАГС, а о его заключении в данном органе. Специфические основания возникновения семейных прав и обязанностей во всех перечисленных случаях проистекают из того, что к ним, несмотря на то что они напоминают соглашения, нормы ГК о сделках неприменимы. На это обращалось внимание в современной цивилистической литературе [14]. То обстоятельство, что решения государственных органов как основания возникновения и прекращения брачных отношений, отцовства, изменения имени и фамилии ребенка напоминают соглашения, свидетельствует, по нашему мнению, о том, что такие решения уместно характеризовать как «квазисделки».

Нерешенным, в законодательстве и, соответственно, дискуссионным, обсуждаемым в юридической литературе является вопрос о круге классических гражданско-правовых сделок, которые вправе предпринимать члены семьи. Разумеется, такие сделки совершаются, причем весьма часто, и круг их достаточно широк. Это, например, дарение, поручение, выдача доверенности, заем и т. д. Обычно это безвозмездные сделки, что объясняется спецификой семейных доверительных некоммерческих по своей природе отношений [15]. Правомерность их совершения в большинстве случаев сомнению не подвергается. Споры в юридической литературе ведутся лишь относительно прав супругов по совершению гражданско-правовых сделок имущественного характера. Представляется, что возмездные и безвозмездные сделки между супругами могут быть осуществлены лишь в связи с распоряжением ими имуществом каждого из них [16]. Сделки между ними по распоряжению общим имуществом не имеют смысла, поскольку оно в любом случае бу-

дет являться объектом общей собственности супругов, так как приобретено в период брака. По этой причине С. О. Пастухова совершенно обоснованно считает такие сделки ничтожными [17]. Разумеется, имеются некоторые исключения (например, мелкие бытовые сделки, дарение вещей индивидуального пользования, приобретенных на общие средства). Впрочем, в юридической литературе высказываются и иные точки зрения [18].

Наличие у лица статуса члена семьи влияет на многие его аспекты как субъекта самых разнообразных отраслевых правоотношений. Однако имеет место и обратное влияние. Так, отбывание супругом наказания в виде лишения свободы свыше трех лет порождает право другого супруга расторгнуть брак без согласия осужденного супруга (ст. 17 СК). Впрочем, наиболее заметный отпечаток налагает на семейные правоотношения реализация членами семьи своих гражданских прав и обязанностей во взаимоотношениях с третьими лицами, особенно в форме совершения ими различных сделок.

Так, намерение члена семьи совершить сделку с третьим лицом порождает в целом ряде случаев его обязанность получить согласие иных членов (иного члена) семьи. Это прежде всего необходимость согласия супруга на сделки, совершаемые другим супругом по распоряжению общим имуществом, а также согласия законных представителей на совершение сделки несовершеннолетним ребенком от 14 до 18 лет. Отсутствие такого согласия может повлечь неблагоприятные последствия в виде признания сделки недействительной. Необходимость получения согласия в двух названных случаях обусловлена различными причинами. Так, при установлении необходимости получения согласия на сделки несовершеннолетних от 14 до 18 лет законодатель исходил из того, что у среднестатистического подростка незрелая психика и небольшой жизненный опыт, вследствие чего высокую степень риска приобретает дефектность воли, волеизъявления и т. п. Причина же необходимости получения согласия супруга на совершение другим супругом сделки по распоряжению их общим имуществом имеет совершенно иную природу. Она заключается в особом характере прав супругов на их общее имущество как собственников. Согласно совершенно точной терминологии профессора Е. А. Чефрановой право собственности каждого из них представляет собой ограниченное вещное право на их общее имущество [19], в рамках которого «права одного собственника ограничены правами другого собственника» [20].

Существенно влияет на семейные правоотношения неисполнение обязательства одним из супругов и применение к нему в связи с этим имущественной ответственности. Дело в том, что при реализации такой ответственности могут быть значительно затронуты имущественные права другого супруга. Регламентации данной проблематики посвящена гл. 9 СК. В соответствии с ее положениями по общему правилу по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга. При этом в случае недостаточности данного имущества кредитор вправе требовать выдела доли супруга-должника, которая причиталась бы супругу-должнику при разделе общего имущества супругов, для обращения на нее взыскания. Разумеется, даже данная возможность во многом затрагивает права другого супруга, ограничивая его имущественные права. Однако взыскание может быть обращено и на общее имущество супругов по их общим обязательствам.

При этом следует иметь в виду, что на совершение одним супругом большинства сделок по распоряжению общим имуществом супругов установлена законодательная презумпция наличия согласия супруга на совершение (данная презумпция не распространяется лишь на сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующие нотариального удостоверения и (или) государственной регистрации [21] или нотариального удостоверения согласия другого супруга). С учетом данной презумпции общими обязательствами супругов считаются и те, которые возникли из большинства сделок по распоряжению общим имуществом супругов, совершенных одним из них, пока судом не доказано отсутствие согласия второго супруга по требованию последнего. Поэтому представляется, что в принципе любой договор займа, заключенный одним супругом, считается по презумпции долгом обоих супругов, в связи с чем взыскание может быть обращено на их общее имущество.

Именно такую позицию занял Верховный Суд РФ по иску о взыскании долга по договору займа, направляя дело для рассмотрения по существу в суд надзорной инстанции. В определении Верховный Суд РФ указал на то, что при вынесении судебных актов допущены существенные нарушения норм материального права. Они заключались в том, в частности, что, возложив обязанности по уплате долга по договору займа лишь на одного из ответчиков, суд не учел положения СК об общем имуществе супругов [22].

Обращение взыскания на общее имущество супругов осуществляется также по обязательствам

одного из супругов, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи. Более того, в двух последних случаях при недостаточности общего имущества супруги несут по соответствующим обязательствам солидарную ответственность имуществом каждого из них.

Кроме того, взыскание может быть обращено на общее имущество супругов или на его часть, если приговором суда установлено, что общее имущество супругов было приобретено или увеличено за счет средств, полученных одним из супругов преступным путем (ст. 45 СК).

На семейные правоотношения оказывает также влияние установление законодателем некоторых иных гарантий прав кредиторов членов семьи. В частности, исходя из стремления упрочить такие гарантии (а тем самым укрепить га-

рантии законности и стабильности гражданского оборота), СК ограничивает свободу воли супругов при заключении, изменении и расторжении ими брачного договора. Супруг-должник обязан уведомлять своего кредитора (кредиторов) о заключении, изменении или расторжении брачного договора. При невыполнении этой обязанности супруг отвечает по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора. Более того, кредитор (кредиторы) супруга-должника вправе требовать изменения условий или даже расторжения заключенного между ними договора в связи с существенно изменившимися обстоятельствами (ст. 46 СК и ст. 451—453 ГК).

Итак, в основе возникновения, изменения или прекращения семейных прав и обязанностей могут лежать сделки как классические гражданско-правовые, так и семейно-правовые.

1. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

2. См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

3. См.: Чефранова Е. А. Имущественные отношения в российской семье. М.: Юрист, 1997.

4. Она же. Исторический аспект правового регулирования имущественных отношений супругов в российском праве // История государства и права. 2006. № 11. С. 52.

5. См.: Чашкова С. Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве // Семья и право (к 10-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации): материалы науч.-практ. конф. (Москва, 5—6 декабря 2005 г.): сборник / отв. ред. Л. Ю. Михеева. М., 2005.

6. См.: Бондов С. Н. Брачный договор: учеб. пособие для вузов. М., 2000.

7. См.: Бабкин С. А. Владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в общей совместной собственности супругов. М., 2004. С. 39.

8. См.: Звенигородская Н. Ф. Недействительность брачного договора: теория и практика // Мировой судья. 2008. № 12.

9. См.: Она же. Проблемы исполнения договоров, предусмотренных семейным законодательством // Закон. 2007. № 5; Данилин В. И., Реутов С. И. Юридические факты в семейном праве. Свердловск, 1989.

10. См.: Чашкова С. Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

11. См.: Звенигородская Н. Ф. Недействительность брачного договора: теория и практика.

12. См.: Титаренко Е. П. Понятие и характеристика соглашений в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2005. № 2.

13. Тарусина Н. Н. Семейное право: учеб. пособие. М., 2001. С. 16.

14. См.: Чефранова Е. А. Имущественные отношения в российской семье. С. 9.

15. См.: Она же. Порядок и условия совершения сделок между супругами // Нотариус. 2005. № 1. С. 15.

16. См.: Она же. Сделки, заключаемые между супругами // Юридический мир. 2003. № 12. С. 51.

17. См.: Пастухова С. О. Имущественные правоотношения супругов при совершении сделок с общим имуществом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 19.

18. См.: Синельникова Т. Ю. Имущественные отношения супругов как объект правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2007. № 3. С. 28.

19. См.: Чефранова Е. А. Ограниченные вещные права в составе общего имущества супругов // Семейное и жилищное право. 2007. № 2.

20. Титаренко Е. П. Содержание брачного договора // Нотариус. 2008. № 5. С. 16.

21. См.: Ламейкина Е. Ю. Особенности распоряжения супругами жилыми помещениями // Общество и право. 2008. № 1.

22. См.: Определение Верховного Суда РФ от 25.05.2004 по делу № 46-В04-15 // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Развитие бюджетного законодательства России в рамках правового регулирования стадии составления проекта бюджета

Budget Legislation of Russia Development Framed Legal Regulation of Budget Draft Drawing up Stage

Настоящая статья посвящена истории бюджетного законодательства в разрезе правового регулирования стадии составления проекта бюджета в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Автор акцентирует внимание на проблеме низкой законодательной регламентации процедур составления проекта бюджета. Данная ситуация не является новой для российского бюджетного права. Делается вывод о том, что на протяжении всей истории развития бюджетного права России можно отметить недостаточное регулирование законодательными актами составления проекта бюджета.

Бюджетное законодательство; составление проекта бюджета; проект бюджета; бюджетный процесс; государственная роспись доходов и расходов; государственный бюджет; бюджетное планирование

The present article is devoted to history of budget legislation framed legal regulation of budget draft drawing up stage in pre-revolutionary, soviet and post-soviet periods. The author pays attention to low legal regulation of budget draft drawing up procedures problem. This problem is not new for Russian budget law. The author resumes that during the whole history of Russian budget law development we make a note of insufficient regulation budget draft drawing up by acts of legislation.

Budget legislation; budget draft drawing up; budget draft; budget process; the state list of revenue and expenses; the state budget; budget planning

В настоящее время многими исследователями в области бюджетного процесса отмечается низкая законодательная регламентация процедур составления проекта бюджета. Однако данная проблема не является новой для российского бюджетного права. На протяжении всей истории развития бюджетного права России можно отметить недостаточное регулирование законодательными актами составления проекта бюджета.

До XIX в., как отмечает Н. А. Синицин, бюджетного права в современном его понимании не существовало [1], не было единых правил составления и исполнения бюджетов различных территорий. В России составление бюдже-

та началось с 1811 г. До этого создавались годовые сметы государственных доходов и расходов (с 1645 г.), которые составлялись и для отдельных территорий. При этом каких-либо правил формирования смет не существовало. С 1802 г. сметы составляли все министерства, причем бюджетные показатели не имели особых обоснований. Манифестом от 8 сентября 1802 г. об учреждении министерств на Министерство финансов возлагалась обязанность сведения всех смет в единую роспись доходов и расходов, которая затем рассматривалась в Комитете министров и направлялась царю на утверждение.

В 1811 г. был принят закон об общем учреждении министерств, во второй части которого содержалось положение, согласно которому министерства не позднее 15 ноября должны были представлять Министерству финансов свои сметы, составленные по единообразным правилам. Министерство финансов сводило все представленные сметы в единую роспись доходов и расходов и направляло в Государственный совет. При этом, как отмечает Н. А. Сеницин, в государственной росписи указывалась только общая сумма доходов и расходов каждого ведомства. Распределение расходов на различные нужды ведомства предоставлялось на усмотрение их руководителей. Средства отпускались валовыми суммами и хранились в ведомственных кассах, что порождало полную бесконтрольность [2]. К тому же отсутствовали нормы, содержащие правила обоснования включения тех или иных расходов в бюджетную смету.

Исследователь дореволюционного бюджетного права М. И. Фридман характеризует порядок составления и исполнения государственной росписи следующим образом: «Отсутствие точных данных о совокупности доходов и расходов даже у высшей администрации; признание финансов величайшей государственной тайной, подлежащей сокрытию не только от народа, но и от самих власть имущих, за очень немногими исключениями; расцвет на этой почве расточительности, беспорядочности, злоупотреблений и хищений...» [3].

Как отмечает М. И. Боголепов, до 1862 г. в России наблюдалась система нетто-бюджета, т. е. ситуация, при которой «в центральную кассу стекались только остатки провинциальных доходов, о которых составлялась ведомость (нетто-бюджет). Затем, при административной централизации, удерживалась система нетто-бюджета: в государственный бюджет вносились только чистые доходы, а издержки взимания доходов и налогов, хозяйственные расходы по государственным предприятиям оставались вне бюджета» [4].

Такое положение дел сохранялось вплоть до 1862 г., когда императором были утверждены Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений. Данные правила предусматривали новые принципы составления и исполнения бюджета: единства кассы, гласности, полноты отражения государственных доходов и расходов, достоверности бюджетных показателей, ежегодности, создания системы финансового контроля.

Как и прежде, Министерство финансов сводило сметы министерств в единую государственную роспись доходов и расходов после их рассмотрения на соответствие действующему законодательству и исполнения предыдущих смет, которые основывались на погубернских данных и составлялись по установленной форме с учетом итогов исполнения предыдущей сметы. Как указывает Н. А. Сеницин, земские, городские, сословные, благотворительные бюджеты в общую смету не входили, но включались в особые приложения [5]. Ведомственные сметы были разбиты на отдельные параграфы и статьи, при этом Министерство финансов имело право детализировать бюджетные показатели по направлениям расходования средств.

В 1906 г. были изданы Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных, имевшие силу закона. Ежегодно 1 и 2 января во всех крупных периодических изданиях публиковался «Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов», в котором приводилась «Общая государственная роспись доходов и расходов», содержащая данные об общем объеме государственных доходов и расходов, а также направления расходования бюджетных средств. Руководство составлением государственной росписи доходов и расходов осуществлял Совет министров, который с 1857 г. и до 1917 г. (с перерывом с 1892 г. по 1905 г.) оставался главным органом управления государством, реализующим общегосударственную политику, в том числе и финансовую. Данные правила определяли бюджетную компетенцию законодательного органа страны — Государственной Думы (нижней палаты парламента) и Государственного Совета (верхней палаты парламента). Согласно ст. 9 вышеуказанных Правил те доходы и расходы, которые внесены в проект росписи на основании действующих законов, положений, штатов, расписаний, а также от верхнего управления последовавших не могут быть исключены или видоизменены при обсуждении проекта. Данная норма для нас интересна тем, что указывает на правовые основания внесения в проект государственной росписи доходов и расходов тех или иных бюджетных показателей.

В целом же первая стадия бюджетного процесса — составление проекта государственной росписи доходов и расходов — в дореволюционное время практически не была регламентирована на законодательном уровне. В законодательных актах очерчен лишь круг участников дан-

ной стадии, схематично прослеживаются этапы составления проекта росписи, а также более или менее выстроена система принципов бюджетного процесса.

Низкая детальность регулирования законами процедур составления проекта бюджетов характерна и для советского периода. 29 октября 1924 г. было принято постановление ЦИК СССР «О бюджетных правах Союза ССР и входящих в его состав союзных республик» [6], а закон на союзном уровне, который имел практически то же название — «О бюджетных правах Союза ССР и союзных республик» [7], был принят лишь в 1959 г.

Согласно вышеуказанному постановлению в целях составления проекта общесоюзного бюджета при Наркомфине СССР было образовано сметно-бюджетное совещание, состоящее из председателя, назначаемого Наркомфином СССР, и его представителей, Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции и Государственной общеплановой комиссии СССР, а также ведомства, смета которого рассматривается, и Наркомтруда СССР (по вопросам заработной платы). По проекту общесоюзного бюджета и бюджетов союзных республик, утверждаемых ЦИК этих республик, Государственная общеплановая комиссия СССР сообщала СНК СССР и одновременно Наркомфину СССР свое заключение о соответствии означенных бюджетов общим планам государственного и народного хозяйства, а также реальности его выполнения.

Согласно же Закону СССР от 30 октября 1959 г. «О бюджетных правах Союза ССР и союзных республик» [7] работу по составлению проекта Государственного бюджета СССР должен был организовать Совет министров СССР. Непосредственное составление проекта союзного бюджета осуществляло Министерство финансов СССР.

Проект Государственного бюджета СССР, в основе которого лежали проекты государственных бюджетов союзных республик на планируемый год, а также проекты финансовых планов и смет министерств, государственных комитетов и ведомств СССР, составлялся на один финансовый год. Проекты союзных республик составлялись на основе заданий, предусмотренных проектом Государственного плана экономического и социального развития СССР. Проект Государственного бюджета СССР включал проект бюджета государственного социального страхования, составляемый ВЦСПС.

На республиканском уровне принимались свои аналогичные законы. Например, Закон РСФСР от 16 декабря 1961 г. «О бюджетных правах Российской Советской Федеративной Социалистиче-

ской Республики, автономных советских Социалистических Республик и местных Советов народных депутатов РСФСР» [8] устанавливал систему принципов бюджетного процесса и регламентировал основные стадии бюджетного процесса.

Согласно данному Закону проект Государственного бюджета РСФСР и проекты бюджетов отдельных территорий РСФСР составлялись на основе показателей, включенных в проекты Государственного плана экономического и социального развития РСФСР, государственных планов экономического и социального развития территорий соответственно. Республиканский бюджет также включал показатели проектов финансовых планов и смет министерств, государственных комитетов и ведомств РСФСР, подготовленных на основе заданий, предусмотренных проектом Государственного плана экономического и социального развития РСФСР на планируемый год.

Более детальное регулирование составления проектов бюджетов и смет осуществлялось на подзаконном уровне, в основном инструкциями Министерства финансов СССР и территориальными финансовыми органами. Например, действовали такие нормативные правовые акты, как Инструкция Министерства финансов РСФСР от 10.09.1971 № 01/678 «О порядке составления финансовыми отделами исполнительных комитетов районных советов депутатов трудящихся поквартального распределения годовых назначений по бюджетам, финансирования учреждений и мероприятий и учета изменений, вносимых в процессе исполнения бюджетов районов» [9], приказ Министерства финансов РСФСР от 27.12.1966 № 01/1030 «Об утверждении Инструкции по составлению, рассмотрению и утверждению смет учреждений, состоящих на Государственном бюджете РСФСР» [10] и др.

В первые годы постсоветского периода продолжилась тенденция низкой детальности законодательного регулирования процедур составления проекта бюджета.

В Законе РСФСР от 10.10.1991 № 1734-1 «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР» [11] установлено, что составление бюджета производится в соответствии с прогнозами и программами социально-экономического развития территорий. На основе этих данных и целевых программ органы исполнительной власти вносят предложения в соответствующие Советы народных депутатов о постановке на санкционирование бюджетных расходов. Одновременно представляются расчеты по определению доходов бюджетов. Бюджетные расходы

санкционируются на базе «реальных возможностей санкционирования».

Раздел IV рассматриваемого Закона содержит ст. 20, которая регулировала порядок составления проекта республиканского бюджета. Однако данная статья настолько скупосуществляла регулирование интересующих нас процедур, что ее отсутствие в действующей редакции БК вовсе не свидетельствует об «откате назад» в совершенствовании бюджетно-правового механизма.

В связи с либерализацией цен и гиперинфляцией в начале 90-х гг. XX в. социально-экономическое прогнозирование и бюджетное планирование было крайне затруднено, временной горизонт прогнозирования и планирования сокращался. Так, был принят Закон РФ от 24.10.1992 № 2246-1 «О бюджетной системе Российской Федерации на I квартал 1992 года» [12].

Нормативные правовые акты, регулирующие порядок разработки прогнозов социально-экономического развития государства, принимались каждый год, т. е. не носили постоянного характера. К примеру, были приняты следующие акты: постановления Правительства РФ от 03.08.1992 № 534 «О разработке прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 1993 год» [13], от 15.06.1993 № 553 «О разработке прогноза социально-экономического развития и комплексных мер государственного регулирования экономики на 1994 год» [14], от 15.04.1995 № 331 «О разработке прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и проекта федерального бюджета на 1996 год» [15], от 12.03.1997 № 292 «Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 1996 году и задачах на 1997 год» [16].

Таким образом, неустойчивая экономическая ситуация в стране обусловила нестабильность в правовом регулировании порядка и сроков подготовки необходимых документов для составления проекта бюджета, сама процедура которого уточнялась ежегодно. Подобное положение дел крайне негативно сказывалось на системе социально-экономического прогнозирования и бюджетного планирования, препятствуя ее совершенствованию и движению к прозрачности (открытости) и достаточной ясности.

Ситуация изменилась в связи с кодификацией бюджетно-правовых норм и принятием ряда иных нормативных правовых актов, имеющих по-

стоянный характер, к примеру Федерального закона от 20.07.1995 № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» [17], постановления Правительства РФ от 29.12.2007 № 1010 «О порядке составления проекта федерального бюджета и проектов бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период» [18]. Кодификация как один из способов систематизации законодательства, безусловно, является прогрессирующим фактом в развитии бюджетно-правового механизма.

В настоящее время правовое регулирование первой стадии бюджетного процесса — составление проекта бюджета — осуществляется как на законодательном, так и на подзаконном уровне.

Пожалуй, центральное место в правовом регулировании стадии составления проекта бюджета занимает БК [19]. Самое непосредственное регулирование осуществляется разд. VI, который содержит лишь одну главу — «Основы составления проектов бюджетов». Данный раздел не содержит главы, детально регулирующей стадию составления проекта бюджета на федеральном уровне.

В целом необходимо отметить, что стадия составления проекта бюджета в большей степени урегулирована на подзаконном уровне.

Низкую детальность регулирования в БК процедур составления проекта бюджета отмечает М. А. Клишина, которая связывает низкую законодательную регламентацию с проблемой недостаточной прозрачности процедур планирования бюджетных расходов [20].

Необходимо согласиться с мнением М. А. Клишиной о том, что недостаточное законодательное регулирование и чрезмерное нормотворчество органов исполнительной власти в сфере бюджетного процесса и, в частности, регулирования составления проектов бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ ведет к снижению, во-первых, «качества» правового регулирования; во-вторых, «прозрачности» процедур составления проекта бюджета; в-третьих, размывает границы дозволенного нормотворчества органов исполнительной власти, идя в разрез с принципом целесообразности правового регулирования на уровне исполнения законодательных актов.

1. См.: Синицин Н. А. Бюджетное право дореволюционной России : учеб. пособие. М. : Финансовая академия, 1998. С. 19.

2. См.: Там же. С. 27.

3. Фридман М. И. Наше законодательство о бюджете // Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. СПб., 1907. Вып. 1. С. 2.
4. Боголепов М. И. Финансы, правительство и общественные интересы. Бюджет и бюджетное право. СПб., 1907. С. 17.
5. См.: Сеницин Н. А. Указ. соч. С. 31.
6. См.: СЗ СССР. 1924. № 19. Ст. 189.
7. См.: Там же. 1990. Т. 5. Ст. 425.
8. См.: ВВС РСФСР. 1961. № 48. Ст. 674.
9. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
11. См.: ВСНД и ВС РСФСР. 1991. № 46. Ст. 543.
12. См.: Там же. 1992. № 9. Ст. 392.
13. См.: САПП РФ. 1992. № 6. Ст. 350.
14. См.: Там же. 1993. № 25. Ст. 2391.
15. См.: Там же. 1995. № 17. Ст. 1538.
16. См.: Там же. 1997. № 11. Ст. 1329.
17. См.: СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2871.
18. См.: Там же. 2008. № 4. Ст. 263.
19. См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
20. См.: Клишина М. А. Новое в порядке составления проекта бюджета // Финансовое право России: актуальные проблемы / Центр публично-правовых исследований ; под ред. А. А. Ялбулганова. М. : Academia, 2007. С. 103.

Проблемы квалификации неуважения к суду и смежных преступлений: оскорбления, оскорбления представителя власти и оскорбления военнослужащего

Problems of Qualification: Disrespect for the Court, the Insulting, the Insulting of Public Agent, the Insulting of Military Man

В данной статье автор рассматривает проблемы квалификации деяний, связанных с оскорблением лиц, участвующих в отправлении правосудия, а также преступлений, в которых оскорбление является признаком объективной стороны состава преступления: оскорбление (ст. 130 УК), оскорбление представителя власти (ст. 319 УК) и оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК). Автор высказывает свое мнение по вопросам квалификации таких деяний, их сходства и различий, приводит свои доводы о том, почему для неуважения к суду важен такой признак оскорбления, как его публичность, а также о том, кто и почему не может быть субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 297 УК.

Уголовное право; квалификация преступлений; состав преступления; объект преступления; оскорбление; неуважение; правосудие; представитель власти; публичность; военнослужащий; должностные обязанности

In this article the author inquires into a problem of acts qualification concerned with insulting of persons participating in jurisdiction as well as crimes in which the insulting is an evidence of objective side of the corpus delicti such as the insulting (item 130 of the criminal code RF), the insulting of public agent (item 319 CC RF), the insulting of military man (item 336 CC RF). The author expresses his opinion about this acts qualification, their similarity and difference. He explains that publicity is important evidence for insulting of public agent and disrespect for the court. He although mentions who and why can be a subject of corpus delicti provided by item 297 CC RF.

Criminal law; qualification of crimes; corpus delicti; object of crime; insulting; disrespect; justice; public agent; publicity; military man; functions

Неуважение к суду (ст. 297 УК [1]) имеет много общего с такими преступлениями, как оскорбление (ст. 130 УК), оскорбление представителя власти (ст. 319 УК) и оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК). Общие черты данных преступлений относятся главным образом к объективным признакам. Хотя указанные преступления расположены в разных главах Особенной части УК, одним из непосредственных объектов данных составов преступлений являются общественные отношения, составляющие гарантированные законом, в частности Конституцией [2], честь и досто-

инство лиц, в отношении которых совершено преступное посягательство [3].

Честь и достоинство были и остаются социально-правовыми категориями, умаление которых предусматривает в соответствии с российским законодательством уголовную ответственность неопределенно широкого круга обязанных лиц. Состав всех вышеуказанных преступлений формальный, т. е. преступление является оконченным с момента совершения деяния независимо от фактически наступивших последствий [4].

В отличие от преступления, предусмотренного ст. 130 УК и предполагающего наличие только одного непосредственного объекта, преступления, предусмотренные ст. 297, 319 и 336 УК, имеют и другие непосредственные объекты.

Основным непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 297 УК, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность суда по осуществлению правосудия [5]. Общественные отношения, содержанием которых является нормальное осуществление правосудия судом, возникают в процессе судопроизводства и складываются из многих факторов, к которым можно отнести строгое соблюдение установленного в судебном заседании порядка, выполнение всех предписаний уголовно-процессуального закона, соблюдение морально-этических норм всеми участниками судебного разбирательства.

Статья 319 УК в качестве непосредственного объекта состава преступления предусматривает общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов власти и представителей власти по реализации ими своих функций. Управленческая деятельность органов власти осуществляется специально на то уполномоченными должностными лицами, в том числе представителями власти. Уголовно-правовое регулирование, связанное с их правовым статусом, отличается двумя особенностями: с одной стороны, государственная власть предъявляет повышенные требования к своим представителям и устанавливает более строгую их ответственность за неправомерные действия, совершенные с использованием служебных полномочий, по сравнению с реакцией на аналогичные поступки других граждан; с другой — закон предусматривает усиленную охрану представителей власти, что выражается в более суровой ответственности за некоторые действия против них по сравнению с такими же посягательствами на рядовых граждан. Выполнение гражданами предписаний российских законов и основанных на них распоряжений органов власти — необходимое условие нормальной деятельности органов государственной власти и управления. Такое посягательство на порядок управления, как оскорбление представителя правоохранительного органа, находящегося при исполнении, существенно нарушает их нормальную деятельность, подрывают их авторитет. Опасность посягательств на порядок управления заключается в том, что они нарушают нормальную, планомерную работу государственной власти по обеспечению нужд населения, что негативно сказывается на общественном мнении [6].

Статья 336 УК в качестве непосредственного объекта состава преступления предусматривает общественные отношения, обеспечивающие закрепленный в законах, уставах, иных военно-правовых актах порядок взаимоотношений между военнослужащими. Рассматриваемое деяние затрагивает не только честь и достоинство личности, но и авторитет государственной власти, носителем которой является военнослужащий во время исполнения своих служебных обязанностей, чем нарушается порядок прохождения (несения) военной службы (родовой объект уголовно-правовой охраны) [7].

Объективная сторона всех вышеуказанных составов преступлений выражается в оскорблении, т. е. в действии, направленном на унижение чести и достоинства лица, выраженном в неприличной (циничной), глубоко противоречащей нравственным нормам форме. Унижение чести и достоинства — это отрицательная оценка личности, дискредитация человека, подрыв его авторитета. Однако уже при анализе объективной стороны составов преступлений, предусматривающих в качестве объективной стороны состава преступления оскорбление, необходимо отметить имеющиеся между ними различия.

Так, состав преступления, предусмотренный ст. 130 УК, является общим по отношению к составам преступлений (ст. 297, 319 и 336 УК). Опасность данного преступления заключается в нарушении общественных отношений, составляющих гарантированную Конституцией и другими нормативными правовыми актами защиту прав и интересов человека, его чести и достоинства.

Публичность оскорбления предусмотрена в качестве обязательного признака объективной стороны состава преступления в виде квалифицирующего признака (ч. 2 ст. 130 УК — оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или СМИ). Между тем публичность оскорбления представителя власти является обязательным признаком преступления (ст. 319 УК), так как только таким образом может быть подрван его авторитет. Если же оскорбление представителю власти нанесено, когда он находился наедине с виновным лицом либо когда исключалась возможность третьих лиц осознавать факт нанесения оскорбления, то действия виновного должны квалифицироваться по ст. 130 УК. Например, признак публичности отсутствует в действиях лица, допустившего оскорбительные высказывания в адрес сотрудника милиции в помещении вытрезвителя в присутствии лишь двух сотрудников данного учреждения [8].

Так, Г. был осужден по ст. 319 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ состоявшиеся судебные решения отменила, а дело прекратила, указав, что согласно ст. 319 УК уголовная ответственность наступает за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. Публичными могут признаваться такие оскорбления, которые заведомо высказываются в присутствии многих лиц с целью либо нарушения нормальной деятельности органов власти, либо ущемления их авторитета, равно унижения чести и достоинства конкретного представителя власти. Вместе с тем, как видно из приговора, оскорбления в виде грубой нецензурной брани в адрес сотрудника милиции Х. высказаны осужденным, находившимся в состоянии алкогольного опьянения, в помещении медицинского вытрезвителя лишь в присутствии М. — санитарки медицинского вытрезвителя и Т. — фельдшера того же вытрезвителя и при отсутствии там других лиц. В приговоре не приведены объективные данные, свидетельствующие о том, что Г. оскорблял, унижая честь и достоинство потерпевшего. При таких обстоятельствах в действиях Г. отсутствует признак публичности, что исключает его ответственность по ст. 319 УК [9].

В то же время оскорбление одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы (ч. 1 ст. 336 УК) либо оскорбление подчиненным начальника, а равно начальником подчиненного во время исполнения либо в связи с исполнением обязанностей военной службы (ч. 2 ст. 336 УК) признака публичности не содержат.

Оскорбление участника судебного разбирательства, судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ст. 297 УК), возможно только публично. Общественные отношения по отправлению правосудия могут иметь место только при рассмотрении дел и материалов по существу в судебном заседании. Согласно п. 50 ст. 5 УПК [10] судебное заседание — процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по делу. Оскорбление, нанесенное участнику судебного разбирательства вне судебного процесса, не причиняет ущерба авторитету суда. Если оскорбление участнику судебного разбирательства нанесено не в судебном заседании, а в другом месте, хотя бы оно и было связано с деятельностью лица по осуществлению правосудия и с рассмотрением конкретного дела, ущерб основному непосредственному объекту причинен не будет.

Оскорбление, связанное с отправлением правосудия и нанесенное не в суде (например, после процесса на почве мести), квалифицируется по ст. 319 УК (оскорбление представителя власти) [11].

Необходимо отметить, что в отличие от ст. 297 УК, где, как уже было отмечено, оскорбление может иметь место только в ходе судебного разбирательства, оскорбление, квалифицируемое по ст. 130 УК, может быть совершено в любом месте.

Так, Г. была осуждена по ч. 1 ст. 130 УК за то, что она, встретив несовершеннолетнего А., назвала его «бомжем, придурком, ублюдком и мразью»; выкрикивала в адрес К. оскорбления, а также выражалась нецензурными словами; в присутствии старшей по дому Ш., представителя домоуправления Д. и других лиц Г. оскорбляла Т., выражаясь в ее адрес грубой нецензурной бранью [12].

Оскорбление представителя власти (ст. 319 УК) и оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК) также могут быть совершены в любом месте. Важно, чтобы это было связано с исполнением потерпевшим своих должностных обязанностей или происходило во время исполнения обязанностей военной службы, или из-за исполнения потерпевшим таких обязанностей.

В отличие от ст. 297, 319 и 336 УК оскорбление (ст. 130 УК), как уже указывалось выше, имеет квалифицирующий признак — оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или СМИ. Понятие «публичное выступление» означает, что распространение сведений совершается в общественном месте, среди широкого круга лиц, например на собраниях, митингах. Публично демонстрирующимся произведением может быть выполненная типографским способом книга или брошюра либо прозвучавшая по радио или телевидению передача [13].

Под публично демонстрирующимися произведениями понимаются также любые источники информации, рассчитанные на массовое восприятие: кино-, теле- и видеофильмы, театральные постановки, книжные издания, листовки, плакаты. Под оскорблением в СМИ понимаются публикация сведений, порочащих честь и достоинство, в газетах, журналах, распространение их с использованием радиовещания, телевидения, через Интернет и другие средства электронной связи, предназначенные для неограниченного круга пользователей [14].

К. осуждена по ч. 2 ст. 130 УК за то, что, работая обозревателем общественно-политической газеты «Белгородская правда», в июне 2000 г. в статье «Ты виноват лишь тем, что... мне так хо-

чется» в отношении Л. использовала слова и выражения: «крыша поехала», «отмороженный», «заторможенный», «безумный», «с головой у Васи, скажем так, не все в порядке», «когда у него начинался припадок ярости, краснели даже лицо и руки, глаза наливались кровью, и он мгновенно кидался в драку», «он сразу зверел». По заключению лингвостилистической экспертизы, в указанной статье имеются языковые средства, которые содержат негативный оценочный компонент и могут унижать честь и достоинство Л. В частности, слова: «звереть», «безумный» и другие при условии их ложности, несоответствия истинному положению вещей можно считать оскорбительными, унижающими честь и достоинство Л. и его родителей. Языковые единицы «отмороженный», «крыша едет» содержат в своем значении не только отрицательный оценочный компонент, но и грубую, резко сниженную стилистическую окраску. Такие характеристики даже при их истинности являются оскорбительными по форме, так как эти слова принадлежат к грубой лексике и находятся за пределами литературного русского языка. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения [15].

Представляется, что оскорбление представителя власти, военнослужащего либо участника судебного разбирательства, судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, также возможно в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или СМИ, несмотря на то, что данный квалифицирующий признак в диспозициях ст. 297, 319 и 336 УК отсутствует.

Так, по приговору Омского областного суда П. был осужден по ст. 319 УК за то, что в газете «Красный путь» № 171 за 2004 г. опубликовал статью под названием «Про Канары и про Омскую Фемиду» со словами «Назовите Нину Ф. лесбиянкой, то бишь почитательницей однополрой любви — и она вас не осудит. Даже если это не так. Более того! Сама же докажет, что вы не подлежите судебному преследованию». Суд указал в приговоре, что, давая указанный текст в печать, П. осознавал его оскорбительный и неприличный смысл. Суд расценил указанную фразу как посягательство на профессиональную и женскую честь и достоинство Ф., унижающую ее как личность и как представителя судебной власти, и признал, что в результате вышеуказанных неправомерных действий П. судья Ф. была публично оскорблена в связи с исполнением ею своих должностных обязанностей по отправлению правосудия. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ,

отменив приговор, указала, что согласно смыслу ст. 319 УК оскорблением представителя власти являются действия, направленные на воспрепятствование нормальной деятельности представителя власти путем унижения его чести и достоинства. Признавая П. виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК, суду следовало указать, каким образом приведенная в статье и изложенная в форме размышления и риторики фраза воспрепятствовала нормальной деятельности судьи, и мотивировать выводы суда о наличии у автора статьи прямого умысла на совершение указанных действий. Субъективная сторона данного преступления может быть выражена лишь в прямом умысле, когда виновный осознает, что совершает действия, унижающие честь и достоинство другого человека, и желает этого, именно эта сторона подлежала обязательной мотивации в приговоре [16].

Рассматриваемые в данной статье преступления (ст. 130, 297, 319 и 336 УК) имеют формальный состав и считаются оконченными с момента высказываний либо совершения действий, носящих оскорбительный характер, а если оскорбление совершено письменно — с момента ознакомления с ним хотя бы одного человека, в том числе потерпевшего.

Данные преступления характеризуются только прямым умыслом, поскольку лицо осознает, что, оскорбляя другое лицо, унижает его честь и достоинство, и желает этого.

Субъект составов преступлений, предусмотренных ст. 130 и 319 УК, — общий (вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста).

В научной литературе бытует мнение, что у преступления, обозначенного в ст. 297 УК, субъект также общий. Между тем Л. В. Лобанова считает, что субъектом данного состава преступления не может быть лицо, участвующее в отправлении правосудия, но вовсе не потому, что оскорбляющее достоинство участников судебного процесса поведение судей является редкостью или что такое поведение не является проявлением неуважения к той функции, которую они сами выполняют, а следовательно, и к суду. Дело в том, что оскорбительные высказывания судей по отношению к участникам процесса дают основание для квалификации их действий по ст. 286 УК, так как эти действия свидетельствуют о явном выходе указанных лиц за пределы предоставленных судьям полномочий, ведь подобные действия не дано совершать никому [17].

Представляется, что государственный обвинитель, являющийся не только стороной в деле,

но и должностным лицом, поддерживающим обвинение от имени государства, также не является субъектом рассматриваемого преступления. Оскорбление, нанесенное прокурором лицу, участвующему в отправлении правосудия либо в судебном разбирательстве, также должно квалифицироваться по ст. 286 УК как действия, явно выходящие за пределы полномочий должностного лица и повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства.

Субъектами преступлений против военной службы, в том числе преступления, предусмотренные ст. 336 УК, являются граждане Российской Федерации, имеющие статус военнослужащего.

Совершение воинских преступлений лицами, не достигшими установленного законом возраста для прохождения военной службы, оказавшимися на военной службе по ошибке или вследствие подлога документов, исключает ответственность за преступления против военной службы. Лица, негодные или ограниченно годные к военной службе по состоянию здоровья, не могут быть признаны субъектами воинских преступлений (ст. 23, 50, 51 Закона РФ от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [18]). В случае совершения такими лицами общественно опасного деяния, содержащего состав уголовного преступления, они несут определенную ответственность. Гражданские лица, учащиеся суворовских и нахимовских училищ, кадетских корпусов, не могут признаваться исполнителями воинских преступлений.

-
1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ // СЗ РФ. № 25. Ст. 2954.
 2. См.: Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
 3. См.: Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. Л. Д. Гаухмана и А. А. Энгельгардта. М., 2002.
 4. См.: Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд. М., 2005.
 5. См.: Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М., 2005.
 6. См.: Валитов Р. Р. Некоторые вопросы уголовной ответственности за публичное оскорбление представителя власти // Вестник ТИСБИ. 2005. № 4.
 7. См.: Толкаченко А. А. Оскорбление военнослужащего (Научно-практический комментарий к ст. 336 УК РФ) // Право в Вооруженных силах. 2004. № 2.
 8. См.: БВС. 2007. № 2.
 9. См.: Судебная практика // Предпринимательское право : сайт. URL : http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_123043.html (дата обращения: 07.12.2009).
 10. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
 11. См.: Уголовное право России. Часть Особенная / под ред. Л. Л. Кругликова. М., 1999.
 12. См.: Дело № 1-5/5-04г. // Архив Майкопского городского суда Республики Дагестан.
 13. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. 5-е изд. М. : Норма, 2007.
 14. См.: Уголовный закон в практике мирового судьи / под ред. А. В. Галаховой. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2007.
 15. См.: Определение от 03.07.2002 // Архив Верховного Суда РФ. КП № 57-002-15.
 16. См.: Определение от 20.04.2005 // Там же. КП № 50-005-14.
 17. См.: Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005.
 18. См.: СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.



УДК 343.8

И. Ю. Архипов
I. Y. Arkhipov

Экономические и правовые аспекты реформирования производственного сектора уголовно-исполнительной системы России

Economic and Legal Aspect of Reforming of industrial Sector of Criminally-Executive System of Russian Federation

Статья посвящена проблемам реформирования производственного сектора УИС России, которые предусмотрены нормами уголовно-исполнительного права и ведомственными нормативными актами, носящими локальный характер и регламентирующими вопросы создания, деятельности и условия функционирования центров трудовой адаптации осужденных. Статья призвана обогатить гуманитарные знания в сфере современного социального развития Российского государства и общества.

Уголовно-исполнительное право; УИС России; меры реформирования производственного сектора; отбывание наказаний; трудовая адаптация; социальная реабилитация осужденных

Article is devoted to problems to reforming of industrial Sector of Criminally-executive System of Russia, which Sphere is regulated by Norms of Criminal law-executive and the Departmental normative Acts having local character and regulating Questions of creation, activity and a condition of functioning of the Centers of Labor Adaptation condemned. She enriches humanitarian Knowledge in Sphere of modern social Development of the Russian State and a Society.

Criminal law; criminally-executive system of Russia; reforming of industrial sector; labor adaptation; social rehabilitation

Обязательное привлечение осужденных к общественно полезному труду является одной из мер реализации уголовно-исполнительной политики государства. Действующим законодательством РФ на УИС возложены задачи по обеспечению профессионального обучения и трудовой занятости осужденных, которые способствуют их исправлению, ресоциализации и правопослушному поведению в период отбывания наказания и создают предпосылки для успешной адаптации в обществе после освобождения.

За последние годы учреждениями и органами УИС проделана объемная социально ориентированная и государственно важная работа по совершенствованию их деятельности [1]. Не ос-

тается в стороне и производственный сектор УИС, деятельность которого направлена в первую очередь на восстановление и закрепление у осужденных профессиональных и трудовых навыков, необходимых для их последующей адаптации в обществе.

Однако следует констатировать, что ныне действующая правовая основа исполнения уголовных наказаний сдерживает углубленное реформирование системы, не позволяет в полной мере решать имеющийся сегодня комплекс проблем, связанных с решением задач трудовой адаптации и социальной реабилитации осужденных [2].

Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314, утвердивший Положение о Федеральной службе

исполнения наказаний [3], положил начало новому этапу дальнейшего реформирования производственного сектора УИС [4]. Среди основных задач ФСИН России в полном соответствии с УИК [5] Положение о ФСИН России объявляет организацию деятельности по оказанию осужденным помощи в социальной адаптации, а в части полномочий ФСИН России — обеспечение привлечения осужденных к труду и создание условий для их моральной и материальной заинтересованности в результатах труда.

Согласно ч. 1 ст. 103 УИК «каждый осужденный обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений». В исправительных учреждениях организуется обязательное начальное профессиональное образование или профессиональная подготовка осужденных, не имеющих профессии (специальности), по которой осужденный может работать в исправительном учреждении и после освобождения из него.

Данные требования соответствуют международным правовым актам, ратифицированным Российской Федерацией при вступлении в Совет Европы (Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Европейские пенитенциарные правила, рекомендация Комитета министров Совета Европы от 12.02.1987 № R (87) 3 «Относительно Европейских пенитенциарных правил» [6] и резолюция Комитета министров Совета Европы от 18.09.1975 № (75) 25 «О труде заключенных» [7]).

Согласно Конвенции относительно принудительного и обязательного труда, принятой Генеральной конференцией МОТ 28 июня 1930 г. [8], труд осужденных не является принудительным, если производится под надзором и контролем государственных властей.

Для реализации указанных требований УИК в составе УИС до недавнего времени функционировали 602 государственных унитарных предприятия УИС.

В соответствии с требованиями федеральных законов от 06.06.2007 № 91-ФЗ «О внесении изменений в статьи 103 и 141 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [9], от 23.12.2004 № 173-ФЗ «О федеральном бюджете на 2005 год» [10] и от 26.12.2005 № 189-ФЗ «О федеральном бюджете на 2006 год» [11]; поручения Президента РФ от 15.10.2002 № Пр-1838 «О приведении пенитенциарной системы России в соответствие с европейскими стандартами в области прав человека и меж-

дународными обязательствами Российской Федерации, принятыми при вступлении в Совет Европы»; решениями Правительства РФ о мерах по повышению эффективности управления федеральной собственностью и критериях ее оценки (протокол заседания от 06.02.2003 № 3) и о дополнительных мерах по обеспечению деятельности УИС в соответствии со стандартными правилами (протокол заседания от 19.02.2004 № 5); решением Комиссии Правительства РФ по оптимизации бюджетных расходов (протокол заседания от 21 и 31 марта 2003 г. № 2сс) ФСИН России приступила к реформированию предприятий УИС.

В ходе реформы предприятия УИС реорганизуются в ЦТАО, УПМ и ЛПМ. Основными задачами этих структурных подразделений исправительных учреждений является организация трудового воспитания осужденных путем привлечения их к общественно полезному оплачиваемому труду, создание условий для их моральной и материальной заинтересованности в его результатах, восстановление и закрепление профессиональных и трудовых навыков осужденных, необходимых им для последующей скорейшей адаптации в обществе.

С началом реформирования в соответствии с постановлением Правительства РФ от 07.11.2005 № 660 «Об урегулировании задолженности по обязательным платежам федеральных государственных унитарных предприятий учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, а также начисленных на нее пеней» [12] с предприятий УИС была списана задолженность по налоговым платежам, образовавшаяся в течение 1993—2001 гг. в связи с отвлечением их средств на покрытие дефицита бюджетных ассигнований, выделявшихся на содержание УИС. Общая сумма списанной задолженности составляла более 17,7 млрд руб. Это позволило обеспечить более устойчивую работу производственного сектора УИС в условиях его реформирования.

По состоянию на 1 июля 2009 г. из 602 предприятий УИС в отношении 567 предприятий (94,2 %) изданы распоряжения Росимущества и ФСИН России о проведении ликвидационных мероприятий и создании на базе их имущественного комплекса ЦТАО, УПМ или ЛПМ. Завершили ликвидацию с получением свидетельства об исключении из ЕГРЮЛ 289 предприятий (48,1 %), еще 128 предприятий (21,3 %) прекратили производственную деятельность и сдали ликвидационные балансы на регистрацию в территориальные налоговые органы.

На начало июля 2009 г. в состав производственного сектора УИС входили 497 ЦТАО, 39 УПМ

и 37 ЛПМ, 153 предприятий УИС, 115 из которых проводили ликвидационные мероприятия, и семь федеральных государственных унитарных сельскохозяйственных предприятий. Из 38 оставшихся предприятий УИС 36 начнут проведение ликвидационных мероприятий по мере истребования непогашенной дебиторской задолженности, списания по судебным решениям задолженности, доначисленной налоговыми органами по результатам выездных и камеральных проверок, погашения задолженности перед ПФР и иными кредиторами.

Промышленный потенциал УИС включает в себя 573 центров и мастерских и 153 предприятия (из них 115 в стадии ликвидации).

Несмотря на проходящее реформирование предприятий УИС, в течение 2005 г. — первой половины 2008 г. было обеспечено стабильное функционирование и дальнейшее динамичное развитие производственного сектора УИС.

За 2008 г. исправительными учреждениями ФСИН России было выпущено товарной продукции, выполнено работ и оказано услуг на общую сумму 26,21 млрд руб. (115,8 % в действующих ценах к аналогичному периоду прошлого года).

В общем объеме производства составляли:

- 5,78 млрд руб. (22,1 %) — металлообработка и машиностроение;

- 3,53 млрд руб. (13,4 %) — лесная и деревообрабатывающая промышленность;

- 4,38 млрд руб. (16,7 %) — легкая промышленность;

- 4,21 млрд руб. (16,1 %) — производство продуктов питания;

- 2,56 млрд руб. (9,8 %) — прочая продукция и товары (строительные материалы, химическая промышленность, товары хозяйственно-бытового обихода);

- 5,75 млрд руб. (21,9 %) — работы и услуги (строительно-монтажные работы, услуги по обеспечению тепловой и электрической энергией, водоснабжение).

Перечень видов деятельности ЦТАО, УПМ и ЛПМ, утвержденный Правительством РФ, включает 99 наименований. Укрупненная номенклатура изделий, выпускаемых исправительными учреждениями, насчитывает более 120 тыс. наименований.

В общем объеме производства 11,12 млрд руб. (42,3 % от общего объема или 129,9 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) составляет продукция для внутрисистемных нужд (вещное имущество, продукты питания, строительные материалы, оборудование для продовольственных и интендантских служб, изделия коммунально-бытового и специального назначения). Федеральным законом от 21.07.2005 № 94-ФЗ

«О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [13] УИС предоставлено право размещения заказов на поставки товаров для внутрисистемных нужд без проведения конкурсов или аукционов. Налоговое законодательство освобождает эти поставки продукции от обложения НДС.

За исправительными учреждениями закреплено 607 тыс. га земельных угодий, в том числе 463 тыс. га — пашни. В 2008 г. было собрано 205 тыс. т зерна, 57 тыс. т картофеля, 35 тыс. т овощей, произведено 5,2 тыс. т мяса крупного рогатого скота и 11 тыс. т свинины, 30 тыс. т молока и 12 млн штук яиц. За счет собственного производства на 100 % удовлетворяется потребность исправительных учреждений в основных продуктах питания, таких как мука, крупы, хлебобулочные изделия, растительное масло, сахар-песок, мясные, рыбные и плодоовощные консервы, сгущенное молоко.

Некоторые подразделения УИС являются единственными в Российской Федерации изготовителями отдельных наименований сертифицированных изделий машиностроения и электротехнической продукции либо занимают доминирующее положение в соответствующих отраслях (трубопроводная арматура, тягодутьевые машины, высоковольтные предохранители и разъединители, понижающие и измерительные трансформаторы, экранирующая плетенка).

Швейные подразделения УИС выпускают широкий ассортимент вещевого имущества и форменного обмундирования, а также рабочей и специальной одежды для нужд всех отраслей промышленности.

В заключение следует сказать, что проведенный анализ современного состояния трудоустройства осужденных к лишению свободы как важнейшего средства социализации их личности позволяет сделать следующие выводы.

1. Реформирование УИС — важный шаг по дальнейшему превращению УИС в организацию, развивающуюся по каналам гуманитарной эволюции, позволяющий успешно обеспечить процессы трудовой адаптации и социальной реабилитации осужденных.

2. Преобразование предприятий УИС в некоммерческие организации снимет противостояние интересов производственного и бюджетного секторов исправительного учреждения, поможет привести в соответствие правовое регулирование труда с другими средствами обращения с осужденными и на этой основе обеспечить трудовую адаптацию осужденных.

3. Социальная реабилитация осужденных — это основанная на принципе взаимодействия, взаимообусловленности, системной связи социального воспитания, исследовании личности осужденного, личности воспитателя, микросреды в исправительных учреждениях, материально-бытовых условий осужденных, медицинского обслуживания, системы общего и профессионального образования, организации труда и социальной работы с осужденными специальная деятельность государственных органов и общественных организаций по устранению, нейтрализации, ограничению действий детерминантов социальных отклонений, а также по коррекции личности, имеющей деформации нравственного и правового сознания.

4. Содержанием трудовой адаптации осужденных являются: повышение их общеобразовательного уровня, профессиональное обучение либо повышение производственной квалификации, охрана здоровья, приучение к порядку и условиям, установленным в учреждениях, нейтрализация негативных социально-психологических явлений, свойственных среде правонарушителей, обеспечение возможности и оказание помощи в установлении и поддержании социально полезных связей, подготовка к освобождению.

5. Реформирование предприятий УИС и создание подразделений трудовой адаптации осужденных предполагает качественное выполнение управленческим аппаратом функций по обеспечению полномочий, предоставляемых исправительным учреждениям.

6. В комплексе мер, направленных на реализацию Концепции по преобразованию государственных унитарных предприятий и государственных учреждений, необходим учет опыта социализации личности осужденных в исправительных учреждениях России дореформенного периода и опыта трудоустройства и ресоциализации осужденных в зарубежных странах.

7. Наиболее перспективные направления эффективного труда осужденных в условиях ЦТАО, УПМ и других подразделений исправительных учреждений:

- производство продукции для нужд Минюста России, участие в реализации федеральных и региональных целевых программ социально-экономического развития при условии государственной поддержки УИС в плане ресурсного обеспечения;

- заказы на производство для государственных нужд с предоставлением льготных кредитов и налоговых льгот.

8. Создание подразделений трудовой адаптации не означает отказ от работы по внедрению

в производственно-хозяйственную деятельность рыночных механизмов. При этом организационно-правовой механизм реализации инвестиционных проектов по-прежнему должен включать в себя меры, направленные на исключение фактора неопределенности и риска.

9. Статьи 103—108 УИК и ст. 15—23 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы» должны точно отражать зависимость и взаимообусловленность экономических процессов, происходящих в государстве, и своевременно изменяться и дополняться сообразно происходящим внутрироссийским и мировым финансовым социально-политическим, научно-техническим и другим тенденциям.

С целью минимизации влияния кризисных явлений в экономике на работу производственного сектора УИС организована работа по реализации разработанной и утвержденной директором ФСИН России Программы антикризисных мер по обеспечению устойчивого функционирования производственного сектора УИС. В мае 2009 г. проведено межрегиональное совещание с руководителями производственных, тыловых и финансово-экономических служб. Приняты дополнительные решения по преодолению кризисных явлений.

В соответствии с указанной Программой:

- приняты меры по максимальной загрузке производства заказами на выпуск продукции для внутрисистемного потребления, поставлена задача увеличить производство продукции для нужд УИС на 800 млн руб. (107,2 %) по сравнению с 2008 г., отказавшись от ее закупок у сторонних производителей.

Уже в январе — мае текущего года производство продукции для УИС (по сравнению с аналогичным периодом 2008 г.) увеличилось с 3,1 млрд руб. до 3,9 млрд руб. (на 800 млн руб., или 26,5 %). Значительно возросло производство оборудования и имущества коммунально-бытового назначения, отделочных материалов, швейной продукции, продуктов питания):

- пересмотрены калькуляции и сметы затрат, сводится до минимума выпуск нерентабельной, но пользующейся спросом продукции. Производство переориентируется на заказы населения, выполнение разного рода ремонтных, наладочных, строительных работ, оказание услуг. Расширена номенклатура изделий, на которые имеется платежеспособный спрос, для государственных и муниципальных нужд;

- осуществляется постоянное проведение финансового мониторинга (оценки показателей

результативности использования) средств, полученных от производственно-хозяйственной деятельности (финансовое обеспечение портфеля заказов, исполнение расходной части сметы производства, уплата текущих налоговых платежей), с целью недопущения ухудшения финансового состояния производственного сектора УИС;

- в связи с принятием Федерального закона 25.12.2008 № 277-ФЗ «О внесении изменения в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» [14], закрепившего за субъектами РФ права за счет своих средств оказывать содействие в обеспечении трудовой занятости осужденных, активизирована работа по принятию и реализации соответствующих программ государственной поддержки производственной деятельности УИС, особенно в тех 22 регионах, где такие программы уже были приняты, но не финансировались (в республиках Адыгея, Башкортостан, Коми, Саха (Якутия), Татарстан, Удмуртской Республике, Красноярском, Пермском, Хабаровском краях, Архангельской, Белгородской, Вологодской, Кировской, Курганской, Липецкой, Пензенской, Ростовской, Сахалинской, Свердловской, Тверской, Тульской, Ульяновской областях);

- распоряжением директора ФСИН России установлены жесткие нормативы распределения и направления расходования прибыли (доходов), полученной от производственной (внебюджетной) деятельности, предусматривающие выделение не менее 40 % этих средств на мо-

дернизацию производства и 10 % на укрепление энергохозяйства;

- подготовлена и утверждена Программа технического перевооружения производства для нужд УИС оборудования и изделий продовольственной службы, в подразделениях УИС разработаны и реализуются планы мероприятий по снятию с производства устаревшей и неконкурентоспособной продукции и освоению более 2 тыс. новых изделий, что позволит сохранить свыше 23 тыс. рабочих мест;

- силами проектных организаций ФСИН России в целях улучшения качественных и эксплуатационных характеристик разрабатывается новая или пересматривается действующая конструкторская и технологическая документация на 15 видов оборудования и имущества для производства и поставок для внутрисистемных нужд (паровые и электрические котлы, кипятильники, пекарни, посудомоечные и банно-прачечные машины, рабочая одежда и другое имущество); продолжится разработка новой одежды и снаряжения для подразделений специального назначения УИС;

- осуществляется дальнейшая оптимизация системы управления производственным сектором УИС (организация внебюджетных участков в тех исправительных учреждениях, где создание ЦТАО и производственных мастерских в настоящее время экономически нецелесообразно, перевод части работающих осужденных с повременной на сдельную оплату труда, частичное сокращение вольнонаемного производственного персонала, содержащегося за счет сметы производства).

1. См.: Калинин Ю. И. Выступление на заседании коллегии Минюста России 17 марта 2006 года // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 2.

2. См.: Он же. Уголовно-исполнительная система России: стратегия реформы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2003. № 1.

3. См.: СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4111.

4. См.: Постановление Правительства РФ от 29.08.2001 № 636 «Об утверждении Федеральной целевой программы “Реформирование уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации на 2002—2006 годы”» // СЗ РФ. 2001. № 38. Ст. 3743.

5. См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

6. См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998.

7. См.: Там же.

8. См.: *Information document of ratifications and standards-related activities (as to 31 December 2007)*. Geneva: International Labour Office, 2008.

9. См.: СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 2834.

10. См.: Там же. 2004. № 52 (Ч. 1). Ст. 5277.

11. См.: Там же. 2005. № 52 (Ч. 2). Ст. 5602.

12. См.: Там же. № 46. Ст. 4676.

13. См.: Там же. № 30 (Ч. 1). Ст. 3105.

14. См.: Там же. 2008. № 52 (Ч.1). Ст. 6232.



УДК 343.35

Л. А. Букалерова
L. A. Bukaleroва

Л. Г. Устьяев
L. G. Ustiev

Информационные коррупционные преступления

Information Corruption Crimes

В статье авторами дается определение новой категории преступлений — информационных коррупционных преступлений. Авторы таковы признают преступления коррупционного характера, которые заключаются в незаконном использовании физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, других имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконном предоставлении такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, в которых информация является предметом посягательства или средством их совершения.

Коррупция; информация; преступление; информационное преступление; подлог

In article «Information corruption crimes» Authors make definition of a new category of crimes — to information corruption crimes. Authors those recognize the crimes of corruption character consisting in illegal use by the physical person of the official position contrary to legitimate interests of a society and the states with a view of reception of benefit in the form of money, values, other property or services of property character, other property rights for themselves or for the third parties or illegal granting of such benefit to the specified person other physical persons in whom the information is a subject of an encroachment or means of their fulfillment.

Corruption; the information; crime; information crime; forgery the summary

Зачастую совершение коррупционных преступлений (злоупотребление служебным положением, получение взятки, злоупотребление полномочиями либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами) возможно только с использованием официальной информа-

ции как средства преступления либо как предмета посягательства.

Например, помимо служебного подлога (ст. 292 УК [1]), незаконной выдачи паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесения заведомо ложных сведений в документы, повлекшего незаконное приобретение гражданства Российской Федерации (ст. 292.1 УК), практически невозможно подготовить, совершить, скрыть следы всех иных коррупционных преступлений без незаконного оборота официальной информации. Сложность заключается в том, что зачастую законодатель эти факты не учитывает.

Проблема коррупции в России вошла в систему и несет угрозу безопасности и успешному развитию страны и общества в целом, она тесно связана с другими видами преступности, как традиционными для любого общества, так и новыми (в частности, с информационной преступностью и терроризмом). Так, поддельные паспорта для террористов, захвативших Дом культуры на Дубровке, за сравнительно небольшие деньги оформлялись в столичном ОВИРе [2] (это лишь один пример того, к каким последствиям могут привести коррупционные информационные преступления).

Таким образом, коррупция в современной России — это вызов гражданскому обществу и государственным институтам, стоящим на охране его безопасности.

Системная коррупция имеет разные формы и не ограничивается взяточничеством. Развитие технологий передачи, копирования, сбора информации влечет усложнение форм противоправных деяний. Все это требует новых механизмов организации противодействия коррупционной преступности.

Анализ информационных преступлений, обладающих коррупционной направленностью, необходимо предварить определением следующих понятий: «коррупция», «информационные преступления», «информационные преступления коррупционной направленности».

На сегодняшний день существует достаточное количество определений понятия «коррупция». Согласно Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3] коррупция — это

«а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте “а” настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица».

А. И. Долгова определяет коррупцию как «социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных

полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [4].

Безусловно, коррупция — это общественно опасное противоправное деяние. При том, что эти ее характеристики не вызывают никаких сомнений, коррупция понимается специалистами неоднозначно, что неизбежно сказывается на организации реального противодействия коррупции в целом и конкретным коррупционным преступлениям. В уголовном законодательстве нет нормативно закрепленного понятия коррупционного преступления. Вместе с тем соответствующее определение необходимо, так как оно позволит законодательным и правоприменительным органам, основываясь на анализе реальных изменений в проявлениях коррупции, эффективнее осуществлять правотворческую и правоприменительную деятельность.

Б. В. Волженкин под коррупционной преступностью понимал правонарушения лиц, официально привлеченных к управлению (государственные и муниципальные служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций), использующих различным образом имеющиеся у них по статусу возможности для незаконного извлечения личной выгоды [5].

Следует согласиться с И. Н. Клюковской, что под коррупционным преступлением следует понимать преступное общественно опасное деяние, непосредственно посягающее на авторитет или охраняемые законом интересы государственной власти, местного самоуправления, государственной и негосударственной службы, выражающееся в незаконном получении лицом, имеющим статус должностного лица или служащего в государственном, муниципальном образовании, либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, каких-либо благ в корпоративных, узкокорпоративных или личных интересах, если имеет место использование должностного, служебного положения как составной части механизма преступления. В этой связи мы не согласны с мнением И. А. Савенко о том, что коррупционные преступления не всегда имеют корыстную мотивацию [6].

На сегодняшний день в процессе жизнедеятельности государства сформировался новый круг общественных отношений, требующий повышенного внимания и особой защиты, — законный оборот широкого круга охраняемой информации, нарушая который, специальные субъекты могут причинить значительный ущерб интересам информационной безопасности государства, общества, личности.

Следует согласиться с А. В. Сулопаровым, что необходимость выделения информационных

преступлений продиктована возросшим значением информации и информационных процессов в современном обществе, переживающем переход к стадии информационного общества. При этом автор выделяет дополнительный родовый объект (общий для всех видов информационных преступлений) — это общественные отношения по поводу обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства [7].

Однако выделение автором в качестве объекта преступления общественных отношений по поводу обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства не совсем точно, так как в таком случае объектом преступлений, предусмотренных гл. 16 УК, будет безопасность жизни и здоровья; гл. 17 — безопасность свободы, чести, достоинства; гл. 21 — безопасность отношений собственности и т. д. Однако такое понимание объекта не соответствует установившимся положениям теории уголовного права.

По нашему мнению, объектом информационного преступления следует признать общественные отношения, которые охраняют законный оборот информации (информационный оборот). Нормативного определения информационных преступлений не существует. Так, И. А. Юрченко к информационным преступлениям относит преступления, которые связаны:

- с посягательством на саму информацию;
- распространением «вредной» (вредоносной) информации;

- посягательством на право граждан и иных субъектов на доступ к открытой информации [8].

А. В. Суслопаров информационными преступлениями признает общественно опасные противоправные деяния, причиняющие вред общественным отношениям по обеспечению информационной безопасности, способом совершения которых является информационное воздействие или (и) предметом которых является информация как особый нематериальный объект. Соответственно, выделяются два вида информационных преступлений: преступления, предметом которых является информация, и преступления, способом совершения которых является информационное воздействие [9]. По мнению Л. А. Букалеровой, в информационных преступлениях информация является предметом посягательства или средством их совершения [10].

Обобщив приведенные определения, можно сформулировать следующее: информационные преступления — это виновно совершенные общественно опасные деяния, запрещенные УК, предметом, средством или способом совершения которых является информация.

В этой связи считаем, что признаком информационных преступлений является наличие дополнительного родового объекта в виде общественных отношений, охраняющих законный информационный оборот.

Заметим, что предметом информационных преступлений может являться информация, содержащаяся как на материальном носителе, так и вне его.

Назовем некоторые виды информации, оборот которых регламентирован в уголовном законе: сведения о частной жизни лица, составляющие его личную или семейную тайну (ст. 137 УК); сведения, составляющие коммерческую тайну, налоговую тайну, банковскую тайну (ст. 183 УК); сведения, составляющие государственную тайну (ст. 283 УК); сведения, составляющие журналистскую информацию (ст. 144 УК); документы, удостоверяющие личность потерпевшего (ст. 127.1 и 127.2 УК); документы референдума (ст. 142 УК).

Наряду с предметом наиболее ярко информационные преступления характеризует такой элемент состава преступления, как деяние. Уголовный закон предусматривает различные виды противоправных деяний, предметом или способом совершения которых является информация: собирание сведений (ч. 2 ст. 137 УК); использование сведений (ст. 183 УК); разглашение тайны (ст. 155 УК); экспорт информации (ст. 189 УК); искажение информации (ст. 237 УК); отказ в предоставлении информации (ст. 287 УК); подделка подписей, списка (ст. 142 УК); внесение в официальные документы заведомо ложных сведений (ст. 292 УК); уничтожение документов, удостоверяющих личность потерпевшего (ст. 127.2 УК).

Таким образом, признаком информационных преступлений является то, что их объективная сторона в части деяния и способа совершения преступления может быть представлена различными видами деяний.

На наш взгляд, из всей совокупности информационных преступлений можно выделить те, которые имеют коррупционную направленность. Мы определяем их по следующим признакам: во-первых, по наличию корыстных мотивов, на что есть прямое указание в УК; во-вторых, по использованию должностного (служебного положения); в-третьих, по характеристике субъекта. К таковым, на наш взгляд, на сегодняшний день относятся следующие: ч. 2 ст. 183 «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну»; ст. 292 «Служебный подлог»; ст. 155 «Разглашение тайны усыновления (удочерения)»; ст. 170 «Регистрация незаконных сделок с землей».

Однако ряд иных составов преступлений может иметь коррупционную направленность, но законодатель ее не учел при формулировании нормы.

Помимо таких традиционных форм коррупции, как получение взятки и злоупотребление служебным положением, на наш взгляд, дополнительно можно выделить следующие виды проявления коррупции, не наказуемые в уголовном порядке: использование служебного положения для манипулирования информацией (искажение, непредставление, сокрытие, затягивание сроков выдачи, разглашение, использование, сокрытие, утаивание и т. п.) в целях извлечения личной выгоды и др.

Учитывая положение Федерального закона «О противодействии коррупции», можно дать

определение информационным коррупционным преступлениям. По нашему мнению, таковыми являются преступления коррупционного характера, которые заключаются в незаконном использовании физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, других имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконном предоставлении такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также преступления, в которых информация является предметом посягательства или средством их совершения.

1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. См.: Куликов В. Прокуратура Москвы предъявила заочное обвинение Шамилю Басаеву за организацию террористического акта на Дубровке // РГ. 2003. 23 окт.
3. См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6228.
4. Криминология : учебник для юрид. вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 501.
5. См.: Волженкин Б. В. Коррупция. СПб., 1998.
6. См.: Савенко И. А. Коррупционные преступления и меры их предупреждения: На материалах Краснодарского края : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
7. См.: Сулопаров А. В. Информационные преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009.
8. См.: Юрченко И. А. Понятие и виды информационных преступлений // Российское право в Интернете : сайт. URL : <http://www.rpi.msal.ru/prints/200301ugol1.html> (дата обращения: 07.12.2009).
9. См.: Сулопаров А. В. Указ. соч.
10. См.: Букалерова Л. А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.



УДК 343.36

Б. А. Ринчинов

B. A. Rinchinov

Нарушения требований закона судом, постановившим судебное решение, препятствующие рассмотрению дела судом кассационной инстанции

Violations of the Law Criteria by the Court, that Provided Court Decision and Precluding that this Violations Brings to the Examination of a Criminal Case by the Court of Cassation

В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы, связанные с нарушением требований закона судом, постановившим судебное решение, как препятствие для рассмотрения дела судом кассационной инстанции. Дан анализ судебной практики Верховного Суда РФ по этому вопросу, имеющихся точек зрения на последствия таких нарушений, на пути исправления этих нарушений, а также обоснований предложений по совершенствованию соответствующих уголовно-процессуальных норм.

Нарушения требований закона, препятствующие рассмотрению; возвращение дела; кассационное рассмотрение

The present article is dedicated to the theoretical and practical problems concerned with violations of the law criteria by the court, that provided court decision and precluding that this violations brings to the examination of a criminal case by the court of cassation. The Russian Federation Supreme Court criminal practice linked to the matter of fixing of this violations. The author supports some proposals on perfection of correlated criminal procedures.

Violations of the law criteria; precluding for an examination; returning a case; the basis of an examination made by the Court of Cassation

С соответствии со ст. 375 УПК [1] кассационные жалоба и представление должны содержать: наименование суда кассационной инстанции, в который они подаются; данные о лице, подавшем жалобу или представление, с указанием его процессуального положения, места жительства или места нахождения; указание на приговор или иное решение, которое обжалуется, и наименование суда, его постановившего или вынесшего; доводы лица, подавшего жалобу или представление, с указанием оснований, предусмотренных ст. 379 УПК; перечень прилагаемых к жалобе или представлению материалов; подпись лица, подавшего жалобу или представление.

Если поданные жалоба или представление не соответствуют требованиям ч. 1 настоящей статьи и это препятствует рассмотрению уголовного дела в кассационном порядке, то суд руководствуется ч. 2 ст. 363 УПК. О прекращении кассационного производства суд выносит определение.

В случаях, когда суд кассационной инстанции не обращает должного внимания на качество кассационных жалобы или представления, его решение может быть отменено.

Так, постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 26.04.2006 № 182п06 [2] отменено определение Судебной коллегии по уголов-

ным делам Верховного Суда РФ от 04.12.2003, так как несоответствие поданной жалобы требованиям УПК препятствовало ее рассмотрению в кассационном порядке. Кассационная жалоба от имени Б., имевшаяся в материалах дела, не была подписана, однако кассационная инстанция данную жалобу рассмотрела [3].

При нарушении требований ч. 1 ст. 375 УПК возможны различные ситуации.

При первой ситуации, когда недостатки кассационных жалоб и представлений обнаружены в суде первой или апелляционной инстанции, судьи этих судов возвращают жалобу или представление и назначают срок для их пересоставления. В случае если требования судьи не выполнены и исправленные жалоба или представление в установленный судьей срок не поступили, им выносится постановление о том, что они считаются не поданными.

При второй ситуации недостатки кассационных жалоб и представлений обнаруживаются в суде кассационной инстанции.

В этом случае судебная практика идет двумя различными путями: либо жалоба или представление направляются в суд, вынесший приговор или иное обжалуемое решение и выполняющий действия, предусмотренные первой ситуацией, либо суд кассационной инстанции сам возвращает жалобу или представление с назначением срока для пересоставления. Если в установленный срок требования суда не выполнены, они считаются не поданными, о прекращении кассационного производства суд кассационной инстанции выносит определение.

Однако, если исправленные жалобы и представления поступили вовремя, на основании ч. 1 ст. 355 УПК суд кассационной инстанции вынужден возвращать дело в суд, постановивший приговор и вынесший иное обжалуемое решение, для выполнения требований ст. 358 УПК, так как суд кассационной инстанции не должен возлагать на себя обязанности суда, постановившего приговор или иное судебное решение.

Кроме того, ч. 3 ст. 375 УПК предусматривает прекращение кассационного производства путем вынесения определения, но большинство обжалуемых в кассационном порядке судебных решений выносятся единолично, т. е. предполагают возможность вынесения только постановления судьи.

Э. Ф. Куцова считает, что, если поданная жалоба (представление) не соответствует требованиям, установленным в п. 1—6 ч. 1 ст. 375 УПК, и это препятствует рассмотрению уголовного дела в кассационном порядке, жалоба или представление, а также дело возвращаются судье, кото-

рый назначает срок для ее пересоставления. Поскольку кассационное производство возможно лишь по жалобе или представлению, отвечающим требованиям ст. 375 УПК, если возвращенная судьей для пересоставления жалоба (представление) в установленный срок не поступила или требования судьи не выполнены, она считается не поданной, что влечет вынесение судом кассационной инстанции определения о прекращении кассационного производства [4].

Таким образом, с одной стороны, дело возвращается судье, постановившему обжалуемое решение, с другой — определение о прекращении кассационного производства должен вынести суд второй инстанции, для чего дело нужно будет вновь направлять в этот суд только для вынесения определения.

Обеспечить единство судебной практики, устранить имеющиеся противоречия возможно только путем внесения соответствующих поправок в законодательство, например по аналогии со ст. 341, 342 ГПК [5], ст. 280, 281 АПК [6], когда судья суда первой инстанции (а в уголовном процессе — и судья суда апелляционной инстанции) в случае несоответствия кассационных жалоб или представлений требованиям закона оставляет их без движения, определяет срок для исправления недостатков, возвращает их в случае невыполнения в установленный срок его указаний.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 3 постановления от 23.08.1988 № 5 «О повышении роли судом кассационной инстанции в обеспечении качества рассмотрения уголовных дел» [7] указал, что, если жалоба или представление не соответствуют требованиям ч. 1 ст. 375 УПК и это препятствует рассмотрению дела в кассационном порядке, суд кассационной инстанции возвращает в суд первой инстанции жалобу или представление, а также дело в зависимости от характера допущенного нарушения для выполнения требований ст. 375 и 363 УПК.

Из указанного пункта следовало, что возвращать жалобу или представление лицу, его подавшему, должен суд первой инстанции, который устанавливает срок для пересоставления. При невыполнении требований судьи и непоступлении в установленный судьей срок жалобы или представления суд выносит постановление о прекращении кассационного производства, направляет копии пересоставленных жалоб и представлений сторонам, устанавливает срок для возражений, приобщив поступившие возражения, направляет дело в суд кассационной инстанции.

Недостатком вышеуказанного разъяснения являлось отсутствие указания, что суд кассаци-

онной инстанции возвращает дело не только в суд первой инстанции, но и в суд апелляционной инстанции, так как возврат жалобы или представления, а также дела в суд первой инстанции при обжаловании постановления или приговора суда апелляционной инстанции не имеет законных оснований.

Указанное постановление признано недействующим на территории РФ в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2008 № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» [8], в котором Пленум Верховного Суда РФ обязывает суд кассационной инстанции проверить в период подготовки дела к кассационному рассмотрению, извещены ли стороны в соответствии с требованиями ст. 358 УПК о принесенных жалобах или представлениях и направлены ли их копии осужденному или оправданному, его законному представителю, защитнику, обвинителю, потерпевшему, его законному представителю, представителю и иным лицам, чьи законные интересы затрагивают жалоба или представление, с разъяснением им права подачи возражений в письменном виде с указанием срока их подачи.

По мнению С. А. Ворожцова, несоблюдение вышеуказанных требований является существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Поэтому при изучении дела в суде кассационной инстанции должно быть обязательно проверено, выполнены ли требования ст. 358 УПК. В случае невыполнения данных требований дело подлежит возвращению в суд первой инстанции [9].

В. В. Вандышев считает, что при обнаружении нарушений требований ст. 358 УПК суд кассационной инстанции обязан вернуть дело в нижестоящий суд с требованием об устранении допущенных нарушений [10].

Э. Ф. Куцова полагает, что суд второй инстанции обязан принять меры к устранению нарушений требований ст. 358 УПК [11].

Однако и в постановлении «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций», и в УПК отсутствует указание на то, как должен поступить суд кассационной инстанции, если по поступившему делу установлены нарушения, как относящиеся к нарушениям ч. 1 ст. 375 УПК, так и не относящиеся к ним, но препятствующие рассмотрению дела в кассационном порядке.

Так, судом первой или апелляционной инстанции может быть принята жалоба или пред-

ставление, поданные с пропуском срока на обжалование, в том случае, когда этот срок не восстановлен указанным судом, не все стороны извещены о принесенных жалобах или представлениях, не установлен срок для подачи возражений, а также сторона не ознакомлена с протоколом судебного разбирательства или материалами дела при наличии такого ходатайства, в ознакомлении незаконно отказано, ознакомлена не в полном объеме, не рассмотрены замечания на протокол судебного разбирательства, утрачены значимые для дела процессуальные документы, не приложены видеозаписи следственных действий, приведенные как доказательство в приговоре.

Решение суда кассационной инстанции, рассмотревшей жалобу, поданную по истечении срока на обжалование, подлежит отмене, если срок не был восстановлен судом первой инстанции [12]. Также отменяется и решение суда второй инстанции, если он сам незаконно восстановил срок на обжалование [13].

Э. Ф. Куцова полагает, что суд второй инстанции, удовлетворив жалобу и восстановив кассационный и апелляционный сроки, вправе рассмотреть дело по жалобе или представлению. При этом должны быть соблюдены права, указанные в ч. 1 ст. 358 УПК [14].

Однако соблюдение требований последней статьи возможно при возврате дела в суд, постановивший обжалуемое решение.

Отменялись и решения судов кассационной инстанции при ненадлежащем извещении о принесенных жалобах и неразъяснении права на принесение возражений, неустановлении срока на подачу возражений [15].

Судебная практика идет по пути возврата жалобы, представления или дела в суд первой или апелляционной инстанции для устранения допущенных нарушений [16].

Конституционный Суд РФ указывает, что, закрепляя в п. 12 ч. 4 ст. 47 УПК право обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, федеральный законодатель определяет момент, с которого все материалы уголовного дела становятся доступными для обвиняемого, но не ограничивает возможность его реализации только этим этапом уголовного судопроизводства. Следовательно, данная норма не может расцениваться как препятствующая ознакомлению с материалами уголовного дела в целях реализации обвиняемым права на защиту и на последующих этапах судопроизводства как после поступления дела в суд, так и после вынесения приговора [17].

Руководствуясь этим и рядом других решений Конституционного Суда РФ, Верховный Суд РФ возвратил несколько уголовных дел в Иркутский областной суд в связи с наличием ходатайств осужденных об ознакомлении с материалами дела, поданных после вынесения приговора, но до направления дела в суд кассационной инстанции.

Также уголовные дела были сняты Верховным Судом РФ с кассационного рассмотрения и возвращены в суд, постановивший приговор, так как осужденный не был ознакомлен с кассационными жалобами и дополнениями к жалобам других осужденных [18], потерпевшая не была поставлена в известность о протесте прокурора и жалобах адвокатов, а адвокаты не информировались о жалобе потерпевшей, не было известно точно, извещались ли о протесте и жалобе потерпевшей осужденные [19].

Аналогичное решение судом принято в связи с необоснованным неознакомлением с протоколом судебного заседания [20], нерассмотрением замечаний на протокол судебного заседания [21], направлением уголовного дела с кассационными жалобами, поданными с пропуском установленного срока, утратой значимых для дела процессуальных документов, неприобщением к делу видеозаписей следственных действий, приведенных в приговоре, как доказательств виновности осужденного [22].

О том, что суд кассационной инстанции при пропуске срока обжалования должен решать вопрос о возврате дела в суд первой инстанции, Верховный Суд РФ указывал и в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2004 г.

В то же время судебная практика при таком возврате различна:

- жалобы, представления и уголовные дела возвращаются в суд первой или апелляционной инстанций во время назначенного в соответствии с ч. 2 ст. 376 УПК судебного заседания;

- жалобы, представления, уголовные дела возвращаются в суд первой или апелляционной инстанции до начала рассмотрения дела судом кассационной инстанции сопроводительным письмом судьи кассационной инстанции с извещением участников судебного разбирательства.

Правильным представляется возвращение при обнаружении препятствий перед рассмотрением дела в суде кассационной инстанции жалоб или представлений, дел в суды, вынесшие обжалуемое решение, сопроводительным письмом судьи суда кассационной инстанции.

Так, возвращение жалобы или представления дела во время назначенного в соответствии

с ч. 2 ст. 376 УПК судебного заседания нарушает права сторон, так как решение по существу вынесено быть не может. Участники судебного разбирательства несут расходы по явке на заседание суда кассационной инстанции, а также по доставке находящихся под стражей лиц на заседание суда кассационной инстанции. Процессуальные издержки при повторной явке потерпевших на заседание суда кассационной инстанции могут быть взысканы в порядке ч. 2 ст. 132 УПК с осужденного, что в данном случае также нарушит его права.

В результате анкетирования нами 162 федеральных судей (59 судей субъектов РФ, 103 судей районного звена) установлено, что только 17,3 % судей считают, что кассационные жалобы и представления, поданные с нарушением требований ч. 1 ст. 375 УПК, могут направляться лицу, написавшему жалобу или представление, с установлением срока на исправление недостатков непосредственно судом кассационной инстанции. Такое мнение выразили 8,8 % судей субъектов РФ, 22,9 % судей районного звена.

133 судьи (82,7 %) полагают, что такого права суду кассационной инстанции не предоставлено. Кроме этого, 43,9 % судей субъектов РФ, 69,5 % судей районного звена считали, что кассационные жалобы и представления, поданные с нарушением требований ч. 1 ст. 375 УПК, должны направляться лицу, написавшему жалобу или представление, с установлением срока на исправление недостатков судом, вынесшим обжалуемое судебное решение. Еще 49,1 % судей субъектов РФ, 16,2 % судей районного звена дополнили эту обязанность суда, вынесшего обжалуемое судебное решение, обязанностью суда кассационной инстанции возвратить жалобы и представления в суд, вынесший обжалуемое судебное решение, для устранения недостатков.

С целью устранения имеющихся в уголовно-процессуальном законе противоречий, соблюдения прав участников судебного разбирательства, обеспечения единства судебной практики нами вносятся следующие предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства:

- по ч. 3 ст. 375 УПК: если поданные жалоба или представление не соответствуют требованиям части первой настоящей статьи и это препятствует рассмотрению уголовного дела в кассационном порядке, то суды первой или апелляционной инстанций оставляют их без движения, устанавливая срок для исправления недостатков, возвращают их в случае невыполнения указаний суда в установленный срок;

- по ч. 4 ст. 375 УПК: при обнаружении препятствий к рассмотрению уголовного дела в кассационном порядке судья кассационной инстанции в зависимости от допущенных нарушений возвращает жалобу, представление или дело в суд

первой или апелляционной инстанции для выполнения требований части третьей настоящей статьи либо устранения иных препятствий перед рассмотрением дела судом кассационной инстанции с направлением извещений сторонам.

-
1. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
 2. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
 3. См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26.04.2006 № 182п06 // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
 4. См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И. Л. Петрухин. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2006.
 5. См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
 6. См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
 7. См.: Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам / под ред. В. М. Лебедева. М. : Норма, 2008.
 8. См.: БВС. 2009. № 3.
 9. См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ : практ. пособие / под ред. В. П. Верина. М. : Юрайт-Издат, 2008.
 10. См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко, В. Т. Томина, М. П. Полякова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт-Издат, 2006.
 11. См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И. Л. Петрухин.
 12. См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2004 г. // БВС. 2005. № 4.
 13. См.: Там же.
 14. См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И. Л. Петрухин.
 15. См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ от 07.06.2006, 14.06.2006 // БВС. 2006. № 9.
 16. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации «О нарушениях закона, препятствующих своевременному рассмотрению уголовных дел в кассационной инстанции» // БВС. 2002. № 2.
 17. См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.05.2006. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав пунктом 12 части четвертой статьи 47 и частью третьей статьи 227 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // ВКС. 2006. № 5.
 18. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 1999 г. // БВС. 2000. № 5.
 19. См.: БВС. 2002. № 2. С. 23.
 20. См.: Там же.
 21. См.: Обзор практики вынесения Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации частных определений при рассмотрении уголовных дел в кассационном и надзорном порядке в 1996—1997 гг. // БВС. 1999. № 4. С. 24.
 22. См.: БВС. 2002. № 2. С. 23.

**Особенности рассмотрения судами споров,
обусловленных увольнением работников
в связи с их несоответствием занимаемой должности**

**Features of Consideration by Courts
of the Disputes Connected with Dismissal of Workers
in Connection with Their Discrepancy**

В представленной статье анализируются особенности, учитываемые судебными инстанциями при рассмотрении каждого конкретного иска, связанного с увольнением работников из-за их несоответствием занимаемой должности.

In this article author show features of consideration by courts of the disputes connected with dismissal of workers in connection with their discrepancy.

Увольнение; работник; должность; несоответствие; суд; спор; рассмотрение

Discharge; worker; position; discrepancy; court; dispute; consideration

В настоящее время количество судебных разбирательств по трудовым спорам неизменно возрастает, при этом наиболее значительную часть дел составляют споры о восстановлении на работе сотрудников, уволенных по инициативе работодателя.

Каждое из оснований прекращения трудового договора по волеизъявлению администрации предприятия требует особого осмысления как с научно-теоретической, так и с практической точки зрения с тем, чтобы выработать общие особенности, учитываемые судебными инстанциями при рассмотрении каждого конкретного иска.

Понятие «несоответствие занимаемой должности или выполняемой работе» является традиционным для отечественного законодательства. Так, в частности, п. 2 ст. 33 КЗоТ 1971 г. [1] предусматривал право работодателя уволить своего работника по данному основанию. При этом закон

определял две причины, влекущие несоответствие работника занимаемой им должности:

- недостаточная квалификация;
- состояние здоровья, препятствующее выполнению трудовой функции.

Формулировка ранее действовавшего КЗоТа не была совершенной и порождала значительные трудности в судебной практике. В частности, неопределенность вызывал вопрос о том, каким образом определять факт невозможности исполнения работником своих должностных обязанностей по состоянию здоровья.

Так, например, А., заведующая складом горюче-смазочных материалов, была уволена по состоянию здоровья. Оспаривая увольнение, истица утверждала в исковом заявлении и в судебном заседании, что она практически здорова, в течение длительного времени перед увольнением не имела ни одного листа нетрудоспо-

способности, со своими трудовыми обязанностями справлялась.

Решением Липецкого районного народного суда, оставленным без изменения Судебной коллегией по гражданским делам Липецкого областного суда, в удовлетворении иска А. отказано. Обосновано это, в частности, ссылкой на заключение эксперта о том, что А. противопоказано по состоянию здоровья работать в непосредственном контакте с горюче-смазочными и лакокрасочными материалами.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу решение и определение, а дело направила на новое рассмотрение для тщательной проверки доводов истицы. При этом обращено внимание на то, что заключение эксперта не отвечает требованиям, предусмотренным ст. 77 ГПК, поскольку не содержит описания произведенных исследований. В результате было сделано заключение о непригодности А. по состоянию здоровья к выполнению служебных обязанностей [2].

Не было ясности и с вопросом несоответствия занимаемой должности в связи с недостаточной квалификацией, так как не определялись виды и формы проявления недостаточности квалификации работы, что явилось бы основанием для прекращения трудового договора. Нормативные правовые акты не содержали перечня фактов, свидетельствующих о низком уровне квалификации. В научных комментариях специалистами делались попытки конкретизации данной нормы. В частности, В. В. Глазырин указывал: «Недостаточная квалификация должна быть подтверждена соответствующими объективными данными (например, справками о невыполнении норм труда без уважительных причин, актами о выпуске брака, несвоевременном и недоброкачественном выполнении заданий работодателя, ошибках в процессе работы и т. д.)» [3].

Верховный Суд РФ в целях устранения проблем в правоприменительной практике в постановлении Пленума от 22.12.1992 № 16 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров» [4] установил, что недопустимо увольнение по п. 2 ст. 33 КЗоТа по мотивам недостаточной квалификации работников, не имеющих необходимого производственного опыта в связи с непродолжительностью трудового стажа, а также по мотиву отсутствия специального образования, если оно, согласно закону, не является обязательным условием при заключении трудового договора [5]. При этом выводы аттестационной комиссии о деловых качествах работ-

ника, согласно данному постановлению, подлежали оценке в совокупности с другими доказательствами по делу.

Следует отметить, что одним из проблемных обстоятельств на этапе действия КЗоТа было и то, что подзаконные акты нередко устанавливали дополнительные требования к замещению определенных должностей или выполнению каких-либо работ. Однако не всегда данные требования могли стать основанием для увольнения по п. 2 ст. 33 КЗоТа, степень их обоснованности должна была выясняться судом при разбирательстве, что влекло за собой противоречия в правоприменительной практике.

Проблемы и недостатки КЗоТа были учтены при разработке ТК 2001 г. [6], в котором аналогичная норма была изложена по-иному.

Статья 81 ТК в п. 3 предусмотрела в качестве основания расторжения трудового договора по инициативе работодателя несоответствие работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие:

- состояния здоровья в соответствии с медицинским заключением;
- недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации.

Таким образом, законодательство, как и ранее, предусмотрело два самостоятельных основания увольнения по причине несоответствия работника предъявляемым к нему требованиям, однако дополнительно получила законодательное закрепление доказательственная база, обосновывающая прекращение правоотношений между работником и работодателем.

Исходя из данного нововведения в трудовое законодательство в судах при рассмотрении дел об оспаривании увольнения по п. 3 ст. 81 ТК важнейшее значение приобрел анализ в ходе судебного разбирательства обоснованности заключений об аттестации уволенных работников, а также медицинских заключений, послуживших причиной прекращения трудового договора с работодателем.

При этом в рамках рассмотрения спора со стороны работодателя главным стало доказывание юридической состоятельности акта, являвшегося причиной увольнения. И если медицинское заключение представляет собой документ, ответственность за который, как правило, несут специализированные учреждения, не выступающие в отношениях с работником в качестве стороны по договору, то законность увольнения по результатам аттестации в полной мере зависит от правильности оформления работы аттестационной комиссией.

В частности, в судебной практике необоснованным признавалось увольнение по абз. «б» п. 3 ст. 81 ТК в связи с тем, что состав аттестационной структуры не соответствовал требованиям, определенным нормативными правовыми актами, регулирующими порядок аттестации данной категории сотрудников. Сложности возникали в спорах об освобождении от должностей государственных служащих различных категорий.

Несмотря на то что ТК во многом снял противоречия, возникавшие в судебной практике, законодатель продолжил работу по совершенствованию нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу отношений между работником и работодателем.

С 6 октября 2006 г. ряд существенных изменений, внесенных в ТК, затронул также и вопросы увольнения в связи с несоответствием работника занимаемой должности или выполняемой работе. Пункт 3 ч. 1 ст. 81 ТК установил, что увольнение в связи с несоответствием занимаемой должности допускается только вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации. С этого момента увольнение в связи с невозможностью исполнения трудовой функции по медицинским показаниям невозможно.

Вместе с этим в новой редакции ТК более развернуто раскрываются порядок и основания перевода работника на другую работу по медицинским показаниям. В случае отказа работника от перевода на другую работу при невозможности исполнения им собственных трудовых обязанностей по состоянию здоровья работодатель вправе прекратить с ним трудовые отношения по собственной инициативе. Такие же последствия предусмотрены в ситуации, когда предоставить иную работу, соответствующую медицинским показаниям работника, работодатель не в состоянии. Вместе с тем данное основание прекращения трудового договора установлено в п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК, которая определяет общие основания расторжения трудовых отношений, акцентируя внимание на том, что увольнение производится не в силу волеизъявления работодателя, а в первую очередь по объективным причинам — по состоянию здоровья работника.

Верховный Суд РФ в постановлении «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» конкретизировал, что прекращение трудовых отношений с работником по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК возможно в случае, если выполняемая работником работа ему прямо противопоказана либо опасна для коллектива работников или обслуживаемых им граждан, а от другой работы он отказался либо другие должности отсутствуют у работодателя.

Таким образом, единственным признаком несоответствия работника занимаемой им должности или выполняемой работе в ныне действующем законодательстве является конкретное решение аттестационной комиссии.

В соответствии с федеральными законами аттестации подлежат:

- прокурорские работники;
- педагогические и руководящие работники государственных и муниципальных образовательных учреждений;
- работники объектов космической инфраструктуры;
- работники библиотек;
- государственные служащие;
- спасатели;
- руководители и исполнители работ, специалисты служб производственного контроля, а также другие лица, постоянно или временно выполняющие работы с источниками ионизирующего излучения;
- работники, занятые на объектах по хранению, перевозке и уничтожению химического оружия;
- сотрудники таможенных органов;
- работники, занятые в области промышленной безопасности;
- судебные приставы;
- муниципальные служащие;
- специалисты, занятые в сфере обращения лекарственных средств;
- должностные лица и работники организаций, деятельность которых связана с производством, хранением, транспортировкой и реализацией пищевых продуктов и питьевой воды, воспитанием и обучением детей, коммунальным и бытовым обслуживанием населения;
- эксперты государственных судебно-экспертных учреждений.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 16.03.2000 № 234 «О порядке заключения контрактов и аттестации руководителей федеральных государственных унитарных предприятий» [7] один раз в три года проводится аттестация руководителей федеральных государственных унитарных предприятий.

Аттестация работников может быть проведена работодателем и в том случае, если она не является обязательной в соответствии с федеральным законом или иным нормативным правовым актом, но ее проведение предусмотрено локальным нормативным актом организации. В этом случае аттестация должна производиться по общим правилам, которые были установлены ранее актами бывшего СССР. Одним из таких актов является, на-

пример, Положение о порядке проведения аттестации руководящих, инженерно-технических работников и других специалистов предприятий и организаций промышленности, строительства, сельского хозяйства, транспорта и связи, утвержденное постановлением ГКНТ СССР и Госкомтруда СССР от 05.10.1973 № 470/267 [8].

С учетом того обстоятельства, что труд значительной части вышеперечисленных работников регулируется нормами специального законодательства, при рассмотрении споров в судебных инстанциях применяют нормативные документы, устанавливающие порядок увольнения отдельных категорий служащих.

-
1. См.: Закон РСФСР от 09.12.1971 «Об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР» // СЗ РСФСР. 1988. Т. 2. С. 123.
 2. См.: БВС. 1992. № 1. Ст. 2.
 3. Комментарий к Кодексу законов о труде РФ / под ред. В. И. Шкатулы. М. : Инфра-М, 2000. С. 76.
 4. См.: БВС. 1993. № 3.
 5. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // РГ. 2004. 8 апр.
 6. См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3.
 7. См.: СЗ РФ. 2000. № 13. Ст. 1373.
 8. См.: БНА. 1974. № 1.



УДК 349.2

В. Ф. Цитульский
V. F. Tsitulsky

К 90-летию Кодекса законов о труде Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1918 года

To 90th anniversary of the Russian Soviet Federative Union Republic Labour Law Code of 1918

Настоящая статья посвящена 90-летию со дня принятия первого российского Кодекса законов о труде, который разрабатывался комиссией в составе наркоматов труда и юстиции, профсоюзов и других государственных органов. В 1921 г. начался период нэпа, что явилось причиной принятия нового КЗоТа, регулировавшего трудовые отношения в РСФСР 50 лет.

РСФСР; трудовое право; история трудового права России; КЗоТ 1918 г.

In December 2009 there was 90 years from the day of adoption of the first Russian Labour Law Code. It was developed by a Commission consisting of People's commissariats of labour and jurisdiction, trade union and other government agencies. The Labour Code consists of an introduction, 137 articles, organized into 9 sections, and 5 amendments. The year of 1921 was the beginning of New Economic Policy, which was the cause of the new cod adoption, regulating labor relations in the RSFUR for 50 years.

Russian Soviet Federative Union Republic; labour law history of the Russian; labour law RSGUR; Labour Law Code of 1918

В декабре 2008 г. исполнилось 90 лет со дня принятия первого российского КЗоТа [1]. Его принятие подвело итог целому историческому периоду деятельности Советского государства в области социалистической организации труда. Хронологически этот период невелик — он охватывает всего лишь один год. Однако в это время было проведено огромное количество имеющих всемирное историческое значение мероприятий по социалистической организации труда рабочих.

Кодекс законов о труде разрабатывался особой Комиссией Наркомтруда с участием представителей Наркомюста. В конце сентября 1918 г. Комиссия обсудила проект КЗоТа постатейно и передала его для ознакомления во ВЦИК. 4 октября на заседании ВЦИК был заслушан док-

лад о проекте КЗоТа и было принято постановление о принятии предложенного проекта за основу и передаче его для окончательной разработки в смешанную комиссию из представителей ВЦИК, комиссариатов труда, юстиции, ВСПС и ВСНХ. Таким образом, к разработке КЗоТа были привлечены представители не только различных органов советской власти, но и профсоюзов. Разработка и обсуждение проекта КЗоТа проходили при непосредственном участии В. И. Ленина, который, будучи юристом по образованию, оценивал первый КЗоТ как огромное достижение советской власти. Окончательно КЗоТ был принят на заседании ВЦИК 10 декабря 1918 г.

Кодекс законов о труде состоял из введения, 137 статей, систематизированных в девяти разделах, и пяти приложений (к ст. 5, 78, 79, 80 и 104).

Во введении КЗоТа провозглашалось, что его действие распространяется на лиц, работающих по найму во всех секторах хозяйства (государственном, кооперативном, частном), а также на частных лиц, применявших чужой труд за вознаграждение. Согласно ст. 4 введения объявлялись недействительными все соглашения о труде, как ранее состоявшиеся, так и впредь заключаемые, если они противоречат положениям КЗоТа. Условия труда в коммунальных хозяйствах (сельскохозяйственных и иных коммунах) регламентировались в соответствии со ст. 6 введения особыми постановлениями ВЦИК, СНК и наркоматов земледелия и труда.

В разделах «О трудовой повинности» и «Право на применение труда» выражены принципы всеобщности труда («не трудящийся да не ест») и права на труд, наиболее полно раскрывающие сущность пролетарского государства, а также качественно новый тип законодательства о труде. В ст. 1 было закреплено, что трудовая повинность устанавливается для всех граждан РСФСР. Однако трудовой повинности вовсе не подлежали лица, не достигшие 16-летнего возраста, лица старше 50 лет и лица, навсегда утратившие трудоспособность вследствие увечья или болезни.

Раздел III «Порядок предоставления труда» регламентировал процедуру трудоустройства. В частности, в ст. 15 говорилось, что «осуществление права на труд обеспечивается Отделами распределения рабочей силы, профессиональными союзами и всеми учреждениями РСФСР». Привлечение трудящихся к работе совершалось через отделы распределения рабочей силы, а помимо них — только в случае приглашения лица на работу по выбору соответствующего советского учреждения или предприятия. Выборный порядок применялся лишь при предоставлении работы, требующей политического доверия или редких, специальных знаний, связанных с личностью приглашаемого.

В разд. IV «О предварительном испытании» регламентировалась процедура принятия работника с испытательным сроком с целью проверки его профессиональных качеств. Так, в ст. 32 указывалось, что при длительном характере работ окончательному принятию на работу «предшествует испытание не более 6 дней для рабочих, а в советских учреждениях двухнедельное для неквалифицированных и менее ответственных видов труда и месячное для квалифицированных и ответственных». В зависимости от результатов испытания производилось либо окончательное принятие трудящегося на работу, либо отчисление его с уплатой вознаграждения за время испытания по тарифным ставкам. До истечения срока предва-

рительного испытания трудящийся считался безработным и за ним сохранялась очередь в отделе распределения рабочей силы.

Раздел V «О переводе и увольнении трудящихся» регламентировал возможные случаи перевода на другую работу и основания прекращения трудовых отношений с работником. В частности, перевод на другую работу в пределах того же места работы производился по постановлению органа управления предприятия или учреждения, где трудящийся работал. Если же речь шла о переводе в другое учреждение, предприятие или хозяйство, расположенное в той же или иной местности, то решение принималось соответствующим органом управления только с ведома отдела распределения рабочей силы. Решение о переводе можно было обжаловать в местный или областной отдел труда и Наркомтруд. Для исполнения «срочных общественно необходимых работ» областные отделы труда могли по соглашению с соответствующими профсоюзами и с утверждения Наркомтруда переводить целые группы трудящихся из организации, где они работали, в другую организацию, расположенную в той же или иной местности. Увольнение трудящегося с работы допускалось в следующих случаях: вследствие полной или частичной ликвидации данного учреждения, предприятия или хозяйства либо при упразднении отдельных обязанностей или работ; вследствие приостановки работ на срок более месяца; вследствие истечения срока или выполнения работы, если работа носила временный характер; в случае явной непригодности к работе по специальному постановлению органов управления предприятием, учреждением или хозяйством с согласия соответствующего профсоюза; по желанию самого трудящегося. О предстоящем увольнении работник предупреждался за две недели, и одновременно об этом ставился в известность местный отдел распределения рабочей силы. Решение об увольнении могло быть обжаловано в местный отдел труда. Последней инстанцией по спорным вопросам, решение которой было окончательным, являлся областной отдел труда.

Раздел VI «О вознаграждении за труд» посвящен правовому регулированию оплаты труда. Размер вознаграждения, подробные условия и порядок выплаты заработной платы определялись тарифами, принимаемыми отдельно для каждой профессиональной группы. Все трудящиеся данной профессии распределялись по группам и категориям, и для каждой из них устанавливался определенный размер вознаграждения, который не мог быть ниже прожиточного минимума, установленного Наркомтрудом для населения каждой местности.

При установлении размера вознаграждения для каждой группы и категории принимались во внимание тяжесть труда, опасность условий, в которых он производился, сложность производимой работы, требуемая для ее выполнения, степень обученности и опыта. Вознаграждение каждого трудящегося определялось зачислением его в конкретную группу и категорию. Распределение по группам и категориям в пределах каждой отрасли производилось специальными расценочными комиссиями, образуемыми при соответствующих профорганизациях. Порядок их деятельности определялся Наркомтрудом.

Тарифное положение назначало размер вознаграждения за работу в течение полного рабочего дня или за сдельные работы, а также за сверхурочные работы. Вознаграждение за сдельные работы обуславливалось расчетом поденной тарифной платы, разделенной на количество предметов, являющихся нормой выработки. Размер вознаграждения за сверхурочные работы не мог быть выше полуторного размера нормального вознаграждения.

На период болезни работника причитающееся ему вознаграждение выдавалось в форме пособия, уплачиваемого больничными кассами. Безработные получали пособие из фонда безработных. Каждый трудящийся обязан был иметь трудовую книжку, в которую заносятся отметки о произведенных им работах и полученных вознаграждениях и пособиях.

Правовые нормы разд. VII «О рабочем времени» регулировали как рабочее время, так и время отдыха. Было закреплено общее положение, согласно которому «нормальным рабочим временем признается время, установленное для производства данной работы тарифным положением». Продолжительность нормального рабочего времени каждого трудящегося не могло превышать восьми дневных или семи ночных часов. Для лиц, не достигших 18-летнего возраста, а также для всех тех, кто был занят в отраслях труда, особо тяжелых и неблагоприятных для здоровья, устанавливался шестичасовой рабочий день. Время обеденного перерыва в рабочее время не включалось. Перерыв на обед мог быть назначен не позднее чем через четыре часа после начала работы, а продолжительность его не могла быть меньше получаса и больше двух часов. Для работниц, кормящих ребенка грудью, вводились дополнительные перерывы на полчаса и более через каждые три часа. Во время перерыва трудящиеся могли отлучаться с мест работы.

Сверхурочные работы допускались лишь в исключительных случаях (например, для ремонт-

та освещения, водоснабжения, транспорта и т. д.). К ним относились и работы, «необходимые для предотвращения общественных бедствий и опасностей, грозящих существованию Советского строя». Сверхурочные работы допускались только с согласия соответствующего профсоюза и решения местной инспекции труда. К производству сверхурочных работ не допускались лица женского пола, а также мужчины, не достигшие 18-летнего возраста. Время, потраченное каждым трудящимся на производство сверхурочной работы в течение двух суток подряд, не должно было превышать четырех часов. Производство работ для возмещения времени, потерянного вследствие опоздания трудящегося на работу, не допускалось. О каждой сверхурочной работе делалась запись в трудовой книжке с указанием размера вознаграждения, полученного работником. Общее количество дней, когда в отделениях предприятий, учреждений или хозяйств производятся сверхурочные работы, не должно было превышать 50 дней в течение года.

Всем трудящимся предоставлялся еженедельный непрерывный отдых продолжительностью не менее 42 часов. Накануне дней отдыха обычный рабочий день всех трудящихся сокращался на два часа. Однако это правило не распространялось на учреждения и предприятия, где продолжительность рабочего дня не превышала шести часов. Лицам, проработавшим непрерывно не менее шести месяцев, независимо от того, производилась ли работа в одном и том же или в различных предприятиях, учреждениях, хозяйствах, предоставлялся двухнедельный отпуск, а проработавшим непрерывно не менее одного года — месячный. Время, порядок и очередь пользования отпусками устанавливались по соглашению между администрацией и органами самоуправления трудящихся. Производство платных работ во время отпуска воспрещалось.

Предписания разд. VIII «Об обеспечении надлежащей производительности труда» были посвящены нормам выработки, нормальной производительности труда и правилам внутреннего распорядка. Законодатель исходил из того, что каждый трудящийся в течение полного рабочего дня и при нормальных условиях труда должен выполнить количество работы не меньше нормы выработки, установленной для категории и группы, в которую он зачислен. Нормальными условиями признавались: исправное состояние машин, станков и приспособлений; своевременная подача материалов и инструментов, необходимых для выполнения работы; надлежащее качество материалов и инструментов; надлежащее гигиениче-

ское и санитарное оборудование помещения, где производится работа.

Установление норм выработки для трудящихся каждой профессии и определение норм выработки для трудящихся отдельных групп и категорий производилось расценочными комиссиями при соответствующих профорганизациях. Определяя нормы выработки, эта комиссия принимала во внимание количество изделий, вырабатываемое обычно трудящимися данной профессии, группы, категории в течение нормального рабочего дня и при нормальных технических условиях. Установленные нормы выработки утверждались соответствующим отделом труда при участии Совнархоза. Наркомтруду и ВСНХ предоставлялось право в исключительных случаях объявлять об общем понижении или повышении норм выработки и производительности для всех трудящихся и для всех предприятий, учреждений, хозяйств определенного региона.

Раздел IX «Об охране труда» был посвящен охране жизни, здоровья и труда лиц, занятых какой бы то ни было хозяйственной деятельностью, возлагаемой на инспекцию труда, технических инспекторов и представителей санитарного надзора. Инспекция труда находилась в ведении Наркомтруда и его местных органов (отделов труда) и состояла из инспекторов, избравшихся советами профсоюзов.

Для наблюдения за точным применением и исполнением распоряжений, правил и обязатель-

ных постановлений по технике безопасности вводился институт технических инспекторов, назначаемых местными отделами труда из числа специалистов-техников. Деятельность органов санитарного надзора определялась указаниями, исходящими из Наркомздрава и согласованными с Наркомтрудом.

То обстоятельство, что по своей структуре первый в России КЗоТ на первое место поставил именно всеобщую трудовую повинность, регламентированную, как уже отмечалось, разд. I, обусловлено тем, что правовое регулирование трудовых отношений в молодом Советском государстве формировалось в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции. Эти чрезвычайные условия, в свою очередь, требовали в качестве крайней, но временной меры введения всеобщей трудовой мобилизации с целью укрепления обороноспособности страны.

В 1921 г. начался период нэпа, что явилось причиной принятия КЗоТа 1922 г. [2], регулировавшего трудовые отношения в РСФСР 50 лет. На смену ему пришел КЗоТ 1972 г. [3], значительно расширивший социальные гарантии российских наемных работников по сравнению с прежним законодательством.

Вступивший в силу с 1 февраля 2002 г. ТК [4] воплотил в себе отдельные принципы и нормы действовавших ранее КЗоТов РСФСР.

1. См.: Кодекс законов о труде 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 87—88. Ст. 905.

2. См.: Постановление ВЦИК от 09.11.1922 «О введении в действие Кодекса законов о Труде Р. С. Ф. С. Р. изд. 1922 г.» // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

3. См.: Закон РСФСР от 09.12.1971 «Об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР» // СЗ РСФСР. 1988. Т. 2. С. 123.

4. См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3.

Сокращения, принятые в издании

- БВС** — Бюллетень Верховного Суда
- БНА** — Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти
- ВВАС** — Вестник Высшего Арбитражного Суда
- ВКС** — Вестник Конституционного Суда
- ВВП** — валовой внутренний продукт
- ВСНХ** — Высший совет народного хозяйства
- ВСС** — Всероссийский союз страховщиков
- ВТО** — Всемирная торговая организация
- ВЦИК** — Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ВЦСПС** — Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
- га** — гектар (-ы)
- ГКНТ** — Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике
- Госкомтруд** — Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы
- Государственная Дума** — Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
- ЕГРЮЛ** — Единый государственный реестр юридических лиц
- ЕС** — Европейский Союз
- ЗАГС** — запись актов гражданского состояния
- КПРФ** — Коммунистическая партия Российской Федерации
- ЛПМ** — лечебно производственные (трудовые) мастерские
- Минюст России** — Министерство юстиции Российской Федерации
- МОТ** — Международная организация труда
- Наркомздрав** — Народный комиссариат здравоохранения
- Наркомтруд** — Народный комиссариат труда
- Наркомфин** — Народный комиссариат финансов
- Наркомюст** — Народный комиссариат юстиции
- НДС** — налог на добавленную стоимость
- ОВИР** — отдел виз и регистраций
- ПФР** — Пенсионный фонд России
- РГ** — Российская газета
- Росимущество** — Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом
- Росстрахнадзор** — Федеральная служба страхового надзора
- РСФСР** — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- РФ** — Российская Федерация
- САПП РФ** — Собрание актов Президента РФ и Правительства РФ
- СБСЕ** — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе
- СЗ** — Свод законов
- СМИ** — средства массовой информации
- СНГ** — Содружество Независимых Государств
- СНК** — Совет Народных Комиссаров
- Совет Федерации** — Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
- Совнархоз** — Совет народного хозяйства
- СССР** — Союз Советских Социалистических Республик
- СУ** — Собрание узаконений
- США** — Соединенные Штаты Америки
- т** — тонна (-ы)
- УИС** — уголовно-исполнительная система
- УПМ** — учебно-производственные мастерские
- ФАС России** — Федеральная антимонопольная служба
- ФСИН России** — Федеральная служба исполнения наказания
- ЦИК** — Центральный Исполнительный Комитет
- ЦИК России** — Центральная избирательная комиссия Российской Федерации
- ЦТАО** — центры трудовой адаптации осужденных

Наши авторы

Азаров Михаил Сергеевич — аспирант кафедры информационного права, информатики и математики РПА Минюста России (г. Москва), bk_01@mail.ru

Айнулина Эльмира Илдусовна — соискатель кафедры гражданского права и гражданского процесса МГЮА (г. Москва), ainulina@rambler.ru

Александров Андрей Николаевич — соискатель кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России (г. Москва), alexandrov14@mail.ru

Архипов Илья Юрьевич — аспирант кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России (г. Москва), Arhipich85@mail.ru

Батова Светлана Александровна — доцент кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), kafedra_teorii@list.ru

Букалерева Людмила Александровна — профессор кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, доктор юридических наук, доцент (г. Москва), l_a_buka@mail.ru

Ерофеева Диана Валерьевна — юрисконсульт российской авиационной группы компаний S7 (ЗАО «Группа компаний С 7»), доцент кафедры права Российского государственного университета инновационных технологий и предпринимательства, кандидат юридических наук (г. Москва), gata.romana@gmail.com

Зубенко Оксана Михайловна — аспирант кафедры трудового права и права социального

обеспечения РПА Минюста России (г. Москва), lovezara@yandex.ru

Карлагин Олег Николаевич — советник председателя Совета Центросоюза Российской Федерации (г. Москва), okarlagin@mail.ru

Кирпичев Александр Евгеньевич — юрисконсульт муниципалитета внутригородского муниципального образования Раменки в городе Москве (г. Москва), brickswall@yandex.ru

Прок Мария Александровна — аспирант кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России (г. Тюмень), prok_maria.78@mail.ru

Протасов Валерий Николаевич — профессор кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России, доктор юридических наук (г. Москва), dexter7@list.ru

Ринчинов Баир Александрович — судья Иркутского областного суда (г. Иркутск), rinchinov.bair@yandex.ru

Рябова Елена Валерьевна — преподаватель кафедры финансового права РПА Минюста России (г. Москва), finlawr1a@rambler.ru

Сиваченко Александр Николаевич — аспирант кафедры конституционного и муниципального права РПА Минюста России (г. Москва), no_alias@mail.ru

Скобликова Екатерина Леонидовна — аспирант кафедры адвокатуры и нотариата РПА Минюста России (г. Москва), esl4432@rambler.ru

Тютерева Наталия Николаевна — аспирант кафедры аграрного и экологического права МГЮА, преподаватель кафедры аграрного и экологического права МГЮА (филиал МГЮА в г. Вологде) (г. Вологда), atasha_nnt81@mail.ru

Устьев Леонид Геннадьевич — адвокат Московской областной коллегии адвокатов (г. Москва), Ustyev@yandex.ru

Цветкова Марина Васильевна — аспирант кафедры гражданского права РПА Минюста России (г. Раменское), tsvetkovamv@gmail.com

Цитильский Валерий Филиппович — доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), ktp-rpa@mail.ru

Цыганаш Вадим Николаевич — заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Ростовского юридического института РПА Минюста России, докторант кафедры уголовно-процессуального права и криминологии РПА Минюста России, кандидат педагогических наук (г. Ростов-на-Дону), Tsiganash@mail.ru

Our Authors

Ainullina Elmira Ildusovna — the post-graduate of the Civil Law and Civil Process Chair of the Moscow State Industrial University (Moscow), ainulina@rambler.ru

Alexandrov Andrey Nikolaevich — the post-graduate of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), alexandrov14@mail.ru

Arhipov Ilya Yurievich — the post-graduate of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), Arhipich85@mail.ru

Azarov Mikhail Sergeevich — the post-graduate of the Informatic Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), bk_01@mail.ru

Batova Svetlana Alexandrovna — the assistant professor of the Theory and History of the State and the Right Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), kafedra_teorii@list.ru

Bukaleroва Lyudmila Alexandrovna — the professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of law (Moscow), l_a_buka@mail.ru

Erofeeva DianaValerievna — the assistant professor of the Sub-faculty of State Theory and History in Russian State University, PhD in law, the legal adviser of Russian aviation group of companies S7 (CJSC "S7 Group") (Moscow), gata.romana@gmail.com

Karlagin Oleg Nikolaevich — the adviser of Chairman of the Council of Tsentrosojuz of the Russian Federation (Moscow), okarlagin@mail.ru

Kirpichyov Alexandr Evgenievich — the legal adviser of the local administration of the intra-city municipality Ramenki in Moscow (Moscow), brickswall@yandex.ru

Prok Maria Alexandrovna — the post-graduate of the Theory and History of the State and the Right Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Tyumen), prok_maria.78@mail.ru

Protasov Valery Nikolaevich — the professor of the Theory and History of State and Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of law (Moscow), dexter7@list.ru

Rinchinov Bair Alexandrovich — the judge of Irkutsk region court (Irkutsk), rinchinov.bair@yandex.ru

Ryabova Elena Valerievna — the teacher of the Financial Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), finlawrla@rambler.ru

Sivachenko Alexander Nikolaevich — the post-graduate of the Constitutional and Municipal Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), no_alias@mail.ru

Skoblikova Ekaterina Leonidovna — the post-graduate of the Legal Profession and Notaries Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of

Justice of the Russian Federation (Moscow),
esl4432@rambler.ru

Tsiganash Vadim Nikolaevich — the head of the chair of the Rostov Legal Institute (the Branch of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), the post-graduate of the Criminal Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in pedagogical (Rostov-na-Donu), Tsiganash@mail.ru

Tsitulsky Valery Filippovich — the assistant professor lecturer of the Industrial (Labour) Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD (Moscow), ktp-rpa@mail.ru

Tsvetkova Marina Vasilievna — the post-graduate of the Civil Law Chair of the Russian

Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Ramenskoe),
tsvetkovamv@gmail.com

Tyutereva Natalia Nikolaevna — the post-graduate of the Agricultural and Ecology Law Chair of the Moscow State Law Academy, the teacher of the Agricultural and Ecology Law Chair of the Vologda branch of the Moscow State Law Academy (Vologda), Natasha_nnt81@mail.ru

Zubenko Oxana Mikhailovna — the post-graduate of the Industrial (Labour) Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), lovezara@yandex.ru

Ustiev Leonid Gennadievich — the lawyer of the Moscow regional Bar (Moscow), Ustiev@yandex.ru

Вышли из печати

Мальков, Б. Н.

Философия : курс лекций для подготовки бакалавров и поступающих в аспирантуру по юридическим специальностям / Б. Н. Мальков, М. Г. Марюшкин, Г. А. Торгашев ; под ред. д-ра философ. наук, проф. Б. Н. Малькова ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2009. — 225 с. — 350 экз. — ISBN 978-5-89172-156-2.

Содержание курса лекций соответствует требованиям Государственного образовательного стандарта по специальности «Юриспруденция». Рассмотрены предмет философии, ее структура, исторические этапы становления и развития, философские учения о бытии, проблемы познания, сущности человека и общества, закономерности и тенденции эволюции человечества. Изложение основных проблем философии сопровождается рассмотрением философских аспектов юриспруденции. Представлены история философско-правовых идей, проблематика бытия права, его сущности, ценностной природы, методологии правовой деятельности. Пособие включает указатель терминов, персоналии, библиографический список.

Материал рассчитан на подготовку бакалавров и поступающих в аспирантуру по направлению юриспруденция.

Чефранова, Е. А.

Обращение взыскания на заложенное имущество по исполнительной надписи нотариуса : учеб. пособие / Е. А. Чефранова ; РПА Минюста России, 2009. — 72 с. — 200 экз. — ISBN 978-5-89172-160-9.

Учебное пособие разработано с учетом особенностей подготовки слушателей курсов, проходящих обучение на факультете повышения квалификации РПА Минюста России.

Учебное пособие раскрывает вопросы процедур обращения взыскания на заложенное имущество, является вспомогательным материалом, который может быть использован при чтении лекций и проведении практических занятий, прохождении курсов повышения квалификации нотариусов. Пособие может быть использовано в процессе преподавания соответствующих дисциплин студентам, обучающимся по специальности 030501.65 «Юриспруденция», с учетом специфики преподавания на юридическом факультете. Для нотариусов, слушателей курсов повышения квалификации и студентов высших учебных заведений.

Илюшина, М. Н.

Нотариальная деятельность при отчуждении долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью : учеб. пособие / М. Н. Илюшина, А. А. Александрова ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2009. — 50 с. — 100 экз. — ISBN 978-5-89172-169-2.

В учебном пособии рассматриваются основные вопросы, возникающие при отчуждении долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью. Учебное пособие является вспомогательным материалом, который может быть использован при чтении лекций и проведении практических занятий, прохождении курсов повышения квалификации специалистов нотариата, осуществляющих нотариальные действия по отчуждению долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, а также в процессе преподавания соответствующих дисциплин студентам, обучающимся по специальности 030501.65 «Юриспруденция».

Учебное пособие предназначено для слушателей повышения квалификации и специалистов, осуществляющих нотариальные действия по отчуждению долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, а также студентов очной, очно-заочной, заочной форм обучения.

Правила приема и требования, предъявляемые к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»

Приглашая к сотрудничеству, обращаем внимание авторов на то, что к рассмотрению для публикации в журнале «Вестник Российской правовой академии» принимаются рукописи в случае: 1) соблюдения Порядка рецензирования рукописей, поступающих в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»; 2) соответствия представленных материалов общей тематике журнала, актуальности и научной новизне; 3) соблюдения Требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии».

Решение о включении рукописи в очередной номер журнала принимает редакционная коллегия.

Редакция оставляет за собой право производить сокращение и редакционные изменения рукописей.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, социологических, криминологических и иных данных, имен собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Плата с аспирантов и авторов других категорий за публикацию рукописей не взимается; гонорары за статью не выплачиваются. Автору, проживающему в Москве, полагается один авторский экземпляр, за которым он приезжает самостоятельно. Иногородним авторам один авторский экземпляр высылается по почте.

Рукописи со всей соответствующей документацией можно представлять в редакцию лично, а также направлять по почте: 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, редакция журнала «Вестник Российской правовой академии».

Необходимый комплект документов:

- экземпляр рукописи на бумажном носителе (белая бумага формата А4);
- экземпляр рукописи на электронном носителе (дискета или диск CD-RW, CD-R);
- решение (рекомендация) редакционного совета региона (или вуза); письменная рецензия на рукопись статьи, подготовленная доктором наук, работающим с автором в одном регионе (или вузе) и не являющимся его научным руководителем (консультантом), — для статей, поступающих от вузов, с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения;

- выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале, с подписью заведующего кафедрой (руководителя научного подразделения) или его заместителя, заверенной соответствующей кадровой структурой; оформленный и заверенный отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале, — для статей, поступающих в редакцию журнала в инициативном порядке;

- письменное представление — для статей, рекомендуемых к печати членами Российской академии естественных наук или членами редакционной коллегии журнала.

*По всем возникающим вопросам обращаться к ответственному секретарю журнала **Геннадиию Асафовичу Насимову** по электронной почте **vestnik-rpa@mail.ru** или по телефону **969-16-82**.*

Направление материалов для рассмотрения редакционной коллегией на указанные электронные адреса возможно при представлении в электронном (отсканированном) виде всей необходимой документации со всеми необходимыми подписями и с обязательным последующим направлением всех необходимых материалов (оригиналов) в адрес редакции.

Напоминаем авторам: одно из требований Высшей аттестационной комиссии — включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Тексты статей принимаются исключительно в том случае, если они соответствуют следующим **техническим требованиям:**

- объем — не менее 6 и не более 10 страниц формата А4;
- шрифт — Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал — 1,5;
- поля — по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ — 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте.

Автор **в обязательном порядке**, помимо документов, перечисленных в Порядке приема рукописей, направляемых в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии», **должен представить:**

- 1) сведения о себе: фамилия, имя (полностью), отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентская контактная информация (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- 2) перевод сведений о себе (всего перечисленного в п. 1) на английский язык;
- 3) аннотацию статьи;
- 4) ключевые слова статьи;
- 5) приставленный библиографический список, составленный согласно ГОСТ 7.0.5—2008;
- 6) перевод аннотации, ключевых слов и заглавия статьи на английский язык.

**Подписку на журнал
«Вестник Российской правовой академии»
можно оформить по каталогу
«Газеты, журналы»
Агентства «Роспечать»**

46834

в любом почтовом отделении.

Внимание!

Конкурс студенческих работ!

Впервые РПА Минюста России совместно с ФССП России проводится конкурс студенческих работ, посвященных истории образования, развития института судебных приставов и современной деятельности ФССП России.

Данный конкурс станет ежегодным.

Участниками конкурса могут быть студенты РПА Минюста России и ее филиалов, а также студенты иных высших учебных заведений, изъявившие желание участвовать в конкурсе.

Конкурс проводится **с сентября 2009 г. по август 2010 г.**

Прием студенческих работ осуществляется конкурсной комиссией **с 1 сентября 2009 г. по 20 июля 2010 г.**

Подведение итогов конкурса и определение его победителей пройдет в срок **до 1 сентября 2010 г.**

Номинация конкурса — «Лучшая студенческая работа по истории образования, развития института судебных приставов в России и современной деятельности ФССП России».

Работы могут представляться в одну из следующих тематических групп:

- «Важность государственного института судебных приставов и актуальные проблемы исполнительного производства»;
- «История развития института судебных приставов в России»;
- «Правовой статус ФССП России»;
- «Дознание и административная практика в ФССП России»;
- «Вопросы обеспечения установленного порядка деятельности судов в России».

При подведении итогов конкурса будут учитываться следующие показатели:

- историческая значимость научной работы;
- практическая значимость научной работы в целом и для ФССП России в частности;
- степень готовности внедрения разработки;
- качество оформления работы.

Требования к работе:

- результаты научных исследований должны быть оформлены и представлены в форме научного доклада или научного отчета;
- объем работы — 10—30 страниц при соблюдении следующих параметров: шрифт Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1,5;
- допускаются приложения в виде иллюстраций, статистических данных и т. д.

Участник может подать для участия в конкурсе не более одной работы.

На конкурс принимаются только работы, выполненные индивидуально.

Награждение победителей и активных участников конкурса будет проводиться в ФССП России.

Правила оформления заявки размещены на сайте РПА Минюста России www.rpa-mi.ru.

Работа с заявкой должна быть представлена в печатном и электронном виде по адресу: 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1 — с пометкой «Конкурс ФССП России».

ЖЕЛАЕМ УДАЧИ И ЖДЕМ ВАШИХ РАБОТ!



МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Учебник

Под реакцией А. Я. Капустина

Серия: Магистр

«Издательство ЮРАЙТ»

Код: 304471

ISBN: 978-5-9692-0460-7

Издание: 1

Страниц: 587

Переплет: переплет

Формат: 84x108/32

Права человека относятся к числу многогранных и сложных правовых материй, охватывающих широкий круг вопросов внутреннего и международного права. В учебнике предпринята попытка систематизированного изложения дисциплины прав человека в сфере международного права и международных отношений. В нем раскрыты основные принципы и нормы международной защиты прав человека, влияние различных факторов и тенденций современного мирового развития на становление и развитие данной отрасли международного права, а также сопоставляются сложившиеся механизмы и средства обеспечения прав человека в международных отношениях. Отдельно рассмотрено содержание и механизмы функционирования международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах. Большое внимание уделено истории и природе международно-правовой ответственности за нарушение прав человека. Содержание учебника соответствует требованиям Государственного образовательного стандарта по подготовке специалистов по юриспруденции.

Предназначен для студентов вузов, обучающихся по специальностям 021100 (030501) «Юриспруденция», 030500 (521400) «Юриспруденция (магистр)», а также для аспирантов и преподавателей юридических вузов.



ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ, ЧАСТЕЙ ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ

Под редакцией В. А. Белова

Серия: Практика применения

«Издательство ЮРАЙТ»

Код: 304161

ISBN: 978-5-9788-0077-7

Издание: 1

Страниц: 1430

Переплет: переплет

Формат: 60x90/16

Настоящая книга представляет собой первый опыт комментария практики применения норм частей второй и третьей Гражданского кодекса РФ Верховным Судом РФ, Высшим Арбитражным Судом РФ и арбитражными судами округов и может служить как одним из самых полных справочников по материалам современной судебной и арбитражной практики, так и единственным пособием, развивающим навык научного критического отношения практикующих юристов к деятельности отечественных судебных инстанций. Является продолжением книги «Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой», посвященной комментарию практики применения норм части первой Гражданского кодекса РФ (2008 г.) Для практикующих юристов.